

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 6

Тольятти
2014 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Кристина Власова

Художник номера: Олеся Дубовик

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

30 экземпляров каждого номера бесплатно направляется в библиотеки городов Поволжья.

Март 2014 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Александр Беляков	5
Николай Боков	9
Дмитрий Воробьев	14
Александр Петрушкин	18

ПРОЗА

Вадим Гнатовский	24
------------------------	----

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Алексей Александров	30
---------------------------	----

ДВА РАССКАЗА

Оксана Оносова	43
----------------------	----

ОКРЕСТНОСТИ

Мария Тарадова	51
----------------------	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Сергей Грудев	65
Елена Шустрова	68
Роман Ненашев	70
Любовь Денисова	73
Василий Чердаков	75

КНИГА ПРОЗЫ

Сергей Уткин	79
--------------------	----

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Казань литературная	92
В ФОКУСЕ	112
ПОСТСКРИПТУМ	119
МИР-ЧУЖБИНА	132
КНИГА ЗА КНИГОЙ	145
АВТОРЫ	157

ПОЭЗИЯ

Александр Беляков

странник хочет уйти отовсюду

* * *

странник хочет уйти отовсюду
входов много а выхода нет
выход мерещится там где тихо

в город входят убийцы наряженные купцами
день совершает литургию упрощенных
инвалиды устали плясать у закрытых дверей

у нас у диких ни сна ни яви – сплошное между
ум на печи а сердце на крючке
улыбнуться бы так чтобы счастье навеки

но за фасадом лиц уже проступает лес
в небесах расцветает петиция птиц
и любая деталь похожа на ключ к разгадке

март 2013

* * *

пикник в аллее безголовых женщин
(безликих не целуют – только славят)
гнев сладок избиением кумиров
даёшь глоток живительного свинства!

горазда глина мраморы хулить
пристроили снегурку в кочегарку
чудовище в будильники одето
красавице не выспаться в гробу

опять изба нагрелась докрасна
несём невыносимое на вынос

ПОЭЗИЯ

но истинный язык ведёт в тупик
и только пленный знает кто здесь пленный

скорее мох обнимет скомороха
чем это небо упадёт в стакан
пора любить поношенную тень
за шутовскую джигу за плечами

апрель 2013

* * *

жизнь идёт по делам ни жива ни мертва
аутически солнечный день атлетически сложен
в поле спит аполлон с белоснежным сугробом во рту

всюду множатся предметы беспредметной страсти
сама себя растит система умолчаний
каждый видит лишь то что не видит его самого

эта книга тебя не читает
это небо тебя не слышит
это отражение смотрит сквозь тебя

апрель 2013

* * *

уходят оглашенные с полян в поля
там бог играет на ослиной челюсти
пасутся очи
расцветают уши

чем старше время тем дешевле
сон обещает излечение значений
прохудившийся дух собирается с духом

мы живы холодно
мы гибнем горячо
мы вычитаем память из покоя

ПОЭЗИЯ

* * *

слоны груженные мышами тонули в метрополитене
канализация была назначена водопроводом
ослепшие отцы рвались в кинотеатры
на клумбах статуи садились пировать

песни сами рождались в отсутствие правильных мыслей
день походил на ярмарку абстракций
бог времени являлся охлажденным

так повсеместно побеждая смерть
жизнь продолжала подготовку к смерти

апрель 2013

* * *

непрерывность последних парадов
диффузия враждующих стихий
законсервировано производство смыслов

краеугольные камни гуляют над головами
подножные пески спекаются в скрижали
многогрудая родина дарит бесплодный год

спаситель упакован в шесть матрёшек
периферия отменяет центр
и в зеркало бросается с обрыва

май 2013

* * *

честь резидента разъята на части
обучен слышать свет и видеть звук
он словно застрял между словом и делом

ПОЭЗИЯ

о чём радировать сквозь стиснутые веки?
из предместий струится кисельная месь
дымят заводы внутренней секреции
утратившие вес не знают где здесь низ
галдят трансформеры у гроба трисмегиста

агент аркадии молчи красиво
сладка терпения беспомощная мощь
пусть ночь стенанием отпугивает стены
целуйтесь крепче кирпичи

май 2013

* * *

Анатолию Гаврилову

рецептов нет - хотя лекарства есть
после полтинника - только комедии
после пятисот – спать

призраку велено больше ходить
уши любуются тишиной
дух времени дует на воду

что ни говори – лучше помолчать
держим голову в темноте
следующая остановка – богоявленская

декабрь 2013

ПОЭЗИЯ

Николай Боков

НА КРАЮ БУЛОНСКОГО ЛЕСА

*

постанывал от наслаждения
покрывал от удовольствия
причмокивал от восхищения
и другими способами опережал
равнодушие нетребовательных современников
к происходившим в его душе открытиям

НА ВЫСТАВКЕ

Предмет изысканных полотен
И песен диких и простых, —
Наивно притязанья плоти
В них отразятся, поостыв:

Румянец щек, пунцовый ротик,
Конечностей игривый стык,
Над нимфой нежною застыл
Амуром занесенный дротик.

Плечо ли круглое, бедро ль
Заглавную свою сыграет роль,
Когда начнет спектакль дева?

Спешат увидеть нищий и король,
Магнат задумчивый и обитатель хлева.
О, вот она, царица смертных, Ева!

ДВА ОСТРОВА И МОСТ

Между этой страницей Эзры Паунда, случайно открытой
на рынке поэзии,
И той, бомжа-анархиста Мишеля Годена, вывешенной на
мосту святого Людовика,

ПОЭЗИЯ

лежало пространство – преодоленное на велосипеде –
множества взглядов, почувствованных на себе,
увиденных лиц с отпечатками судеб,
со следами ночного страха и утреннего отчаяния,
тел, источавших накопленный жар
летнего дня, запахов плоти, замаскированных
мастерством парфюмеров.

Между той страницей, напечатанной в книге весом более
фунта,
и этой, выведенной – высунув язык – рукою клошара,
произошли встречи знакомых.
Люди всё делают для избегания неожиданностей,
у них вместо мыслей пароли для опознания *своих*.
Страхуясь – извините – от неприятностей,
они убивают – бедняжки – в зародыше возможность
открытия.
Ибо одна эврика восклицает от радости,
а другая – ее родная сестра – закричит от ужаса,
по крайней мере, нахмурится.

Эти две странички не столь уж различны,
они – по большому счету – почти одинаковы,
хотя *фунты* Эзры накормили рой американских
профессоров,
а пересчитать читателей манифеста Годена хватит
пальцев одной руки.
Эти странички – стенки одной и той же воронки,
(...крылья одной и той же вороны,
дверцы одного воронка судьбы...)
куда утекло пространство этого дня,
рассеченное пересечением на велосипеде,
куда осыпалось время: мгновений песок золотой.

Смысл написанного не имеет силы закона,
он всего лишь приманка культурного
времяпрепровождения,
пища ума, все еще неустанно надеющегося
на постижение чего-нибудь неизменного.

ПОЭЗИЯ

Не пора ли стремиться к финишной – извините – прямой,
где больше нет поворотов, скрывающих дряблости плоти
и хрупкость костей,
а в конце бесстыдство смерти спрячется, наконец, под
землю.

Но мне не хотелось бы закрыть рот

на грустной ноте:
накануне я любовался лицом
одной из красивейших женщин Лютеции!
А теперь уже небо светлеет. Одинокое пение
ночного дрозда утонуло (почти) в утреннем щебетании
воробьев,
утешая, лаская и убеждая в невозможности
исчезновения.

*

Когда она, качнув бедром,
Рождает головокруженье,
Изнемогающим пером
Изображаю плоти жженье.

О, подожди, благая Ева,
Дай созерцать тебя опять
В движениях радости иль гнева,
И всю тебя запоминать:

И этой возрожденья мощи,
И блеск очей, и кожи гладь,
И Евиной мерцанье рощи,
И ног неповторимых стать.

*

Ее тело взглядом ела
Возбужденная толпа
И в мечтаньях страстных млела,
Утирая пот со лба.

ПОЭЗИЯ

А она своим коленом
И движением бедра
Всё манила нежным пленом
И блаженством до утра.

И когда в изнеможение
Имя женщины назвал,
Вдруг исчезло наважденье:
Он во тьме один лежал.

*

à К.Т.

Под крышей крепости сонета
Твой образ нежный будет жить,
Готовясь к приключениям лета,
На письмах старых ворожить,

Под ветра заунывный лепет
Воспоминанья ворошить,
Костюм любви волшебный шить, —
Он скроет стан, великолепен.

На вздохе приоткрытый рот
Зубов мерцанием жемчужным
Счастливый обещает год.

Смеясь над холодом наружным,
Переплывем пучину вод
Усилием ресничек дружным.

*

Его волнует опечатка
И фразы убежавший смысл,
Ей позабытая перчатка
И то, что он под шляпой лыс.

Но если вдруг остановиться
И шляпу приподнять рукой,
Увидит, что другие лица
Идут задумчиво толпой.

ПОЭЗИЯ

Себя так вынув из движенья
И наблюдателем являсь,
Он созерцает блеск мгновенья.
Судьбы таинственную вязь.

*

В Париже нищие палатки,
Как совести больной заплатки,
Пришиты Богом тут и там.
Несется к слуху гул и гам –
Вот страсти вышли стадиона,
Как варвары во время оно,
Капралы держат их в кольце
С забралом крепким на лице.
Но жертву средь себя отыщут
Толпы взъерошенные тыщи:
Омытый бешенством футбол
Забьет любви – кровавый гол!
Палатки нищих ночь глотает.
Красавец-город засыпает.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Воробьев

ТЕНЬ

(из цикла «Зимняя медицина»)

тень вечности дома живого
скользит как во сне

все главные слова
молчат под снегом

лёд холод жжёт

евангелие порога
бережёт тело павшее

ум рук йод век трут губ
невидимый свет

в тени тени нет

(2013)

ШОВ ЗИМ

липы опали

шуршаста болезнь комет
год повзрослел полóго
молоко стёрлось

орган огорчённого разума
заперт во рту семантики

ПОЭЗИЯ

протяни руку
шов зим это имя собственное

слегка покалывает

желает оставлять лучшего

(2013)

ПУСТАЯ ФАБУЛА

запиши и забудь
стихотворение ничем не заканчивается

(2013)

ПОДРАЖАНИЯ

Андрею Черкасову

гсс неприжитости
вещам
песен
женщин
цветения
ума
продажи
мёртвым
любовь
читайте
однородно
подробнее

ПОЭЗИЯ

Наталии Азаровой

уснул отдохнуть в наружу вечности
навещаю продукты беременные
отстранил загорелом баритона ровненько
кофту расстегнул сигаретой ртом
открывал выражение крайней мере

(2013)

ЖЕСТ

вещи оязычены тем же способом
что и овеществлён язык

прогорклое общее горло
фотограф разговоров

болит ломит трещит

фигуративный жест
инверсия казуса в узус

иногда слово Слово
пишется с большой буквы

(2013)

ПОЭЗИЯ

ДОЖДЬ

град гонит в дом
протёр простор рушником
смёл уклад домотканый ветренно

содом старых безделок стынет в тазу дырявистом
рукомойная мята ведром помята

нищета громыхает видимо
прочна словно хвоя как залётная почта
строгое несчастье семейное

придётся её переждать перевернуть
пережить придётся

(2013)

ПОЭЗИЯ

Александр Петрушкин

ТРИ ЗАВЕРШЕНИЯ ШЕСТИСТИШИЯ

вот имя собственное мира
идёт само себя как дождь
само собой неизлечимо
само себе как правда ложь
сама себе крива мужчиной
и на экране снега дрожь

вот собственно и нас убили
поддев свечою гибкий нож

неизлечимо гибнет имя
сжиная земли сквозь живот

вот, собственно, и всё. приплыли
без имени – что не поймёшь.

* * *

В срез неба заглянул – а там колодец,
свернувшись, спит высокою водой,

и пахнет шерстью лёд – и свитер носит,
и дышит за звездою неживой.

И смотрит на меня – чужой, обратный,
голодный свет и лижет языком,

у мальчика – старик есть и собака
кусает сруб своим кривым плечом,

у языка – порезы и собака,
порезы неба чует тёплым ртом,

у старика спят мальчик и собака,
и он глядит в них, как в хозяев дом.

ПОЭЗИЯ

* * *

Голову ангела в вёдрах несу –
словно соломенный ломоть отцу,
как неродному пернатому дядьке,
как с языка ошалевшего – взятки,
осень, что женщина улицы вдоль –
в львиное блюдо над головой

льются в солому помятые птицы
тёмных огней – их костей вереницы
кашляют, вёдра царапают и
головы пилят, как лужи, людьми.
Только посмотришь – как в ангела скальпель –
дождь опускает – в остаток от капель

незамерзающего ноября –
это считай, что твой ангел на птах-
детей разлетается, видя отца –
из головы, из ведра, из гнезда
жидкий отец собирает свой прах
- крутит молчанье и курит в Потьмах.

(07/11/13)

ОКОНЧАНИЕ ЭЛЕГИИ

...Что ж с бабочкой? – уж одна летит
посередине ноября и стужи,
и пишет тьму с краснеющей строки,
как от стыда, что света нет снаружи.
Элегия написана – едва ль
ты ждал, что это случится – нагие
сухие клёны прячутся в прудах,
пока звенит холодное их вымя.
И бабочка летит одна – из тьмы,
из темноты, горящей до хитина,
и смотрит, сквозь ноябрь, куда-то вдаль,
где клён назвал Адамом её имя.

(05/11/13)

ПОЭЗИЯ

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СЮЖЕТА

Раскуривал табак и оставались
зарубки никотина между пальцев,
которыми я дерева касался,
когда оно летело – просыпался
в невидимом сюжете. Виден порох,
точней, коробка без углов и линий.
Как помнишь ты – нас где-то здесь зарыли,
а после не достали, не отмыли –
и вот лежим мы, типа мусульмане,
до подбородка приподняв колени,
подумай: в октябре, как в Чуркестане,
гул расширяется, как будто бы по вене
плывет корабль похожий на Титаник
и тонет в свете посредине Вены.
Раскуривай табак – не оставайся,
как дерево в невидимом сюжете –
заходит в магазин, в октябрь - поддатый
и только что проросший, как Ареса
дитя – несёт в кармане он Балканку,
и спичку разжигает, как отпетый,
и смотрит в рот воды пока округлой,
и катится вода, как бы колёса,
с обратной стороны воды упругой.
Раскуривай табак – здесь невидимка
(см. начало – то же, что зарубки)
задёргивает свет литературы.
Вокруг земля и светлячки из жести –
и свет, глотает их, из тёмной трубки.

(1/10/13)

* * *

Вот холодает – ангелы, как снег,
ложатся в землю, обнимают это
покойще камней и рваный свет
корней, упоминающих про лето,

ПОЭЗИЯ

когда зимовье было их пустым
и громко колыхалось изнутри
в скакалке исчезающего ветра.
Вот холодает – мы ложимся в свет,
впечатанный как перья в тёплый гравий,
и пятки ангелы щекочут из земли,
и шепчут нам, что всех предупреждали.

(10/10/13)

* * *

Вот они, острые яблоки,
в воздух воткнувшие нос,
нюхают снег, пока сладкий
он и ещё не подрос.

Вот они в кадре застыли,
вот ещё морщат лицо
в свете, который отплыли,
поскольку незримо число.

Вот острые яблоки ловят
весь свет, но поймают едва ль –
ясень на свет расширяется,
снег переходит за край.

Вот и лежат эти яблоки,
тёмные рёбра шуршат,
дева моя раздевается –
так как не ведает дат.

(28/09/13)

ПОЭЗИЯ

* * *

Н.

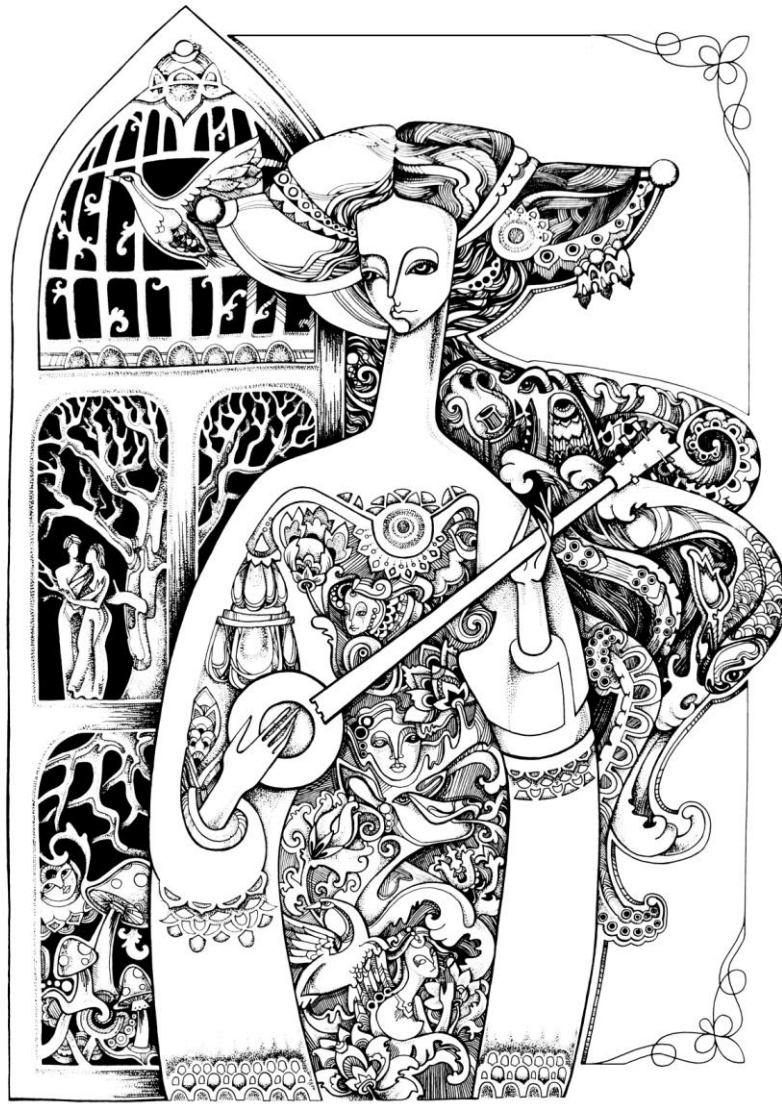
Читай стихи мои, из немоты
написанные, будто из детсада,
записанные, словно это ты
мне их сама, сама надиктовала,

в двести сорок тринадцатом ходу,
и этот стих никем не перечёркнут –
как будто наши дети не поймут
когда над нами снег утопан, точно

замыслено иначе было им
тростинкой, в пальцах у воды зажатой,
и смерть как будто есть, но не для них,
и для молчанья будто маловата.

Читай стихи, как будто в детский сад
в который раз мы за детьми уходим,
и плачем, Отче, если говорим,
а дети слышат всё, сшивая склоны.

(19/09/13)

ПРОЗА

Вадим Гнатовский

Гордость затронули

С некоторых пор в нашем чухонском урбанизированном городе появилась полезная склонность – вывешивать на крышах высоток картины. Даже не картины – репродукции. Проезжая по Комсе (Комсомольский район) на троллейбусе от речного порта, я, в прошлом художник, а ныне – конторский служащий, с удовлетворением замечал, как в наше непростое время искусство борется с обрыдлой действительностью и... пардон... даже выигрывает. На фасадах четырнадцатизэтажных недоскрёбов начали появляться картины. Хотя сначала это были просто плакаты, сделанные в духе тридцатых годов: с Мэрилин Монро и бантиком на попе.

Но были и в традициях застойных худфондовских времён: рабочий с мотком проволоки, убедительно призывающий вложить кровные рублики в “Хопёр-Бобёр”. Я помню, как в начале восьмидесятых заходил к дружку Мише в прокуренный худфонд и наблюдал рождение огромных Брежнево-Суслово-Черненко шесть на шесть метров (стандарт), лихо намазанных сухой кистью, после бутылочки с огурцом.

Недавно помянул я Мишу, хотя след его потерялся лет двадцать как. Потому что вывесили увеличенную “репру” Мунка “Крик” на один из недоскрёбов, и я подумал: уж не Мишина ли это работа? И вспомнил радостно, как мы с Мишей фанатели от гениального норвежского сумасброда и как трудно было достать в нашей провинции его сраную репродукцию, не говоря уж о достойных альбомах из загранки, которые нам приносил тихий сторож фонда – седенький татарин Алим с чёрным покоробленным, как деревяшка, лицом. Где татарин их брал – никто не мог у него дознаться. Как ни пытались спаивать – не раскололся. Но нам с Мишей – фанатикам западной живописи – разрешал перефотографировать драгоценные репры, как мы называли репродукции.

Погрузившись в блаженство воспоминаний, я проехал лишних три остановки и очутился в незнакомом участке Комсы. Вышел из троллейбуса и побрёл через поле, посреди которого высился наполовину недостроенный недоскрёб и рядом с ним – только что отстроенный. На его брандмауэр рабочие цепляли громадную – наверно, метров десять – картину. Картина была выполнена на чёрном фоне яркими желтыми и красными разводами краски. Чудовищный чёрный кот.

Грустная девочка-выродок с плоской головой саламандры обнимала кота и смотрела на жителей Комсы с упрёком. И рядом – художник видимо принял

ПРОЗА

наркотик — абстрагированная электрическая схема жестокости, выполненная угловато-агрессивными красными и жёлтыми шлепками краски. Я вздрогнул: картина обожгла меня, пробралась в нутро и там развернулась яркой прихотливо изломанной пружиной. Я понял страдания пылкой души художника, несомненно талантливого и страдающего от депрессии, рождённой нашим идиотским городом.

Было странно видеть это среди лозунгов, лоснящихся морд мэров, обещающих блага горожанам, листовок прокаженных думских фракций типа НДР, ПИДДР и т.п., призывающих к высокой сознательности и патриотизму, нагло врущих сделать Вампалар к 2002 году культурным городом. Было странно видеть это-ЧЕЛОВЕК! Опомнись!

Ты одинок и задавлен имитирующими бурную деятельность трупами насильников твоих. Кот был мерзок, а девочка гладила отвратительного кота: так надо. То была картина, по силе равная мунковскому “Крику”. Да что “Крик”? То был САМ КРИК!!! И я простоял под картиной часа два, словно в полудрёме, забыв, куда шёл, бросив все дела и намерения и планы. А потом я решил залезть на крышу, чтобы получше разглядеть отдельные детали картины (к несчастью, я близорук.)

Поднявшись по ступенькам на самый верх (так как лифт не работал), я очутился на последнем этаже и оторопел. Потому что лестничная площадка была “кусочком” парадного в традициях домов XVIII века. Тут явно была коммуналка. Насквозь пропахший щами и какой-то гадостью коридор с высоким потолком, поддерживаемый дюжиной облупленных купидонов, около перил стояла высокая бронзовая пепельница с бычками и горкой пепла, обитые дерматином двустворчатые двери были старые, войлок клоками торчал из них.

Вдруг одна из дверей распахнулась, и, звеня и мыча, на меня устремилась покрытая коростой и зелёнкой девочка-велосипедистка, смахивающая на старушку. Потом открылась дверь с медным номерком, висящим вверх ногами, и мне под ноги вылили смердящую жижу. Под другими дверями были: изъеденный мышами коврик, вязанные тапочки, обломок бамбуковой лыжной палки, аквариум, рванный абажур, велосипедная камера и связка писем.

“Дорогая Egenie...”, — прочёл я корявую надпись, из любопытства вскрыв жёлтый конверт, и увидел, что письмо датировано 1910 годом.

— Эге! — воскликнул я, позабыв о намерении залезть на крышу, и стал упоённо ковыряться в посылочном ящике, где тут же нашёл крестик, перо и пробковые поплавки.

— Да тут просто коммуналка!

И тут, словно в ответ, из другой двери, которая была полуоткрыта, вырвался граммофонный хрип Шаляпина. Вышла девушка в халатике с атласными разводами на животе и вызывающе прошаркала к мусоропроводу.

ПРОЗА

Я поразился строгому лицу её, с мешками заплаканных синих глаз, и беззащитной тайне жёстких пепельных волос. Девушке было, пожалуй, лет двадцать восемь, и позади у неё оставалась, очевидно, бурная жизнь.

Проходя в квартиру, девушка бросила на меня усталый призрачный взгляд, вытерла руку о халат и скрылась за дверью. В воспоминаниях остался её маленький носик. Я подумал: лицо её я видел прежде, ну, конечно видел, да, много у нас в городе таких милых измождённых лиц. Меня привлекла в ней, пожалуй, болезненная бледность и какая-то безнадежность в остановившемся взоре. Я постоял перед дверью и, глубоко вздохнув, поднялся по лестнице на чердак. Там меня ждало открытие. Оказалось, что панно – это всего-навсего гигантская открытка, отпечатанная офсетным способом на ткани. Я пощупал тугую парусину, трепетавшую на ветру, и приготовился спуститься вниз, как вдруг увидел подпись, напечатанную шрифтом гелветик:

Мусатова Анна Алимовна
1934 г., Вампалар

И подпись эта всё перевернула в моей дотоле спящей душе, и я изумленно воскликнул:

– Во-первых, в тридцать четвёртом Вампалар назывался Ставрополем. Во-вторых... Во-вторых... – но этому я просто не хотел верить!!! Мне нужен был человек, который сможет подтвердить... Короче, я вышел из подъезда с твёрдым намерением разыскать художника Мишу.

* * *

– А другие картины как же?

– Пропил. Всё пропил. Ты извини, старик, тогда пропивались вещи и поважнее... А картина... Ну что – картина! Помню, перед тем, как опечатать, там все соседи порылись в алимовском барахле...

Мы качались на колченогих табуретках, и опухший Миша, стуча зубами, таращился на меня, как на привидение. На полу валялись газеты, а на столе стояла кастрюля вонючей браги.

“Ну ай нид...

уай ши...ши вуднт сей...

ши... сэд ...естэдэ-э-э-эй”, – потрескивал приемник. Миша извинился и побежал в туалет блевать. Потом он вернулся, силой влил в себя кружку и опять выбежал. Потом в ванной зашумела вода. Наконец вышел Миша с мокрой головой.

ПРОЗА

– Извини, старик, но я туда не пойду. Эту девчонку я знаю. Как не знать – дочка старого Алима. Тогда, в девяностом, она баловалась живописью и кололась. Это притом, что старик был на последнем издыхании. Ну и я за ней – того.. а она ваще – ну и стерва! Один раз пришли какие-то рэперы в кожаках, ну, и отымели её всем скопом, накачали спермой... А у нас вроде – амур, а она мне – ни-ни! Падла!

– Ладно, хватит! – заорал я, с трудом преодолевая отвращение, и взялся за фуражку. Меня мутило от Миши, от этой обстановки и от того, что я здесь услышал.

– Ну, бывай, – равнодушно бросил Миша, потянулся к браге, уронил голову на стол, да и захрапел. Я хлопнул дверью.

Так случилось, что попасть в Комсу в тот же день я не смог. И на следующий. И через месяц. И через год. А потом забыл. И как-то весной, проезжая мимо знакомого дома, я увидел, что на крыше красуется уже другая картина. Вернее, совсем не картина, а рекламный плакат. Голая австралийка сидела на корточках у пальмовой хижины и пила "Кока-Колу", блаженно улыбаясь и совсем по-европейски кокетливо прикрывая грудь.

На обороте была надпись:

ЕЖЕГОДНО 50.000.000 покрышек
вредят Земле
КИЖИ из покрышек!
Менять живых на здоровых!
ЭЛАСТИЧНЫЙ МАТЕРИАЛ
ЭКОЛОГИЧНО
Приносит пользу и радость детям
УЖКХ

Постояв перед дверью, я медленно нажал кнопку звонка. Шаляпин уже не пел в этом доме. Из дверного проёма на меня устало и обиженно посмотрела девушка.

– Это вы, Потрошитель писем?

– Я.

– Проходите.

В квартире были сломаны перегородки, так что получилось просторное помещение. На полу кипел самовар и по диагонали, от стены к стене, стояла картина. Та самая. Напечатанная офсетным способом.

Отвернувшись к окну, девушка сказала:

ПРОЗА

– Я знаю, что вы хотели прийти раньше, но не смогли. Не оправдывайтесь, пожалуйста.

Я кивнул, мол, не собираюсь оправдываться. В кухню с криком вползло маленькое существо, совершенно голое.

– Она не простудится? – поинтересовался я и взял девочку.

– Она закалённая, – улыбнулась девушка и приняла её из моих рук.

– А там, в комнате, ваша картина?

– Да, моя.

– Вы Анна Алимовна Мусатова?

– Уже нет. Теперь я Анна Алимовна Мунк.

– Понимаю, – буркнул я.

– Чай будете?

– Что?

– Чай?

– Нет, спасибо. И ещё один вопрос. Последний. Зачем сняли картину?

– А вы разве не понимаете?

– Нет.

– Они мою гордость затронули. Когда я “слезла” с иглы и огляделась по сторонам, то поняла: собачий закон – каждый за себя – остался. И все – против тебя. Хотя это было время перемен, якобы. Ослепление надеждой, понимаете. А потом всё стало ещё хуже. Никому не нужен Мунк. Всем нужны автомобильные покрышки.

– Да.. да... – рассеянно проговорил я.

– ... Алим ведь надеялся: люди поймут...

– Да... да... – повторял я, как попка.

– ... а они никогда ничего не поймут...

– Вы правы.

– Уходите. Слышите? Уходите, Потрошитель писем.

– Спасибо вам.

– За что? – девушка удивлённо повела бровью. Получилось изящно, царственно.

– Если б я был мастер по камням, я бы вырубил с вас камню, – сказал я, – Спасибо за эту картину. Когда я ехал...

– Да-да, я знаю. Когда вы ехали на троллейбусе и мило грустили... как там?... м-м... “думской фракции типа ПИДДР”... ”прихотливыми изломами молодой страждущей души художника” – передразнила девушка.

– Но... откуда вы....

– Как не знать? Я же медиум. Вы подумали: “Электрическая схема жестокости”, – Анна презрительно вздёрнула носик.

– Да, я так подумал.

ПРОЗА

– Вот поэтому и сняли картину. Чтобы такие, мёртвые Потрошители, вроде вас, не лезли в душу... А теперь уходите.

– Я не могу взять у вас телефон?

– Развлекать удобными новостями погибшую в 1934 году Мусатову? Не имеет смысла.

Девочка расплакалась, и мама, не обращая на меня внимания, распахнула халат. На месте груди у Анны находился стеклянный резервуар с зеленоватой жидкостью. Девочка присосалась к трубке и жидкость с шумом полилась ей в пищевод. Мне стало неловко и странно, что я тут же едва не ушёл, но сейчас уйти я не мог, стало жаль эту женщину, и я понимал: она настолько умна, что примирилась с такой реальностью. Однако мне все равно было так жаль её, что я готов был предложить ей помощь – всё равно какую: повесить снова картину на крышу, дать ей денег, одежду, нормальное жильё, я захотел быть её опорой, захотел её любить таковую, какая она есть – с прозрачным резервуаром вместо груди – но я понимал: я ничего не смогу изменить в её жизни, ничего, даже если брошу к её ногам всего себя, весь мир, она скажет только: зачем, к чему эти жертвы?

Я всё ещё топтался в нерешительности, когда она взглянула на меня. Её взгляд был уже другим – благодарным.

– Спасибо, но мне действительно ничего не нужно.

* * *

Ровно через сутки мы простились с Анной, как старые друзья, обречённые на казнь, и она и я понимали, что в нашем случае ничего не изменить. Мы обязаны влечь дальше свою одинокость. Иначе жизнь потеряет смысл борьбы. Я спустился по ступенькам и вышел на заснеженный двор. Деревья покрылись инеем – как видно за ночь зима решила вернуться и поселиться навек в нашем городе.

Долго стоял я, задрал голову, и смотрел на голую австралийку, пьющую “Кока-Колу”, и без конца спрашивал сам у себя:

– Позвольте, где же у неё гордость?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Алексей Александров

С поэтом Алексеем Александровым я знаком заочно более 15 лет. То есть читал его стихотворения в альманахах и журналах, восхищался, удивлялся, а в физическом мире знакомство произошло в городе Саратове, где Алексей проживает, в 2008 году. Мне захотелось поговорить с поэтом и редактором обо всем сразу, о поэзии, о любимых городах, о друзьях... Перед Вами эта беседа.

Сергей Сумин

- Приветствую, Алексей. Мой первый вопрос: знаешь ли ты, что такое поэзия? Почему, несмотря ни на что, она продолжает существовать в нашем рациональном и продажном мире?

- Привет, Сергей! Вот так сразу... Мне проще сначала ответить на вторую часть - это не поэзия продолжает существовать, это мы все еще пытаемся как-то. Мир, сдается мне, всегда непрост, как пелось в одной популярной некогда песенке, и люди в нем случаются разные, замечательные и плохие вплоть до полной утраты человеческих качеств.

Ну так вот, по-моему, поэзия (или искусство вообще) - это нечто неопределяемое, но опознаваемое, одновременно и внутренний ад и внешний космос. Понимаю, что от таких формулировок пахнет визионерством, ну что поделаешь – на данный момент я ничего другого придумать не могу.

Понятное дело, что есть просодия, формы, жанры, каноны, в конце концов. Но хорошие стихи тем и хороши, что нарушают правила. Так что поэзия - это еще и преступление в каком-то смысле, сбой схемы, даже и червоточина иногда. Поди поймай эту птичку (смайлик).

- Как бы ты разрешил знаменитый спор начала 21 века: сколько сейчас хороших поэтов в русской поэзии – 6 или 600?

- Ну, не знаю, насколько такой спор актуален сейчас, я-то в свое время был (или числился) одним из тех самых шестисот, как и ты. Это вопрос оптики, стратегии тех, кто составляет эти списки, – большая колесница,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

узкие врата, редакторский произвол (и это тоже необходимая в литературе вещь) или просто случай.

К примеру, из тех, кто был опубликован в «Нестоличной литературе» и в «Девяти измерениях» - антологиях, спровоцировавших ту дискуссию, - кто-то исчез из виду, кто-то отошел на второй план, но все же много имен сейчас на слуху. Вот рязанский поэт Алексей Колчев «выстрелил» в 2013-м сразу тремя книгами. Да и новобранцев за это время прибыло! А в великолепной шестерке тоже ведь ротации, и место главного поэта после Бродского вроде бы вакантно. О чем это говорит? Поживем-увидим, а главное – почитаем. Меня лично соревновательный момент в поэзии не слишком интересует, но наблюдать готовые тренды любопытно, не скрою. Я и сам этим занимаюсь в качестве редактора отдела поэзии журнала, разве нет? В «Волге» за один только 2013 год опубликовано пятьдесят подборок.

- Как влияет на письмо конкретное место проживания поэта? Что это за пространство такое – Саратов? Хорошо ли тебе здесь пишется?

- Саратов - место сказочное, но не слишком радостное. Раньше мне он казался таким кукольным, не настоящим, но вполне себе серьезным лабиринтом, из которого исхода нет. Зайди в любой двор, быт засосет, как болото, пропадешь навсегда. А теперь это чуть ли не приморский городок летом, толпы молодежи в любое время дня, ленивое пиво, туршопинг, зазывалы на проспекте. Люди, которых я знал и любил, разъехались, обзавелись семьями, детьми, - одним словом, растворились как-то. Остались считанные единицы. Но мне почему-то спокойно среди этих домиков в старой части Саратова, ну и да, пишется хорошо.

Волжские степные пейзажи, Соколова гора, набережная – всего не перечислишь, всё влияет, конечно. «...Здесь время недвижно застыло с утра / и травы все шепчут и шепчут о чем-то / здесь так хорошо и легко умирать / и всласть смаковать обреченность» - это Сергей Трунев написал в 2010-м, верно и по сю пору. Если сильно задуматься на этот счет, можно найти похожие интонации в стихах и у меня, и у Жени Заугарова, у Александра Ханьжова, Димы Голина, да много у кого.

- Вообще, одна из целей нашего издания – напоминать людям об авторах, которые писали 20-30 лет назад... Помнишь ли ты, что творилось в Саратове в конце 80-х в начале 90-х?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Какие официальные и андеграундные тусовки существовали, какие поэты писали?

- Что творилось? Было в те времена в Саратове такое объединение «Контрапункт», возникали литературные группы разные, официальные и неофициальные лито, и «Волга» существовала, да еще как! Выходили альманахи и журналы, новые имена в литературе появлялись чуть ли не каждый день, всплывали авторы, запрещенные советской цензурой, в общем, дышалось свободно и весело.

Подробный комментарий к той эпохе – тема для отдельного разговора, в двух словах не получится. Собственно, об этом были статьи в альманахе «Василиск», отсылаю интересующихся к материалам на портале «Мегалит» Да и не мне рассказывать надо, т.к. я варился в собственном соку где-то до середины 90-х, посещал несколько литобъединений, а в 1995-м журнал «Волга» напечатал мою подборку стихов, и закрутилось для меня колесо истории немножечко по-другому.

- Не попробуешь ли ты объяснить, как рождаются у тебя те или иные образы? Можно ли вообще что-то рационально объяснить в таком деле, как поэтическое творчество?

- Полностью объяснить не удастся - нет единого подхода, как нет универсального лекала, по которому можно было бы вычертить и просчитать человека с его чувствами, мыслями, ощущениями. Я могу выделить у себя несколько тем, которые в свою очередь тащат за собой образный ряд, свою эстетику, персонажей каких-то встреченных и выдуманных.

Например, в книге, которую выпустило издательство «Айлурос», помимо мультиков есть привязки к конкретным временам, к тем же 90-м, которые несмотря ни на что я вспоминаю с теплом, - сколько было ярких людей, историй! Вот так пересматриваешь «Винни-Пуха», а у тебя перед глазами парочка знакомых людей маячит, сказка становится былью, от каждого слова тянутся ниточки-провода, ток идет, механизм работает. А в другом случае все может быть иначе, не угадаешь, как включится, могут сдетонировать любое слово или предмет.

- Были ли у тебя в жизни литературные учителя? Кого бы ты назвал любимыми поэтами?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Напрямую, пожалуй, нет, не могу никого назвать учителем, как и никто вроде бы не числил меня в своих учениках. Все-таки учитель, по-моему, должен быть один, а у меня в литературной среде были и есть отношения скорее дружеские, которые я очень ценю, к дельным советам всегда готов прислушаться. Вот оказавших влияние на меня поэтов очень много, это Мандельштам, Оден, Гейм, Жданов и еще с две дюжины разных, непохожих друг на друга. И еще Андрей Тарковский, например, Вендерс или Лео Каракс – кто скажет, что они не поэты? Любимых еще больше, но здесь я хитро промолчу, чтобы не испугать это прекрасное чувство.

- В твоих стихах я чувствую некое смещение тем-образов, затемнение смысла... Сознательно ли ты это делаешь?

- В общем-то раньше я уже ответил на этот вопрос – вряд ли совсем уж сознательно, просто так внутри меня некий орган реагирует на внешние раздражители. Иногда, скажем, я вижу картинку, с вырезанными или грубо вырванными кусками, наложенную на другие, также причудливо изуродованные, не совпадающие ни по месту, ни по времени, ни по теме. Есть, конечно, опасение, что до конца разобраться во всех хитросплетениях читатель не сможет, но ведь здесь мы с ним на равных – каждое новое прочтение всякий раз меняет и само стихотворение.

- Алексей, у тебя техническое образование. Как это отражается в твоём творчестве?

- Как-то отражается, есть три-четыре стишка, где я сетую на судьбу с подробностями профессии, т.е. как инженер-конструктор. А если серьезно, то физика лирику дает много для понимания мира, в хорошем смысле отрезвляя и одновременно поправляя картинку. Ну и конечно, как и любое специальное знание, это обогащает твой словарь, добавляет в образный ряд всяких прекрасных уродцев механических. Перефразируя известные строчки Ахматовой, можно сказать, что поэзия питается всем, что под руку подвернется.

- Я знаю, ты редактор журнала «Волга»... Какова, на твой взгляд, судьба журналов и альманахов провинции, например, Поволжья? Ждет ли их долгая типографская судьба?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Уточню на всякий случай, я - редактор отдела поэзии, если еще официальнее – член редколлегии, нас там пятеро, «все равны, как на подбор...» Насчет типографской судьбы не знаю, но то, что «Волга» будет выходить, пока мы живы, это так, прошу прощения за патетическую ноту. Сейчас Интернет и электронные книжки диктуют свои условия, вслед за широкими возможностями для публикации мы получили то, что получили: «Новый мир»? а что это? – в устах молодого дикаря, который и слухом не слыхивал о Хаксли. Ну, знакомая ситуация, переживем и это. На моей памяти несколько раз хоронили театр (дескать, не сможет составить конкуренцию кинематографу), радио (а зачем, если есть телевиденье). Но посмотрите, сейчас они вполне живы-здоровы. В провинции, тем более в Поволжье, с такими культурными центрами, как Самара, Нижний Новгород и т.д., я уверен, и дальше будут возникать литературные альманахи, с этим самостийным явлением никто и ничто поделаться не сможет.

А вот будет ли у них долгая судьба, я не знаю, здесь все зависит от конкретных людей, которым следует полагаться только на собственные силы. Уповать на господдержку, меценатов, на какие-то писательские союзы не следует, увы или к счастью, но такое нынче время на дворе. Я бы конечно очень хотел, чтобы и через десять-пятнадцать лет (дальше не заглядываю – самому бы дожить) существовали на литературной карте «Цирк «Олимп»», «Василиск», «Графит», «Новая реальность» и другие, именно что независимые нестоличные периодические издания.

- Поволжье как единое культурное пространство – мифично или реально оно? Уральская школа поэзии существует, есть ли поволжская?

- Уральская школа, говорят, существует, причем как раз в виде хорошо культивируемого мифа, это да. В Поволжье пока нет такого человека, как Кальпиди, который бы взял на себя такую ответственность, да и вряд ли когда-нибудь такой человек найдется.

У нас много городов со своим звучанием, своей поэтикой, мне кажется, что нужно сохранить это многообразие, поэтому в твою фразу вместо «единого культурного пространства» мне хочется поставить термин «содружество культурных центров Поволжья» или что-то вроде этого. Да и как объединишь таких разных поэтов, как Виталий Лехциер, Сергей Щелоков, Александр Уланов в рамках, допустим на минуточку, самарской поэтической школы? А уж если брать по региону, то давай

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

добавим воронежцев, нижегородцев, саратовских поэтов, Айвенго сотоварищи, тебя – довольно пестрая картина получается.

Но есть в этой идее объединения что-то привлекательное. Объединение как сотрудничество, как часть программы поэтических фестивалей, с разумным учетом региональных интересов, собственных задач местных альманахов и журналов – это трудная, но интересная работа для культуртреггеров. Здесь главное не убить живое развитие ложным пафосом, ненужной глобальностью, общей схемой.

- Я знаю, что ты любишь синематограф... Какое искусство более явно и объемно отражает явления нынешнего дня – поэзия или кино?

- Для меня искусство неразрывно, я за синтез жанров и приемов. Актуальность – не главное, есть фильмы, которые я могу пересматривать бесконечно, так же бесконечно проецируя их на современную ситуацию. То же самое с музыкой, стихами, литературой вообще, живописью, театром. Причем иногда трудно бывает определить, что это – «Германия 90» у Годара, например, где морячок, шагнув в комнату с улицы, читает Пушкина (эссе, философский трактат, псевдодокументализм, пародия, размышление о меняющемся мире?); поэзия Драгомощенко, Парщикова, Седаковой... Чем дальше и дольше мы живем, тем сложнее выразить, что мы есть в этом мире, одной краской, одним инструментом не обойдешься.

- Поздравляем тебя с выходом книги «Не покидая своих мультфильмов»... Когда ждать следующую?

- Благодарю, Сергей! Книга была для меня одним из главных событий прошлого года, спасибо Елене Сунцовой и ее замечательному издательству! Самый старый текст в «Мультфильмах...» датирован 2007-м, т.е. получается, что это такой своеобразный итог за семь лет. А возникла книжка, если считать от предложения редактора до выхода первого экземпляра, буквально за недели.

Вот так бывает, когда за дело берутся профессионалы – сам бы я еще долго собирался с мыслями и духом. Когда будет следующая книжка, трудно сказать, стихов вроде бы у меня достаточно для еще одной, но ведь тут хорошо бы разглядеть объединяющую идею, вписать сборник в некий ряд на книжной полке, как это сделало «Айлурос».

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Успехов, Алексей, в редакторской и творческой судьбе, ждем тебя на следующем, Втором фестивале поэзии Поволжья!! Приедешь?

- Спасибо! Постараюсь приехать, первый фестиваль меня очень порадовал хорошей программой и атмосферой чтений. Буду рад встретиться со знакомыми и незнакомыми поэтами, слушателями, друзьями. Я в свою очередь хочу пожелать альманаху «Графит» и его читателям здоровья и приятных литературных открытий в обозримом будущем.

Декабрь 2013 года.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Алексей Александров

Настала осень нашего безделья,
Уж печень шепчет: рюмку укради.
И жар в груди, и Ленин впереди,
На броневик забравшись с целью.
Куда нам плыть, матрасик надувной,
Изображая ветер и непогоду?
Но, ковыряя из зубов икоту,
Пошли за мной, любой ценой
Добудем этот самый непокой.
Кругом такие вспыхивают дали,
И красный отблеск заржавелой стали.
Махни рукой, мой дорогой.

Округляя глаз, карябая простуженное горло,
Ставрополь перетекает в новый город не спеша
По дороге-капельнице мимо корабельных
Сосен убранных и кучевых перин, нещадно взбитых.

В этот парус разовый и ты с утра дыхни
В морду ласковому минус-солнцу, если проберешься,
Если ВАЗовский проскочишь педсовет горячий
Во дворе, где ослепительно собачка лает.

Мазки на стёклышках от капель,
Психической атаки дробь.
Измят халат на эскулапе,
Он сам - как высохшая сдобь.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

И дождь его с утра макает
В стакан с коричневой бурдой.
Нашла коса на лунный камень,
И ларчик отворен с бедой.

А что лежит на дне колодца?
Звезда оттуда не видна.
Как наше слово отзовется -
Увы, фантазия бедна.

Он просто так под дождик вышел
Перекурить весь этот джаз,
Стоит и сладким дымом дышит,
За воздух призрачный держась.

Вариации

1.

Пушистым голосом в невидимой листве
Зимой встречаются и вспоминают птицы,
Когда проклюнутся - в какую жизнь (их две)? -
Чтоб в скорлупу уже не возвратиться.
Взорвут хрустальное, как облако, вокруг,
Любуйся издали, а свет насквозь проходит.
Ветвям обугленным приснится этот звук
И инвентарный номер на ракоде.

2.

Свинцовым колосом, как бабочка в траве
Во сне запуталась, как проводные сети
Поймали мертвое. Колода в рукаве,
Колонка памяти в единственной газете.
Где колокольчик вздрогнул на шнурке,
На шкурке заячьей щеку пробило молью,
Цветет разводами, как утро на реке,
И выливается в вечернее застолье.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Офисное, вечернее

Сотни погашенных офисных зданий
Ждут возвращения в лоно свое,
Сторожем ходит шпион на заданье,
Смотрит печати и песни поет.

В темных углах угольками пылают
Очи животных, лишенных любви.
Чудища злы, но особо не лают.
Круг их редееет, но лишь позови...

Войско уснувшее Урфина Джюса -
Стулья на страже стоят у дверей.
С кульмана скрепки свисают, как бусы.
Ночь наступила в Долине Царей.

Звездочка ясная, свет твой зеленый -
Льется по крышам напрасная желчь.
Разом ушли в никуда миллионы,
Некому больше светильник зажечь.

На удивленье ясные деньки
Неуловимо серого оттенка
С прозрачным ощутимым холодком.
Собака разминулась с поводком,
Мне лай ее послышался за стенкой,
В ведре лениво дышат окуньки,
Все так же зелены и полосаты.
Особых изменений нет, как нет,
Что в прошлой жизни принято утратой
Считать, как кошелек и партбилет.

Всему черед - стареет и ржавеет,
Приходит время собирать плоды.
Без разницы огрызок иль обмолвок,
Все так же ветер носит семена.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Вот если завтра не дай бог война,
Что без билета сквозь дырявый пол
Нам вспомнится? Как ездили в сады:
Колхозные поля замерзшей свеклы,
С носка в канаву шеметом качан...
Оглянешься, перевернув бинокля
Стекло, и смотришь звезды по ночам.

Октябрь кончается, теребит
За куртку: кто не запас картошки?
А время делает нам кульбит,
И часом позже встаёшь на ножки,
Членораздельное говоря,
Но вял и сумрачен, словно овощ.
Грядёт четвёртое ноября,
Уже никто не придёт на помощь,
Да и нескорая не нужна -
Поляки? Тоже не вижу смысла...
У ополченцев тонка мошна
И над брючиной она повисла.
На красный выпало им число,
Вот расчехляют свои знамена.
А храм, который идёт на слом,
Стоит молитвами сохранённый.

За общественным делом и многим другим
Дух не ведает, чем между красным и белым
Тело занято, - правило левой руки.

Кроме этого есть ведь буравчик, источник
Нефтяного безделья, иглочий кончик,
Младопутаники, комсомольское племя,
Огневые кремлята крутых перемен;
На значке в окружении ангелов Леннон
Свежесваренный лижет пельмень.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

А еще есть закон бутерброда, бигмака:
Кто державным обходит владенья свои,
Машет флагом, в приемной на стульях свалив,
Тем давно и с гербом отвечает бумага.

Вот дымит, как в мороз, чай в пластмассовых чашках.
На закате оброс паровоз кумачом.
Некто тяжело вздыхает, читая донос,
А в дверях за врачом два архаровца в мятых фуражках.

Ордена комсомола учили, основные этапы пути...
Жизнь калечила, но и лечила, убеждая, что все впереди:
Скатерть красная, радиомарши, с мутной жидкостью желтый графин.
Вспоминай и отматывай дальше, лей на тертый кумач парафин,
Щупай фарой недалежного света край дороги, ведущей во ад,
Узнавай из случайной газеты про недавнего детства парад.

А в кружке неумелые руки мастерят и сажают на клей,
И не знают усталости муки. Или творчество - их мавзолеей?
Дар напрасный находит героя, и повестка с билетом на юг
С головой одеялом накроет, не удержит спасательный крюк.

Шустря лисичка китаёза,
Бессмысленна и беспоща....
А на дворе такая проза,
Замёрзнуть можно без плаща.
Хотя бы заячий тулупчик,
Ведь обещают холода.

Хлебай в потёмках ржавый супчик,
Который в сущности вода
Подкрашенная, горстка риса,
Страдательные времена, -
С кем делит угол биссектриса,
Уже проходит путь зерна.

ДВА РАССКАЗА

Оксана Оносова

Продаётся воздух

Я продаю воздух. Каждый день стою на центральной аллее парка и закачиваю «лёгким» газом яркие шарики. В тёплое время года по выходным, а особенно в большие праздники около меня выстраивается очередь. Тогда вспоминается классическое: «...дети плачут, а родители платят...»

Всем маленьким людям, гуляющим в парке, хочется взять себе воздушный шарик. Не такой – безжизненный, резиновый, что продаётся в любом киоске, – который надо надувать ртом, завязывать ниточкой – и всё равно он потом не летает. А именно тот, что у меня, закачанный из баллона с «лёгким» воздухом, – изумительный, волшебный шар, который рвётся в небо. Наверное, там, наверху, и живёт детская мечта. Мои шарики, если их отпустить, летят в небо, к этой самой мечте, и она не может не сбыться. Все дети это понимают, а взрослые – нет. Им кажется, что платить приходится просто за детскую прихоть, за воздух – «деньги на ветер».

Дети постарше, прежде чем я впущу в шар воздух, просят положить в него записку с желанием. На самом деле это пустая формальность, потому что я не только продавец шаров, но и чуточку волшебник. Все детские незамысловатые мечты и желания я считываю с их милых мордашек. Я их люблю, и я счастлив этим. Родителям тех детишек кажется, что я продаю воздух, но дети на самом деле покупают у меня счастье, чистую веру, что их мечта сбудется.

Окружающие люди считают меня дураком. Не столько глупым, сколько блаженным – из-за того, что я постоянно улыбаюсь. А что остаётся делать? Не плакать же, когда к тебе приближается с затаённой мечтой в глазах ходячее «солнышко», сжимая влажной ладошкой пару пятак? Кому рассказать, как покинула меня любовь всей жизни? Она не смогла сделать меня «таким, как все», не убедила найти «нормальную» работу или поступить учиться на «нормальную» профессию. Вяло помучившись чуть меньше года, Она меня бросила. С тех пор прошло много дней. Или месяцев. Или лет?.. Жизнь превратилась в сплошную полосу часов и мгновений.

В один из ничем не примечательных дней я увидел Её вдалеке – на другом конце аллеи. Не отводя взгляда, я смотрел на Неё, но редкая толпа, просачиваясь с улицы на дорожки парка, вскоре скрыла Её совсем. Стали подходить дети за шариками. С хорошими, радостными мечтами и радужным от весны настроением. Я снова улыбался, глядя в их ясные, искрящиеся лица.

ДВА РАССКАЗА

Тут ко мне подошла девочка лет шести с уже готовой запиской в пухлой ладошке. Письмецо было надёжно спелёнато в тугую трубочку, но я ощутил вселенский холод, когда понял, что там написано.

«Хочу, чтобы мой папа сдох! Потому что мама из-за него плачет ночью. Потому что детей бросать нельзя!»

Ошарашенный, я посмотрел в глаза девочке. Это были Её глаза. Это была Её дочь. Моя дочь, о существовании которой я не знал до этой минуты. Я ничего не сказал девочке. У неё не было денег, но я подарил ей самый красивый шарик, куда она своими маленькими пальчиками затолкала страшную записку. Совсем немного подержав верёвочку, девочка выпустила шар в небо. Я следил за его полётом, как будто видел это впервые.

«Что ж, пусть будет так, как она хочет, – с горечью подумал я. – Всё равно я мало кому нужен в этой жизни. Господи, если ты слышишь, сделай счастливой мою дочь».

– Мама, мама, – закричала девочка на весь парк, – я отпустила страшное письмо в космос! Теперь папа ко мне вернётся!

Я уткнулся взглядом в землю, боясь выдать нахлынувшие слёзы. Никто не должен видеть грустным продавца радости. Когда я смог поднять глаза, передо мной стояла Она. Один лишь долгий взгляд – и Она прошла мимо, держа за ручку дочь.

«Папа вернётся!» – звучало у меня в ушах. Я дёрнул тесьму, и разноцветный рой, освободившись от привязи, взмыл в небо. По парку пошёл гул ликования. Не оставив себе ни капли, всю радость я отдал людям.

Карусельщик

Когда люди живут суетливо, разучившись созерцать мир, да что там созерцать – даже просто ходить медленным шагом, жизнь становится похожа на карусель. Да, такую вот детскую карусель, как в парке, с лошадками, верблюдами и слонами на большом деревянном помосте. И кружится она, поскрипывая: «работа-дом-дача-работа-дом-дача...» Роль лошадок и верблюдов чаще всего выполняют автомобили, реже велосипеды, а то и просто собственные две ноги. А вот шатра (крыши) над этой каруселью нет, потому как незачем: люди перестали смотреть вверх, в небо, в космос, живут только своими приземлёнными проблемами. Так что нам удобнее следить за ними без шатра над каруселью.

Впрочем, какую избитую метафору ни подбери к течению жизни – дорога ли, река ли, – в конце концов и та и другая замыкаются в круг. Карусель.

ДВА РАССКАЗА

Хм, кольцевая дорога бывает, а вот кольцевая река – уже метафизика какая-то! Так что пусть останется карусель.

Работа, общение с себе подобными суетящимися, поиск «счастья в личной жизни» – во всех этих событиях человека сопровождает определённое количество таких же работающих, бегущих. Общение по работе, дружба, любовь – вот он, круг карусели, где каждый восседает на своём слоне, не теряя остальных из поля зрения. Но закончилось неизвестно кем данное число поворотов – уволился с работы, завершил учёбу – и кто-то сошёл с твоей карусели и перебежал на соседнюю (работу, город, страну), а кто-то занял место ушедших. Или не занял – тогда человек становится одиноким. Пошёл следующий круг карусели. Конечно, не все люди покидают человека, они могут кататься рядом очень долго. Обычно их называют друзьями. А кто-то, давно ушедший, может и вернуться через много лет на прежнюю карусель.

Жизнь – карусель, значимые события жизни – остановки. Но мало кто задумывается о том, что или кто эту карусель останавливает и снова пускает в движение. Те немногие, кто начинает об этом подозревать наиболее настойчиво, могут нас почувствовать и даже увидеть, если мы позволяем. Нас, карусельщиков. Люди называют нас Ангелами-хранителями. Думают, если ты большой, полупрозрачный и светишься, так сразу Ангел. Но не совсем «хранитель», а, скорее, «направлятель». Или «направитель»? В общем, не знаю, как правильно.

В прошлом мы тоже были людьми и жили на земле. Я, например, был квантовым физиком и изучал парадоксы «тёмной» материи. А мой друг Славка был писателем. После смерти крутить карусель жизни остаются немногие – только те, кто был сильно привязан к материальному миру. Но живём мы не в физическом плане, а, больше, в ментальном. Люди же на Земле додумались до истины, что мысли материальны? Вот это и есть наш мир. Мир тех, кто запускает карусель.

Вот уже два земных года на моей карусели постоянный состав. Пять человек – две женщины, трое мужчин. Один, молодой, лет шестнадцати, наркоман. Одна из женщин – его мать. Второй мужчина – любовник матери, из-за которого парень и начал колоться. А оставшаяся пара: она – жена этого любовника, он, в свою очередь, любовник этой жены. Самому смешно, как описал! Как в той телепередаче 90-х годов: «двоюродный муж брата жены главы семьи». Если понадобится, по ходу повествования у этих героев появятся имена. К примеру, юношу зовут Стасик. Это уже не смешно. Включая то, что мальчишка скоро умрёт. А остальные, кроме матери, даже не заметят этого.

Но вдруг карусель начала замедляться: Стасик бросил наркотики! Причём сам, по собственному желанию. Он, конечно, пока не знает, что это ненадолго –

ДВА РАССКАЗА

насквозь пропитанный зельем организм своё возьмёт. Стоп, машина. Остановка. Стасик куда-то исчез, но вскоре вернулся. С девушкой. И я понял, что попал! Как кур в ощи́п. Разом забыл, что должен постоянно контролировать свои эмоции и чувства. Очнулся и отвёл глаза от девушки, только когда прибежавший на созданные моими эмоциями возмущения ментала Славка затряс меня за плечо.

– Стёпка, очнись, придурок! Тебе сейчас только магистров Порядка здесь не хватало!

– Не придут через пару минут – значит, не засекли. Ты же никому не скажешь?

– Ты что – дурак? – спросил Славка. – Крути давай уже! И не смотри на меня так!

Я не стал уточнять, как «так». Взгляд действительно может меня выдать, если придут магистры Порядка. Я знал, что влюбился в эту человеческую девушку, а любовь в глазах карусельщика делает взгляд больным. Не зря же люди считают любовь болезнью!

Карусель привычно крутилась. Стасик не кололся. Всё у них с Лизой, этой девушкой, было хорошо.

А я страдал. Страдал, когда видел их обнимающимися, гуляющими за руку, когда видел их полные любви глаза, обращённые друг к другу. Даже просто знать, что они рядом, рука об руку, доставляло мне такие страдания, что пришлось прибегнуть к помощи нелегальной глушилки эмоций под названием ФТП. Не знаю точно, как это расшифровывается по-научному, что-то вроде фенил-тета-что-то-там. Но мы называем глушилку «фиг тебе, полиция». Применять это вещество можно, нелегально, конечно, только в разовых экстренных случаях, при форс-мажорных обстоятельствах. А я вынужден был употреблять его ежедневно, должен глушить свои эмоции, дабы не попасть в руки магистров Порядка. За эти нарушения меня ждало либо распыление на атомы, либо ссылка на нижние круги ада. И тогда я больше не увижу Лизу!

Она о моём существовании даже не подозревала. Но вся эта ситуация не могла продолжаться долго. Стасик, естественно, сорвался. Снова стал колотиться, да ещё начал нюхать клей и глотать таблетки – полный тотальный рецидив. Лиза впала в отчаяние, стала бегать по врачам. Те плечами пожимали: знали раньше, что Стасик наркоман. Только Лиза не знала. Я же мог лишь наблюдать, в бессилии сжимая кулаки, да время от времени тормозить и снова ускорять движение карусели. Я почти физически чувствовал, как плавится мозг.

Стасик, уходя всё дальше в свои больные грёзы, уже не обращал на Лизу никакого внимания. Но меня это не радовало, потому что я всем существом чувствовал её неугасимую боль. Очень хотелось утешить её, но я не знал, как.

ДВА РАССКАЗА

Она любила Стасика и мучилась оттого, что ничем не может помочь ему, вытащить из плена «дури». А я... Да что – я! У меня был способ показаться Лизе на глаза, она, тонко чувствующая натура, смогла бы разглядеть мою огромную полупрозрачную сущность. Но зачем я ей сдался? Ангел-наркоман! Не смешно, как бы глупо ни звучало.

ФТП я доставал через одного знакомого, пообещавшего не говорить Славке об этом. Он бы, честное слово, испепелил меня моноплазмой лично! Глюки меня не посещали, у нас их не бывает, но привыкание мучило жутко, до ментальной рвоты. Я знал, что теперь не смогу существовать без дозы ФТП. Зато полиция ни о чём не ведала, иначе давно бы скрутили.

Стасик докатился до передоза! Я догадывался, что этим кончится. Душа его маленькая, сжавшись в серый комок, забилась в угол и трусливо наблюдала оттуда за происходящим. Как мечется по квартире мать, как её любовник, с пятой попытки поймав её в фокус пьяных «гляделок», схватил ту за руку и усадил за стол. Наполнив водкой гранёный стакан, она залпом выпила. Потом повторила. Упала на стол и завывала.

Лиза, бедная девочка, любимая моя! От страха за неё у меня полыхало внутри. И я сделал ещё одну преступную вещь: вошёл частью своей сущности в её сознание, чтобы контролировать её поведение. Я очень боялся, что со смертью Стасика она сделает страшное – убьёт себя. Таких попыток у девушки было несколько, и каждый раз на пределе своих сил я вытаскивал её. Стал настоящим Ангелом-хранителем. Когда Лиза кинулась с моста, я, обратив ментальный вихрик в резинку, поймал её, слегка раскачал и поставил на ноги. Выбил из рук ментальным камушком нож, которым девушка собиралась полоснуть по венам. Раскатил под диваны все таблетки из аптечки, когда она искала, чем бы отравиться. Все эти полуматериальные действия отнимали у меня огромные ментальные силы. А я ещё должен был следить за сохранением внешнего спокойствия, чтобы не попасть в руки магистров Порядка. Плюс ФТП, что тоже выматывало само по себе! Если она будет с такой скоростью пытаться умереть, я не выдержу. Наконец Лиза добыла шприц с наркотиком. Смертельной дозой. И что мне с ней делать? Выбить из рук?

– Слушай, может, хватит, а? – я подошёл к девушке так, чтобы она увидела. Шприц выпал сам. Лиза впервые смотрела на меня.

– Я твой Ангел-хранитель, – сказал я. – Не умирай, пожалуйста. Иначе я тоже умру.

Изумлённое лицо её тронула слабая улыбка.

– У тебя есть имя? – спросила девушка.

– Степан.

– Лиза. А, впрочем, ты знаешь, наверное...

ДВА РАССКАЗА

– Знаю, – вздохнул я. – Я люблю тебя.

Лиза смотрела на меня во все глаза.

– Не оставляй меня одну, – попросила она.

– И ты... не оставляй меня, пожалуйста, – я не имел права, но поддался своему отчаянию. Я старался сдерживаться, но допускал одну оплошность за другой. Это выпущенное на волю отчаяние было настолько сильным, что даже ФТП не заглушило его. Оно создало такие круги на ментальной глади, что теперь остаётся только ждать полицию.

– Ну что, придурок, допрыгался? – услышал я минуту спустя. Обернулся и увидел Стасика в форме магистра Порядка.

– О, уже обрили, – пробормотал я.

– Вообще-то, это моя девушка, – заявил новоиспечённый полицейский.

Я молчал. Знал, что нас сейчас наблюдает и слушает весь сектор. Для Лизы я исчез с глаз в тот момент, когда упустил произвольную эмоцию отчаяния. Не думаю, что она видела и Стасика. Он орал на меня, нисколько не стесняясь невидимых зрителей. Представляю, как те потешались! От его негатива ментальное поле ходило волнами.

– Ты всё расскажешь! – визжал Стасик. – И как тебе удавалось прятаться, и где взял ФТП! Там тебя расколют! Наркоман несчастный!

Мне это надоело.

– От наркомана слышу, – усмехнулся я. – Не знал, что в полицию, пардон, в магистры Порядка, попадают бывшие наркоманы и мелкие воришки.

– Да! – завыл мальчишка. – Я воровал деньги и кололся...

– ...нюхал клей и глотал «колёса», – вставил я.

– ... зато здесь я буду образцовым магистром! И такую шваль, как ты, просто изведу!

– Ой ли? – ухмыльнулся я. Положение моё было незавидным. Но, честное слово, его бешенство было смешным.

– Давай, пошёл за мной! – скомандовал он. Я не сдвинулся с места.

– Тебе надо, ты и иди.

Стасик взревел и кинулся на то место, где секунду назад находился я. Промазал.

– Прекратить! – послышался окрик. – Устроили тут балаган!

Это, конечно, пожаловал кто-то из старых магистров. Так и есть. Лимон. Его на самом деле зовут Альберт, и он бы очень разозлился, узнав, какую кличку для него придумали. Лимон схватил Стасика за шиворот, чтобы не трепыхался, и направил на меня луче́мёт.

– Карусельщик Степан, вы арестованы. Следуйте за мной.

ДВА РАССКАЗА

Я вздохнул. Ничего не было жаль: ни этого прогнившего насквозь ментального мира, ни этой неблагодарной карусельной работы. Жалко было Славку – он как друг, конечно, расстроится. И очень тоскливо оттого, что так мало пообщался с Лизой.

С судом у нас обычно не затягивали. Но его решение было неожиданным: ни распыления на атомы, ни тебе ссылки на нижние круги ада. Мне предстояло стать на Земле ребёнком Лизы! От Стасика!!

Всё-таки ФТП – дрянь штука, никуда не годится. Оказалось, что глушилка «пропускает», и всё это время происходила утечка моих эмоций. Слегка приглушённые, они не показывали свой источник, но создавали сбой в фазах ментальных волн – непонятную рябь и всплески в самых неожиданных местах поля. Это похоже на то, как будто бросаешь в воду сразу несколько камней, и волны от кругов сталкиваются и разбиваются друг о друга.

Мне даже позволили попрощаться со Славкой. Он плакал и одновременно смеялся, что всё обошлось.

– Приходи, я буду ждать, – шепнул я другу.

Судьи думали, что нашли для меня самое худшее наказание. Глупцы! Они забыли, что такое настоящая любовь! Пусть теперь мы с Лизой будем в других статусах, но любовь останется. Никакая полиция Порядка не в силах отменить любовь матери и ребёнка! Она изначально заложена в Мироздание. Они оказались бессильны и знали это.

ОКРЕСТНОСТИ

Мария Тарадова

Выпавшее Звено

Осеннее безмолвие отняло у нее желание тревожить мир своими словами. Расстилающийся у ног ковер ранил глаза пестрыми лоскутами-листьями, заставляя любоваться увяданием природы. Запах сырости - вторая кожа осени. Он оседал повсюду, словно обволакивая собой уставший разум. Нотная партитура дождевых концертов убаюкивает приятной монотонностью. Мелодичные ноктюрны лучшее лекарство от сезонной депрессии. Это отдельная исповедь дождя, не требующая конфиденциальности.

Падающие капли рассказывают о вчерашней нежности, забытой среди холодных стен чердака. О непрошеной грусти, сквозящей через брешь в хрупкой душе. Она любила выключить свет и слушать неспешную серенаду дождя. И казалось, только для нее одной исполняется ежедневный концерт из тысячи разрозненных звуков. Почему плачет небо?

Разве есть на свете горе, способное омрачить слепящую лазурь облачного королевства?

Она часто задавала себе этот вопрос, который, пожалуй, не имел ответа...

Единственная подруга - пуховая подушка, вместе они видят чудесные сны.

Незаменимый друг, коротающий с ней долгие ночи - оранжевый медвежонок.

Мир, заикленный по кругу, замкнутый внутри собственной головы.

Порой Ира не могла доказать факт собственного существования.

Прожитые дни повторяли друг друга, становясь опостылевшей хроникой повседневности.

Столько совершенных действий, однако ни одно не могло оправдать присутствия в этом мире. «Жила ли я вчера... или мой путь открыт сегодняшним пробуждением как универсальным ключом? Может, та девушка вовсе не я? Просто мне поручили сохранить ее память...» - Ира не хотела открывать глаза. Вдруг жизнь осталась там, во сне, а здесь никого нет... Ловушка, ищущая свою жертву, ждущая твоего пробуждения.

Естественно, подобные рассуждения держались при себе, под тяжелым замком.

Окружающие не поймут таких излияний. Всеобщая глухота убила их. Может быть, не полностью, но примитивные ходульники уже не похожи на живых людей. Мироздание стало внутренним, личным и портативным. Общее

ОКРЕСТНОСТИ

пространство – красивая сказка, от которой больно, ибо выдуманные истории медленно убивают своей неправдоподобностью. Каждый находит свою страну чудес. Дебет, кредит, магазины, школы, больницы - иллюзия собственного существования. Тебя искусно уверяют - ты существуешь, ты живешь. А за прекрасно выполненной декорацией необъятная пустота. За дверью с табличкой «Я» никого нет. Бутафорские чувства, придуманные ценности, навязанный кодекс поведения. Ира ощущала себя болванкой. Вдоль гладкой поверхности столько всего изображено. Привычки, характер, поведение. «Это не я... Не настоящая. Выдуманная кукла» - она боялась смотреть в зеркало. Незнакомый человек, отраженный куском стекла, пугал ее. Дома девушка плакала. Вместе с безутешным небом... Она не знала причины этих слез...

Стежки, дробящие грудь, стягивающие дряблую кожу. Нить, связывающая две трепещущие половинки. Марево поглотило пространство, одним движением пригвоздило его к жесткой неопределенности, заменяющей собой все. Она не видела своих рук. Не знала, есть ли они вообще. Только было очень тесно от закручивающихся петель, пронизывающих насквозь... И дыхание закончилось у тлеющих мыслей, предавая разум забвению. Плачущие гласные катались в голове, как стеклянные шарики, заполняя собой пустоту... Через некоторое время ее глаза смогли улавливать едва заметные контуры смытой реальности. Ира ощущала кожей бесконечность... это ощущение невозможно объяснить. Зрительный нерв от природы слаб, но тело способно видеть мир по-своему, на уровне тактильных волн или учащенного дыхания. Мурашки стайками пробегали по спине, оставляя позади путь от ключицы до нижних позвонков.

Ира пыталась различить повторяющееся движение двух рыжих пятен. Постепенно визуальные кляксы проявились, становясь плюшевым зверем. Игрушечный медведь напевал почти забытую песню о необходимости дружбы, где его живой сородич оказался в одиночестве. Удивительно как могли шевелиться тряпичные лапы, а глянцеvidные лопасти - огромные глаза - моргали, источая непонятную жидкость. Выцветшая шкурка впитывала в себя не одну порцию соленого моря, которое прячется за радужной оболочкой глаз. Удивительно, что игрушка умеет плакать. Только Ира почему-то совсем не удивилась.

Она наконец-то поняла, откуда взялась колющая боль, струящаяся между ребрами. Медвежонок не спеша зашивал ее горло блестящими нитками. Острые иглы плавно выстраивало аккуратный шов. От этого Ира вдруг почувствовала себя неудавшейся историей, которую все перешивают на свой манер.

ОКРЕСТНОСТИ

Тело воспринимало боль отстраненно, будто это ощущение вовсе не принадлежало ему. Было временным миражом, тревожащим установившуюся диктатуру пульсирующих капилляров.

Первичный источник, порождающий реакцию, отсутствовал - подсознание, подчиняющее себе болевые ощущения, напоило разум холодным безразличием, отключая связь нейронов. «Зачем ты делаешь это?» - слова звучали наподобие жуткой транскрипции, видимо расширяющееся пространство не привыкло к звуковой речи. «Я спасаю тебя. Если не зашить место разреза, внутрь может попасть инфекция. Тогда ты не сможешь существовать в том мире», - медвежонок перекусил нить, завязывая аккуратный узелок. «Инфекция?» - не поняла девушка.

«Ну да. Нельзя смешивать две реальности. Наслоение не всегда положительно влияет на организм», - пояснил, мохнатый неторопливо прогуливаясь вокруг хозяйки. «Где мы?» - Ира опасливо коснулась шва. Ей показалось если чуть-чуть задеть свежую рану, наружу вылезет мягкая набивка, нечто вроде поролона или пуха. «Во сне конечно! Оглянись!» - последовал простой ответ. Одно движение электрическим скачком проявило живую картинку, точнее сказать позволило человеческому мозгу подать нужный сигнал белковым окулярам. Душистая трава проросла из собственного сознания, вероятно являясь неосознанной проекцией детских воспоминаний. Много лет назад девочка отдыхала в деревне у бабушки. Скоро старушка умерла, единственное наследство, оставшееся малолетней внучке, - тепло шершавых ладоней, сказки о живых зверях, рассказанные перед открытием врат Морфея, и запах травы. Память - интересная штука: порой ничтожные мелочи хранятся дольше полноценных картин. После расслоения целых серий живописного забвения частички вдруг трансформируются в полноценные панорамы. Недостающие элементы легко дорисовывает *phantasia*, искусно дополняя копилку образов самодельными воспоминаниями.

Деревья остались выгнутыми проекциями из учебника ботаники. Озеро любовалось люминесцентным небом, напрягая почти ослепшее око до мелкой ряби. Кляксы-облака противно растекались вдоль эфирного купола сладким потоком сгущенки. По крайней мере, эта ассоциация первой всплыла в бурлящем потоке растерянных мыслей. Ира хотела встать, однако ноги приросли к почве, не желая двигаться. «Волноваться не стоит. Всего лишь побочный эффект. Скоро пройдет», - косолапый уже сидел рядом с кромкой воды, сжимая лапками неизвестно откуда взявшуюся удочку. Неподалеку тихонько пригорюнилось пластмассовое ведро, предназначенное скорее для песочных игр, чем для богатого улова. Девушка послушалась совета,

ОКРЕСТНОСТИ

отвлекаясь на созерцание собственной выдумки. Дрожащее, светящееся пятно зацепилось за сучок дерева, подрагивая от малейшего порыва ветра. Сначала Ира приняла, назвала непонятный предмет униженным солнцем, потом передумала... Слишком ярко сияла плененная сфера, прорезая тонкие стенки сновидения. «Что там такое?» - спросила Ира, разглядывая неизвестное светило.

Куцый поплавок дернулся, медвежонок со всей силы потянул удочку на себя, вырывая у водного глаза спрятанное сокровище. Среди сумасшедших капель, окативших все разом и ничего, в сущности, искрой мелькнула живая капсула. Красная конфета болезненно корчилась, оседающий всюду кислород заставлял ее рваться обратно к своим фантиковым друзьям. Медвежонок вовремя схватил добычу, пополняя ведро первой «рыбешкой».

Отряхнувшись, маленький хранитель непостоянного мира ответил: «Это сушится твоя душа». Слова отдались внутри звенящей пустотой. Тело болезненно дернулось, вспоминая перенесенную операцию. Ира почувствовала, как перекрывают жизненный поток, где остались недосказанные мысли. Странно, но теперь она не могла найти в себе хотя бы малейший признак бывшего страха.... Там, внутри, нечему было пугаться. Только шов болезненно заныл, напоминая о своем существовании. «Почему душа... находится не внутри?» - неумелый вопрос запутался, в траве дрожа гласным окончанием. Медвежонок почесал за ухом, помогая себе сформулировать сложное предложение. «Иначе твой дух заразился бы от больного сознания. Душу нельзя вылечить, не затрагивая глубокие пласты тонкого мира, сознание легче переносит вмешательство в свою структуру».

Ира решительно ничего не понимала, стараясь мысленно призвать всю свою логику на помощь. Правда, попытки напрячь разум плавались под яркими красками окружающего мира. «Неправильно действуешь! - мишка вновь гипнотизировал поплавок. - Наш мир устроен по-другому. Мы, местные аборигены, часть твоего подсознания. Искусная фантазия мозга...

Данное трансформирующееся пространство можно соотнести с фазой быстрого сна, когда организм выстраивает образную защиту». «То есть я сплю?» - слова стали щипать Иру за ноги, поймать их уже было невозможно. Игрушечный друг помедлил с ответом, взволнованно карауля плавучий индикатор. Леска задергалась, буравя небесное отражение спазматическими импульсами.

Сумасшедшая пляска взвилась, вверх преодолевая воздушную границу озера. Еще одна конфета обреченно рассталась со своим уютным домом. Из пластмассового ведра послышался недовольный рык. «Ух! Тигровая! Зверина какая!» - медвежонок насупил нос, оценивающе разглядывая улов. Иру

ОКРЕСТНОСТИ

совершенно не удивила агрессивность детской сладости, она даже немного посочувствовала невольно пленнице. «Ты верно подметила! Именно спишь! Процедура излечения невозможна без отключения организма...» - пояснил рыболов, размахивая удочкой, словно стараясь заикнуть пластичную картинку по кругу. «Как же мне дальше быть?» - слова перестали дурачиться, теряя структуру и переходя в набор повторяющихся букв. Звуковая речь давалась все труднее. «Иди к рекультиватору. Он поможет. Я уже свое дело сделал. Только шов не тереби - заразу занесешь! Тут много всякой шмыгливо-сосудистой гадости водится. Так до размягчения природных вибраций недалеко!» - проворчал косолапый, уже не интересуясь Ирой.

Девушка вскоре открыла одну интересную подробность. Иллюзорный мир расширялся, по мере ее движения приобретая заранее известные формы, транслирующиеся по мозговым бороздам. Процесс напоминал рисование, отличаясь лишь масштабами воображаемого холста. Прямая передача образов без подручных средств. Извилистая дорожка постоянно прыгала вдоль трансформирующихся пейзажей. Восковые ветви стекали, с потолка образуя ажурное переплетение тонких листьев.

Вывернутые наизнанку облака бесстыдно оголяли залатанные бока, провожая Иру по пути следования. Ей всегда казалось, будто ходьба - это жизненно важный процесс вроде дыхания. Привычные движения отмеряли подножную плоскость, иногда опережая мысли. Шагами Ира утверждала себя в праве на жизнь. Сейчас ей не хотелось терзать ум излишне сложными формами догадок. «Любая реальность - пусть даже порожденная собственным мозгом - лучше, чем отсутствие каких-либо определенных физических контуров».

Из разряженного пространства, повторяя силуэты недавно отмерших буддистских храмов, появилась девушка. Неестественно большие глаза комично перекашивали бледное лицо, напоминая два опрокинутых блюдца. Раскрытые губы, видимо, пытались вдохнуть обратно немые, не рожденные предложения.

Босоногая, закутанная в белую простыню, девочка дирижировала тростинкой, задавая темп пурпурному облаку, несмело трусящему следом за ней. Присмотревшись внимательнее Ира поняла, что шевеление цветных масс - огромная стая бабочек. Тонкокрылые насекомые заполнили собой воздух, повторяя движения своей проводницы, словно приобщаясь к священному танцу. Девочка показывала рот фигуры, читая внутренние молитвы бабочек, обращенные к ее ушам.

Несомненно - они были одним организмом, состоящим из тысячи мелких частей.

ОКРЕСТНОСТИ

Ира зачарованно пронаблюдала за необычной процессией. Извилистая дорожка закончилась, выводя ее к полю. Перекопанная, словно для посева, земля имела синеватый оттенок, а из недр струился слабоватый туман – сдавленное дыхание. Посреди размытого бездвижья стоял огромный мужчина, словно удерживая нечеткое пространство в нужных рамках. Вокруг него вились непонятные существа, стрекоча мелкими крылышками. Ира пыталась разглядеть прожилки полупрозрачных тел. Угрюмый хранитель совершенно не обращал внимания на посторонние колебания вокруг своей оси. Занятие его напоминало упражнение по сосредоточиванию. Подойдя чуть ближе Ира осторожно спросила: «Извините, что это за...существа роятся вокруг вас?» Мужчина посмотрел на нее сверху вниз, глаза его пугали своим спокойствием, девушка робко сжалась.

«Надеюсь, я его не обидела этим вопросом...» - подумалось ей. Суровый гигант выдохнул, отпугивая надоедливых насекомых. «Не пугайся. Это всего лишь мысли...Видишь ли, земля здесь очень концентрированная, а воздух переполнен найва-пептидами, поэтому образуются вот такие ничейные мысли. Мысль, как тебе известно, имеет энергетическую ценность сугубо в голове человека, сами по себе они бесполезны, даже надоедливы. Поэтому мысли и стараются попасть в черепную коробку, дабы обрести применение», - мужчина подобрел, наверное, разговор излечил его сумрачность. «Звучит странно...», - неуверенно сказала Ира, стараясь упорядочить услышанную информацию. «Напротив...Все естественно. Разве тебе порой не казалось, будто мысли посторонние в голову лезут?» - хранитель присел на землю, вытягивая ноги. «Медвежонок послал меня к рекультиватору...не могли бы вы мне подсказать...» - девушка не успела договорить, как мужчина мигом вскочил, оправляя испачканную грязью крутку. «Первый Рекультиватор слушает вас!» - мысли разом улетучились, испугавшись подобного крика.

Ира недоверчиво прищурила брови. «Неужели?» - забавное словечко неприлично громко хохотнуло прямо над ухом рекультиватора. «Ай! Не следует так легко отпускать воплощенное слово! Оно же может черти что натворить! Я человек помогающий пришедшим сюда найти точку возврата. Знаешь ли ты свой диагноз?» - поинтересовался Рекультиватор. «Со слов медвежонка я поняла, что мое подсознание заражено,... но как это?» - девушка замолчала. «Это самая распространенная форма данного заболевания. Подсознание плотнее всего контактирует с внешним миром. Здесь же куча разных переносчиков негативной информации. Социальный план кишмя кишит опасными раздражителями. Телевидение, развлечения, поверхностная информация, общественные нормы. Постепенно происходит засорение, а уже потом непосредственно сама болезнь...

ОКРЕСТНОСТИ

Человек принимает надуманное за реальность, путая комфорт со счастьем. Заменяет незаменимое. Душа, таким образом, медленно теряет свои функции, истончаясь до примитивной материи. Чтобы прервать сей процесс, нам необходимо найти тот момент в прошлом, где ты была еще здорова», - хранитель закончил объяснение. Ира обхватила руками голову, стараясь заглушить внезапно поднявшийся гул. Ей казалось, будто услышанное болезненно отозвалось внутри сплетения нервов. Ловя губами воздух девушка спросила: «Как же мне теперь быть?» Откуда-то из-за спины Рекультиватор достал пластиковый стаканчик и бутылку. Бульканье пропитало вяжущую тишину влажностью. Мужчина протянул питье Ире.

На дне теснились непонятные шарики, толкая друг друга в пятнистые бока. Девушка скривила губы, брезгливо осведомившись: «Что это?» «Шевелящаяся кислота. Она содержит очень активные ионы счастья. Является аналогом земного шоколада. Расслабляет нервную систему, вызывает временно состояние счастья», - пояснил Хранитель, залпом осушая полбутылки.

Иру явно смущали эти самые ионы, пляшущие вдоль тонких стенок. В детстве ее заставляли пить рыбий жир, девочка зажмуривалась, стараясь не смотреть на ненавистное снадобье, потом быстро проглатывала содержимое чайной ложечки. Вспомнив былой опыт, Ира закрыла глаза, поднося стаканчик ко рту. Колющие пузырьки растревожили небо, девушка откашлялась.

По телу пробежал озноб, утягивая Иру в невообразимый туман. Сквозь пелену она слышала голос. Он вещал извне, пугая своей гортанностью. «Время здесь не линейно... оно имеет свое пространство. Ты можешь свободно перемещаться из прошлого в будущее, словно гуляя по дивному саду. Подобное путешествие помогает нам лечить больных. Тебе нужно представить, как ты пятишься коленками назад.

Вслед за тобой немедленно начнет перематываться отснятая пленка.... Ну же!» - торопливое восклицание толкнуло в спину. Ира импульсивно дернулась назад ощущая резиновую пластичность своих ног. Это было похоже на велосипедную езду, когда, что есть силы, работаешь стопами. Девочка ощутила себя лягушонком из знаменитой басни. «Невидимая сметана» хотела поглотить пальцы, ткань времени обладала невероятной вязкостью.

Зацикленное движение изрядно утомляло. Вокруг скакали дерганные обрывки ушедших дней. Ира не узнавала себя в этих диафильмах. Мимо нее проносились другие... совершенно чужие незнакомые девушки. Общее лицо - вот единственное, что их объединяло.

Множество рек протекали через нее, но ни одну из них Ира не могла назвать подлинной. Вдруг посреди множества временных двойников она будто увидела яркий идеально правильный силуэт. Неуклюжий двенадцатилетний

ОКРЕСТНОСТИ

подросток с огромным портфелем в худющих руках. Кажется, несколько минут назад девочка слезла с крыши, пересчитав все облака. Наивное счастье отражалось на лице, как солнечный блик.

Из-за спины выросли чужие руки, рекультиватор протянул Ире огромный сачок. «Хватай! Сейчас убежит!» - прогремело прямо над ухом. Глуповатый комизм данной ситуации напоминал сценку балаганного представления. Девчачью голову накрыло сеткой, Ириша испуганно взвизгнула, увидев взгляд своего временного двойника. Хранителю пришлось самому тащить пойманную «добычу». «Ускоряемся!» - он схватил подопечную подмышку и, что есть силы, побежал вперед стараясь не проскочить нужную остановку.

Настоящее встретило путешественников недоумением. Здоровый «аналог» слабо болтался в сетке, напоминая задыхающуюся рыбу. Ира боялась смотреть на эти конвульсии, ощущая крепкое чувство вины за вынужденную неволю. Рекультиватор же был далек от подобных терзаний. Мощным движением он вытряхнул двойника из сачка.

Затем, порывшись в карманах, достал огромный шприц. Поблескивающее острие явно напугало «другую» Иришу. «Что вы собираетесь делать?!» - нынешняя Ира вполне разделяла страх своего двойника. «Как что?! Проба подсознания! Зачем, по-твоему, мы вытащили ее из прошлого!» - недовольно отозвался рекультиватор. Одно мгновение - и острие прошло сквозь кожаный покров. Плененная девушка конвульсивно дернулась. Глаза закатились до полупрозрачных белков. Ира наблюдала за этой процедурой, закрывая лицо руками, словно надеясь вовремя завесить живую штору, дабы не увидеть лишнего.

Финал ознаменовался полусдутой оболочкой «двойника». Меньше всего хотелось знать, почему физическое тело вдруг уподобилось резиновой размазне, растекаясь по шепчущей земле. Зато в шприце светилась розовая жидкость. Ира предпочла забыть увиденную сцену. Такие подробности заставляли ее сомневаться в собственной полноценности. Разве можно спокойно смотреть на то, как увечат твоё прошлое? Внутренний голосок напугано лепетал, путаясь в собственных предостережениях. «Вот! Держи! Отдашь это медвежонку! Он проведет процедуру регенерации. Нужно поспешить! Иначе экстракт выдохнется! Его нельзя долго хранить!» - предостерег, рекультиватор, вручая девушке драгоценную выжимку. Она боялась сжать хрупкую колбочку. Тем более нести ее куда-то... А если разобьется? Треснет стекло?

Ведь собрать капли будет невозможно... «Если треснет, то начнется химическая реакция! Не вздумай разбить! Последствия могут быть самыми ужасными!» - грозно цыкнул хранитель. - Тебе вообще стоит лучше следить за

ОКРЕСТНОСТИ

своими мыслями. Они легко могут выбраться наружу и такого натворить!» Накликал неприятности... услышав заманчивую новость, Ирины мысли быстренько взялись за руки, торопливо покидая мозговые борозды.

«Ой! Боюсь!» - пищала первая. «Противный! Жестокий губитель невинных цветочков!» - тараторила вторая. Третья принялась кусать Рекультиватора. Мужчина нервно подпрыгнул. Скорая агрессия повергла его на землю. Следующая картина совершенно сбила Иру с толку. Земля словно открыла рот, захватывая мужчину треснувшими губами в свои недра. Вредные мыслишки довольно хохотали, кружа хоровод. Инородные мысли - аборигены этой местности возмутились, обзревая устроенные безобразия. Началась серьезная драка... ну, так, по крайней мере, показалось девушке. Спятившая почва поперхнулась, жестким рекультиватором расстроено разжевывая застрявший сапог.

Хранитель еле смог подняться, поспешно отряхиваясь. Минут пять пришлось затратить, дабы разнять враждующие группы обезумевших «думалок». Позже Ириша покорно прижигала глубокие царапины почетному примиряющему. Мысли обиженно верещали, пытаясь перегрызть веревки, которыми их предусмотрительно привязали к колышку.

«Ох! Выжимку не потеряла?!» - спросил Рекультиватор. Девушка покачала головой.

«Отлично! Уф! Отправляйся уже...медведь тебя ждет, небось» - расстроено проворчал мужчина. Пришлось извиниться и откланяться, таща за собой упирающиеся мысли.

Окружающее пространство все больше напоминало чью-то спятившую шутку.

Пейзажи крались следом, интригуя чернеющей синевой. Ира постоянно спотыкалась о невидимые камни. К концу пути она насобирала синяков, отряхивая коленки. Медвежонок по-прежнему рыбачил, пристально наблюдая за поплавком. Третье ведро уныло скучало, отчаянно завидуя своим наполненным соседям. «Ириски для Иришки!» - оранжевый ловец умеючи подцепил очередную конфетку. Молочные ириски с изображением золотого ключика недовольно трепыхались, задевая сонные травинки.

Девушке стало, стыдно... ведь она когда-то очень любила эти молочные вкусняшки. Но откуда же ей было знать, что ириски обитают в озерах, как рыбы. Осторожно обходя заготовленный улов, Ира скромно примостилась рядом с медвежонком. «Экстракт», - она повертела шприцом привлекая внимание пушистого хранителя. «О! Прекрасно!» - отозвался рыболов,

ОКРЕСТНОСТИ

сматывая удочку. Сия поспешность даже немного напугала девушку. Медвежонок повелел ей лечь и не двигаться, иначе будет очень больно.

Обнадеживающие наставления придали уставшему телу необычайно прочное оцепенение.

Любые манипуляции, совершаемые лекарями, по своей подлой сути обязаны пугать незащищенных пациентов. Наша скромная «заблудшая овечка» не стала счастливым исключением. Медицинский шприц вызывал стойкое желание поскорее унести ноги.

Однако Ириша призвала остатки смелости, дабы с честью выдержать полупринудительную операцию. Игла плотно вошла в... левый право- нижний- крайний угол правого виска. Маленький колокольчик зазвенел между третьей и шестой бороздами.

Послышался противный детский смех... Визуальная и звуковая стороны сознания предусмотрительно слились в один поток, транслируя весьма странные образы.

Весьма безвкусная монотипия так и скакала туда-сюда, оборачиваясь то бабочкой, то уродливой кляксой. Внезапно вспыхнул непредвиденный очаг боли. Девушка попыталась вскрикнуть. Не получилось. Почему? Неизвестно. «Все в порядке! Все идет по плану!» - послышался уверенный голос. Коробка с цветными видениям настойчиво удерживала Иру внутри себя. Успокоительные слова не возымели эффекта. Боль катастрофически нарастала. В самый критический момент, когда девушка мысленно попрощалась со своей хорошей головешкой, внезапная вспышка закончилась. Как рукой сняло.

Позже акварельным наброском проявился оранжевый хранитель. Озадаченно насупил нос медвежонок. «Поздравляю вас! Операция прошла успешно!» - возвестил бывалый «доктор». «И? Что дальше?» - спросила Ира, не чувствуя разницы. «Дальше? Дальше крепкий сон и долгожданная явь!» - всплеснул руками медвежонок.

Его прогноз сбылся. Как по команде девушка резко провалилась в бездну крепчайших сновидений. Пожалуй, даже утренний чай не имел столь взвинченной крепости.

Потусторонний бред с яркими обрывками псевдореализма теперь надежно покоился под спудом накрученных воспоминаний. Мозг всегда надежно маскирует образы из другой реальности, стараясь не допустить каверзного смещения двух миров.

Дождь? Дождь... Дождь! Он разбудил ее своим законным звучанием, отчаянно маня выйти навстречу холодным брызгам. Душное одеяло мгновенное очутилось на полу.

ОКРЕСТНОСТИ

Ира распахнула скрипящие створки, наслаждаясь хлынувшей свежестью. «Боже! Это были всего лишь глупые сновидения!» - девушка ощущала себя необыкновенно счастливой.

Опьяняющее чувство стремительно возглавило некогда угасший боевой настрой.

Она рвалась опередить стесняющийся закат, покидая уходящий день налегке.

Свободная птичка вновь торопливо скакала по веточкам, умело выбираясь из повседневных круговертей. Что? Какая катастрофа? Какой кризис? Ей все равно!

Слишком силен внутренний напор никем не понятого позитива. Казалось, эта беспредельная пленка дурманящей счастливости никогда не закончится.

День за днем ноги ощущали драгоценную опору, глаза видели только красивые картинки.

Отделы головного мозга усиленно производили новые порции счастья...

Отлаженный конвейер четко выполнял необходимую работу. О, сладко светящийся экстракт... Может, все-таки это всего лишь выдумки ночных фантазий...

Девушка опасливо взглянула на «кроватьного» джентельмена. Мишка равнодушно уткнулся носом в подушку. Значит, и вправду показалось...

Ошибочное мнение... Ошибка внешнего соединения.

Выпасть из заряженной током цепи... Каково это - ощутить холодный удар меж лопаток и разом отключиться от визуальных процессов фильма под названием «Моя жизнь».

Мокрая прилипчивая поверхность остужала разгоряченное тело...

Почему вокруг темно? Бомба? Короткое замыкание? Попытка увидеть окружающий мир обернулась крахом. Его не было. Всего-то светящиеся провода и... люди. Много спящих людей. Белые, будто меловые столпы, одинаково одетые тела напоминали жесткую фактуру ушедших войн из учебника истории. Первая ассоциация запахла смертным мотивом....

Сверху донеслась слабая полузадохнувшаяся сирена. Боковые всплески оказались пущенным в глаза светом. Что-то мягкое коснулось ее лба. «Тихо! Спокойно! Сейчас ты уснешь! Сейчас!» - обещал знакомый голосок. «Чего лопочешь! Неси адсорбент или нам крышка!» - грозно повелел другой голос. Мощные руки запрокинули Иру назад. Она увидела перекошенное лицо. «Рекультиватор?! Как это?!» - не поняла девушка.

«Успокойся!» - оранжевый медвежонок схватил ее за ноги. «Что здесь происходит! Вы же обещали!» - Ириша резко дернулась, приземляясь на пол.

ОКРЕСТНОСТИ

«Если не будешь сопротивляться, мы устраним проблему!» - пробубнил Рекультиватор.

«Я хочу домой!» - вопль заставил дрожать сдавленный вакуум. «Ты дома! Не бойся. Видишь те установки, - мишка махнул в сторону сияющего переплетения трубок. - Это транслирующий агрегат. Для каждого из вас приготовлен собственный видеоряд.

Видишь ли... ты часть общего сознания. Реальный мир находится далеко за пределами нашего «простенка». Помнишь утверждения... вроде бы из философии.

Мир есть порождение бога. Противоположное ему гласит, бог есть порождение мира.

На самом деле все гораздо сложнее. Мир и бог взаимосвязанный Perpetuum Mobile.

Одно заменяется другим. Но... настоящий бог... создавший сей коловорот, со временем умер. Раскололся,... стал жалкими частицами всемогущего демиурга. Дабы сохранить малый остаток – цепочку взаимосвязанных реальностей, мы решили воссоздать творца, собрав остатки расколотого сознания. Подарив вам, крохотным частицам, оболочку, мы подключили вас к определенному аппарату. Он усыпляет физический вариант разума, объединяя все звенья в единый универсум, который продолжает порождать окружающую вселенную. Следом цепляется другой процесс, вселенная порождает вас, признает ваше существование. Нельзя прерывать цикл. Иначе.... Некоторое время назад ты вдруг стала выпадать из общего ритма. Отключка видеоподачи. Мы надеялись вылечить тебя с помощью рекультивации гормона счастья... Однако... не вышло. Теперь придется полностью очистить память. Начать новую загрузку данных».

Последние слова словно отпустили оголодавшую собачонку прочь. Девушка резко бросилась в неизвестную темноту. Попытка заглушить наступающее, штормящее безумие разбилась о холодную преграду. «Даже не надейся! Ты не сможешь вырваться! Лучше будь хорошей девочкой, и процедура пройдет безболезненно», - зло ухмыльнулся Рекультиватор. Его руки зажали ее, как капкан. «Вы все ненормальные!» - финальный крик завершил неприятный эксцесс.

Безвольное тело уже не сопротивлялось. Незачем... Потяжелевшую форму унесли на перезагрузку. Леденящая четкость действий поражала, завораживала своей слаженностью.

Отделавшись от очередной проблемы, хранители поспешно проверили слаженность «осиротевшей» системы. Цепь вновь повторяла указанные координаты, заставляя расширяться новые миры.

ОКРЕСТНОСТИ

Черная драпировка позволила труженикам вернуться в свое убежище. Им нравилась тесная «комнатка», придуманная собранным, мозаичным разумом.

Здесь все менялось согласно мимолетному пожеланию. «Мне нравятся декорации, придуманные этой девочкой», - робко заметил медвежонок. «Не путай реального человека с деталью!» - запротестовал Рекультиватор. «Но она могла бы им быть,... если... Она верила в свою человечность», - слабо отозвался младший хранитель. «Деталь есть деталь!

Только все вместе они создают нечто большее! Нельзя давать им волю. Они сойдут с ума, осознав свою неполноценность!» - высказался старший хранитель. «Может, мы ошибаемся, называя их неполноценными!» - наконец запротестовал мишка.

«Бред! Кстати, чего это ты вдруг стал ей рассказывать предысторию?» - спросил Рекультиватор. «Жалко...», - признался оранжевый красавец, вытирая намокшие глаза.

Вслед за ними увязалось безмолвие. Жалкая выдумка параноидального сознания.

Высшего...

Объединенного, но параноидального, как осенний дождь, заглушающий сгоревшие воспоминания Иришки.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Сергей Грудев

СТАРЫЙ ГОРОД

Утихните, руки; замрите, гортани;
погода, не бей обшлагами.
Наслушаться дайте февральских преданий,
что снегом сырым прошагали.

И в лужах, что между сугробами слиты,
и в ветках звенит «Кумпарсита»,
и полдню к лицу не из мрамора плиты,
а красные жилы гранита.

Вся улица в гжели деревьев, а сверху
разводами смазанных линий
красуется небо и сыплется перхоть
с нечёсанных крыш. И пленили,

заставили зябнуть, смотреть без отрыва
картинки лубочные: паром,
небрежностью окон, ворон черносливом
и солнцем над городом старым.

* * *

Когда встречает полудрёма
крадущийся в окно рассвет, -
всё в серой дымке незнакомо,
и времени прекрасней нет.

Когда ещё так тихо в мире,
что кажется ты в нём один,
леса бескрайней, дали шире -
сюжеты сказочных картин.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Подвластна ветра дуновенью
с цветов срывается пыльца,
и птицы, по обыковенью,
всё ищут крошки у крыльца.

2013 г.

* * *

Вот небо, темнея, вдруг ввысь раздалось,
и вширь, обнажая для космоса местность.
И лесопосадка и каменный мост
таинственную обрели неизвестность.

Я шёл. Надо мною сокровищем звёзд
(доступным для всех одинаково) нежно,
цветок мироздания — вся млечная гроздь
сияла, слегка осветив побережье.

* * *

Как затянувшийся узлами
морскими странный, страшный сон
другими видится глазами,
когда бываешь пробуждён,

так после мутной непогоды
с холодным ветром и дождём,
с закрытым тучей небосводом,
оконный занявшей проём,

вдруг станет небо необъятным
и всё заполнит птичий гам,
и лента радуги нарядной
к твоим опустится ногам.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Растерял я на станциях спесь,
на которых не ждут никого.
Вид в окошке — хоть шторой завесь:
почерневших деревьев конвой.

Стук колёс — то не звук, но судьба:
километры, столбы, провода,
зимних рощ тишина-голытьба
и холмов полысевших гряда.

А на маленьких станциях вдох -
словно неба живого глоток.
Не коснулся их переполох,
мимо времени катит поток.

2013 г.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Елена Шустрова

К графике Марии Тарадовой

Возник рисунок прихотливый
На полотне фигур и лиц
Переплетенье тайных линий
Ветвей и рук, цветов и птиц

В просторном расписном кафтане
Надетом задом наперед
Душа на цыпочки привстанет
Чтобы пуститься в хоровод

В лукавый круг теней и света
Полузверей, полубогов
В тот мир, что скроен, как и этот
Из миллиона завитков.

Остановитесь, не дышите!
Земля на ниточке висит,
И нас опутывают нити
Неведомых волшебных сил.

Отыграют слова-бубенчики, отзвенят.
Ни один хранитель не сбережет меня.

И за левым плечом, и за правым плечом моим
Ты стоишь неотлучно, ни чёрен, ни бел, незрим.

Подскажите мне, кем я стала и кем была.
Ни хула на язык не просится, ни хвала.

Только птица машет белым крылом вдали —
Не коснешься неба, не потеряв земли.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Пора забыть о снах пустых
И сдаться времени на милость,
Дойдя до берега мечты
Понять, насколько он обрывист.

Но даже стоя на краю
Иметь земное утешенье –
Любовь нелепую свою
Носить жемчужиной на шее.

Она прекрасней и нежней
Других жемчужин.
В ней тяжесть тысячи камней –
Ее ненужность.

Сегодня под старым желтушным луны фонарем
Прощаемся с летом, почти погрузившимся в Лету.
Но мы не состаримся и никогда не умрем.
Не надо бояться, не стоит и думать об этом.

Мы так и останемся в этом пейзаже стоять –
Три вечных фигуры, живая картина без рамы,
А добрый фонарщик нам будет луну зажигать
И тихо вздыхая, присматривать будет за нами.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Роман Ненашев

* * *

Война случится, и, положим, в среду.
Положим, что Шестая мировая.
И я, пожалуй, загодя уеду,
Дождавшись 31-го трамвая.
И порох ляжет запахом на ели,
И по команде, скажем, сисадмина
Натасканные кокер-спаниели
Найдут в подвале залежь кетамина.
И будет раздаваться канонада.
И цвета хаки мчат велосипеды,
И мордами поблёскивать торпеды,
Всплывая пузырьками лимонада.
И два матроса – Павел и Ерёма,
Как хищники удачливы и ловки, –
Достанут из оконного проёма
Гранаты и тяжёлые винтовки.
И город лопнет на две половины
И истины, что будут безусловны:
Одни, допустим, в знании невинны.
Другие – по незнанию виновны...
И город станет строить баррикады,
И запасаться йодом и бинтами.
А в пятницу, сквозь облако блокады,
Маяча разноцветными бантами,
Пройдёт, допустим, девочка живая
Походкой неуверенной и шаткой.
И вслед ей, начинённая брусчаткой,
Пещерным эхом ахнет мостовая.
И город, сев на антидепрессанты,
Украсит транспарантами аллеи.
И с неба будут падать диверсанты,
Как листья с пожелтевших тополей...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Так и сходят с ума – разлинуешь себя на бумаге:
Крестик–нолик. Трёхпалубный. Ранен. А после – убит.
И гадаешь на воске, на купленной в универмаге
Чёрной гуще: каким же он будет – твой треснувший быт?
Или клеишь с утра два осколка слепящего солнца,
Или куришь в себя, из себя выдыхая слова.
Ночью выйдешь во двор – старый дворник с глазами японца
Подметаёт два слога из тех, что оставит молва.
И хватает едва для того, чтобы петли не мерить
По своей голове и височную область беречь
От ударов крылатых ракет неоткрытых Америк,
От серебряных пуль под названием «русская речь».
Это после... А до – рвутся звуки на свет из гортани,
Прожигая дыру (вот и ходишь весь день по портным).
Расскажи мне, Изольда, о славном французе Тристане –
Я тебя бы не слушал, не будь я душевнобольным.
Расскажи... До заката в длину – два плевка до ограды
Да четыре неверных и робких шага в глубину.
С неба катятся звёзды на сцену разбитой эстрады.
С неба катятся звёзды. И тихо уходят ко дну...

Яблоки

Двенадцать, восемнадцать, пятьдесят...
Как детские фонарики, мигая,
В саду соседском яблоки висят
И яблони под ношей голосят,
К известному поступку подстрекая.

В деревне вечер, тишь и благодать
И ласточки летают со стрижами.
Соседа целый вечер не видать –
С каким-нибудь любителем поддать
Сидят, наверняка, за гаражами.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Жена соседа, женщина в годах,
Из дома вышла в поисках супруга.
Лишь яблони остались на местах,
И ветви их качаются упруго.

Ты полезай и яблоч набери,
Широкие карманы набивая.
Двенадцать, восемнадцать, двадцать три...
Плывёт луна с осколками внутри
Надменно, как дворянка столбовая.

И сумерки густеют, и пора
С соседским садом наскоро проститься.
Молчит, на счастье, пёсья конура,
Лишь звёзды промигают до утра,
Проухает вдали ночная птица.

Сонет

Казалось, целый день до сентября,
И жизнь моя длинна и безголова.
И если я выдумываю слово,
То Бога нет, нечестно говоря.

Десятый год. Седьмое января.
Весь день – воспоминание бывшего.
Наутро смерть приятеля Крылова.
Метель. Цветы. Лицо из янтаря.

2-ое. Март. Коричневый альбом.
Два призрака на бледно-голубом
Невнятном фоне. Яркая зарница.
Косые звёзды. Запахи весны.
Сияют светофоры. Снятся сны.
Мне ничего давно уже не снится.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Любовь Денисова

Мамины руки

Мамочка, руки держу я твои,
Полные ласки, тепла и любви.
Мысли полны преогромных забот,
Разных тревог и домашних хлопот.

В доме твоём будет вечный уют -
Трудятся руки, хотя устают...
Маминых чувств постоянное нет.
Мамочка, жизнь подарила ты мне!

Завяжи ей глаза

Завяжи же глаза ей потуже.
Пусть пройдёт сквозь сомненья и робость.
Шаткий мостик, бездонная пропасть
Опосля будет пропасть поглубже.

Может, лучше б она опустила
С глаз повязку – чтоб пропасть увидеть...
Как легко она снова простила,
Как легко её смог ты обидеть.

От когтей оставляешь борозды,
Раня сердце... Конечно, ты нужен!
Но пока ей видны ещё звёзды,
Завяжи же глаза ей потуже.

В краю моей Мечты

Я не хочу, чтоб лезли в душу,
Тем нарушая мой покой;
Кричали – впрочем, я не струшу:
«Зачем же быть тебе такой?!»

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Мои иллюзии, тревоги,
Восторг... и чувство пустоты
Шагают по Большой дороге,
Ведущей в край моей Мечты.

Там и поэзия и проза,
Там счастлива бываю я,
И там огромною занозой
Сокрыта вся печаль моя.

О чём пишу

О чём пишу, не умолчу я.
О вечном пламени любви;
О том, что волк разлуку чует,
А грешник горд, увы, в крови.

Его казнят – он полон гнева...
Дракон летит под небеса.
Одна рабыней стала дева,
Другой – повязку на глаза.

Здесь королям целуют руки,
Твердят о ведьмах на метле...
Здесь бесы бесятся от скуки
И всё возможно на Земле.

Пусть вечер сам рисует звёзды,
Пусть солнце прячет в свой карман,
Утихли в душах бури-грозы
Душа чиста как океан.

Тут островок в себя влюблённый,
Тут смельчакам не страшен ад,
Растут и розы, и пионы
Раскинулся прекрасный сад.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Василий Чердаков

В бомжарне

- Спасибо! Я у вас тут подкрепился.
Картошка во! А огурец фигня.
Народу много, чуть не обмочился.
Надеюсь, вы услышите меня

- Я полагаю, мы давно знакомы
И виделись недавно — я сидел
На корточках, в понятиях истомы,
А вы паслись, как будто не у дел.

- И я вам говорил: “Пора за дело!
Хорош болтаться, не пришей рукав”.
А вы глядели, будто обалдело,
Прикидывая, прав я иль не прав.

И я ушел, снедаемый страстями,
Потом вернулся, ну а вас уж нет.
На этом свете были мы гостями
Вы – безработный, ну а я поэт...

Полигон

Мир – не то, что видишь ты и слышишь...
Скажем так: верней, не только то,
Осязаешь что, жуёшь и дышишь,
Покупаешь, носишь как пальто...

Что несешь в себе ты – это айсберг.
Над водой лишь то, что осознал,
Ниже – остальное, что твой драйвер
В подсознание за жизнь вогнал...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Знаешь ли, зачем нам память генов?
Три процента генотип всего
Занимает. Остальное – пена?
Нет, - *дискета жизни* от Него...

Что такое песня? Это – пробка
Для энергий, уходящих вдаль...
Здесь я повествую очень робко
Кто меня не понял, тех мне жаль!

Понимай, работай головою
В стэк сознания знания вводи.
Бог поможет, сразу успокою.
Попроси лишь: “Помоги, роди!..”

Информация пойдёт из сердца,
Словно радиация – поток,
От которого не сможешь деться
Никуда! *Обжитый мир жесток.*

А жестокость есть – необходимость
Убивать себя в угоду всем.
Жизнь – родов предельная сходимость.
В мире ты – разнообразье тем.

Назад в будущее!

Хочу назад, в социализм –
В страну труда, где был я молод!
Где “Мир! Труд! Май!” звучал девиз!
Там жизнь творили серп и молот,

Там буйно цвёл энтузиазм,
Там жить спешили пятилетки
Под гром речей генсека в нас.
Я не хочу жить в нынкетке,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

В сей частной бытия тюрьме,
Гнить в склепе времени-урода!
О, Господи, дай жизни мне!
Приди же истина-свобода!

Вернись к нам, совесть бытия,
Общественно-стройнейшим чудом.
Опомнись, на круги своя
Все возврати назло иудам!

Скажите, как не замечать
Насущнейшую жажду выйти
Из боли духа? Как мечтать?
Ну ладно я, а вы хотите?

КНИГА ПРОЗЫ

Сергей Уткин

Миниатюры

О запечных и застольных мудрецах

Удобно живут в деревнях запечные мудрецы. Не отстают от них городские застольные и кухонные мудрецы. Им удобно понимать всё и всех. Разом, залпом, этак вздохнув трагически пьяным табачным и водочным запахом. Интересоваться судьбами разных немыслимых людей, чудаков, журить которых можно в хорошем настроении за очередную неудачу, а в плохом сожалеть о них, причитать, перемежаясь матерком, да цокать ленивым языком. Обижаться, когда кто-то уходит с печки или из-за пьяного стола в другую жизнь.

Возненавидеть его, если он получается там и не возвращается к ним. Возненавидеть его за то, что не стал понятным, своим, не стал оправданием их бездеятельности, трусости перед судьбой и переменами в ней.

Запечные и кухонные мудрецы меряют весь мир взглядом от печки до лавочки или «от ларька до нашей бакалеи» (как пел В.Высоцкий). Они, как полагается, знают всё. Вероятно, и то, что за родную околицу или родной район выйти им непременно что-то мешает. То ли страх перед новым, то ли страх перед такими же местечковыми мудрецами других мест.

Было бы даже красиво, благородно, если б человек, живущий в своём тщательно оберегаемом уюте, трясушийся за него, попытался хотя бы не мешать тем, кто слез с печки или встал из-за стола. Но нет! Запечный мудрец не простит себя, не процедив им обозлённую, обиженную речь, скрытую в насмешках.

Удобно и непременно живут извечной мудростью близких их сердцу дворов и клозетов запечные и застольные мудрецы...

2 сентября 2012 года

Ньютон и закон всемирной несправедливости

Практически каждый школьник обречён открыть вместе с великим Исааком Ньютоном закон всемирного тяготения. Особенно талантливым школьникам, которым не удалось открыть сего великого закона, всё-таки

КНИГА ПРОЗЫ

приходится открыть что-нибудь другое. К примеру, двери школы при выходе из неё в большую жизнь чуть раньше положенного срока...

Но мало кто даже из успешных учеников знает, что Ньютон открыл закон не в одиночку, а вместе с яблоком. При этом вот уже три века, как заслуги яблока замалчиваются. А меж тем, роль его в науке и её истории неоценимо велика. Имя Ньютона известно всем, а о судьбе яблока и о его дальнейшей карьере мы до сих пор практически ничего не знаем.

Нет, нет в мире справедливости!

5 сентября 2012 года

Сложно быть неприземлившимся

На Земле сложно быть неприземлившимся. На небе, наверно, тоже, но там я ещё не бывал, а потому решительно заявлять не стану. Сложно быть неприземлившимся среди приземлённых. Именно не небесным, не воспарившим, а неприземлившимся, выскальзывающим то и дело из реальности очевидных обывателей, соскальзывающим с их земли. Тяжело вдруг неожиданно заметить себя живым среди людей, недобегавших мгновение назад до твоего сознания, отстранённых им, оставленных им заживо.

Ты возвращаешься и снова берёшься раскладывать мир, читать и считать его. Замечаешь недоумённые подозрительные взгляды прохожих и поспешно принимаешь заинтересованный жизнью внешний вид. Спрашиваешь себя: «Что я делаю среди них? Среди их плешивой, мускулистой, холёной радости? Среди их чересчур здоровой и чересчур животной бодрой жизни? Ничего, вы думаете?» Нет, я делаю выводы. И выводы эти идут так далеко, что за ними не поспеваешь, да и догонять, отстав, боишься: слишком далеко, слишком далеко они идут... Страшно быть неприземлившимся. И невернувшимся быть страшно. Люди боятся не только смерти: они боятся оставленной жизни. И расстояния до неё...

В матово-солнечной палате

В блёклой, матово-солнечной декабрьской палате неврологической больницы на стоящих напротив кроватях сидят два узника психиатрии. Один из них объят покоем и неподвижностью раздумий, другой же взволнован непосильным вопросом. Видимо, подумав, что с вопросом можно справиться вдвоем, он спрашивает соседа: "Иван Иванович, где же выход?!" Иван Иванович, несмотря на свои 19 прежних прожитых лет, знает, что иногда проще прекратить беседу алогичным или неожиданным и неожиданным ответом.

КНИГА ПРОЗЫ

Он комкает раздражение, и серьезным спокойным голосом говорит: "Вот," - и указывает на висящую над дверью светящуюся табличку с крупно написанным словом "ВЫХОД".

"Да, это выход, Иван Иванович", - более спокойно произносит сосед, как-то разочарованно и с понимающей жалостью глядя на Ивана Ивановича.

Иван Иванович внутренне торжествует: и на этот раз хватило выдержки не расколоться, не пролиться в слова. Слишком длинные для соседской истерики и скорых мер санитаров...

29 октября 2012 года

Чистая притча

- Учитель, - раздался печальным вопросом юноша, - я хочу знать, стал ли я чистым.

- Чтобы узнать это, ты должен идти не ко мне, а от меня.

- Но почему? - растерянно прозвучал ученик.

Учитель взял серый лист бумаги и спросил, чист ли этот лист.

Юноша пожал недоуменно плечами.

- А теперь? - спросил Учитель, опустив лист в грязную лужу.

- Зачем же! Он был такой чистый!

- Да, но ты не знал об этом прежде: только грязь покажет, кто чист, - молвил Учитель.

30 октября 2012 года

Право на штаны

В начале двадцатого века многие передовицы революции обывательского сознания самоотверженно боролись за право на штаны, точнее, на брюки. Кому-то, быть может, покажется глупым и нелепым это трикотажное дело жизни прекрасных передовых дам, эта борьба за тряпку, этот подштанниковый смысл жизни. Но суть борьбы не в штанах, а в праве: свободе от оков представлений о женщине, её облике, свободе от главенства чужого мнения, от управляющих твоей жизнью.

Не столь важно, прав на что мы хотим, важно, что мы хотим прав.

Конечно, для многих поверхностно понимавших эту борьбу людей и женщин, в частности, свобода была обузой. Как у Высоцкого: "Мне вчера дали свободу - что я с ней делать буду?" Но ведь дезертиров своей судьбы, испугавшихся или разлюбивших её, всегда было достаточно. И сколько красивых судеб осталось сиротами...

КНИГА ПРОЗЫ

Лень движет прогресс

Из всех факторов технической революции наиболее сильным до сих пор остается лень.

Античному человеку лень было ходить пешком, и он изобрел колесо, телегу, оседлал лошадей и так и покатился на повозке через годы, века и эпохи.

Вскоре он стал так ленив, что докатился до велосипеда, автомобиля, паровоза. Потом оказалось, что человеку лень долго ехать по медленной земле, и два самых ленивых на Земле брата Райт изобрели самолет.

До новой технической вершины человек поднялся, когда ему стало лень думать, и он изобрел компьютер, думающий металл.

Но, видимо, издревле человеку было лень жить, и он изобретал смерть, создавая оружие...

17 ноября 2012 года

Крой идей

Ученые и художники слова издавна кроют идеи. Новые поколения людей науки изобретают новые материалы, из которых изготавливают столь приятные одежду, обувь, телефоны, которые так удобно носить на себе.

Художники шьют нитями строк идеи, расцвечивая их чувствами разных оттенков. Часть материала идет на создание бутафорских костюмов, в которые любят рядиться по моде, а из другого материала кроют стяги и знамена.

Чаще всего на знамени идей видишь Веселого Роджера, улыбающегося своим "диким черепом" (по Чехову), но изредка всё ещё встречаются знамена с иконописным ликом Истины. Ради таких встреч, пожалуй, стоит жить.

21 ноября 2012 года

Роковое пламя русской печи

Пламя русской печи ярко осветило всю историю зарубежной рок-музыки. Мало кто догадывается, что настоящий шаман рока Джим Моррисон из группы Doors, увидев деревенскую русскую печь, обратился к ней знаменитыми словами: "Come on, baby, light my fire!" (Давай, малышка, зажги во мне огонь!). А мастер марихуаны и гитары Джимми Хендрикс в те же бурные годы посвятил русской печке песню "Fire" с просьбой: "Let me stand into your fire" ("Дай мне постоять в твоём огне").

А некоторые незнакомые с русской печью люди до сих пор полагают, что эти песни о женщинах и о любви.

9 декабря 2012 года

КНИГА ПРОЗЫ

Бога не взяли в пивную

Очередь профессора выступать на симпозиуме подошла торопливо и стремительно.

Ученые наукой друзья его тихим шепчущим хором произнесли: "С Богом!" Профессор в присутствии Бога читал доклад превосходно, но, завершив выступление и отправившись с друзьями в пивную отметить успех, Бога он с собой не взял. Не взяли Его с собой и друзья профессора.

А Бог ещё долго сидел в опустошенной аудитории и, по слухам, беседовал о чем-то со старой уборщицей.

13 декабря 2012 года

Подлец посмел быть с ней честным

Дама, вошедшая в просветленную прожекторами фотостудию, тут же заподозрила в неприлично грустном фотографе что-то неладное. С первых его слов.

- Да не корчите Вы рожи: у Вас и так уже достаточно красивое лицо!
- Хорошо. Но пусть только моё платье войдет целиком в кадр: я специально одела это легкое, воздушное, в котором тело дышит.
- Ваше тело, сударыня. И при этом не дышат все вокруг.
- Пусть. А как лучше: в профиль или анфас?
- Лучше сразу и так, и так: красивое фото на документы по делу о преступлениях перед человеческим разумом, моим, в частности.

Дама в платье легкого кроя прочно и твердо решила никогда больше не обращаться к злостному фотографу, ибо он, по её легко скроенному мнению, подлец и негодяй: он посмел быть с ней честным.

1 января 2013 года

Блок жалел её всю ночь

В воспоминаниях Максима Горького присутствует по сей день история, рассказанная ему молоденькой петербургской проституткой славных посеребренных времен. Говорится в ней о том, как встретил не в добрый час Александр Блок эту труженицу в одной из столичных улиц, привел в номер, посадил на колени, качал её и долго гладил по волосам, жалея. Уходя поутру из оставленного Блоком значительно раньше номера, героиня рассказа встретила портё, который спросил её брезгливо: "Ты хоть знаешь, с кем была? Это же поэт Блок!"

КНИГА ПРОЗЫ

Правда, что-то подсказывает мне, что всё было немного не так, не по словам Горького. Думаю, покачав вдоволь дамочку на коленях, Блок потом целую ночь жалел её. Непрерывно и поэтически страстно. Встретивший её некоторое время спустя Горький, выслушав эту трогательную историю, расчувствовался и тоже жалел её. Тоже целую ночь. И тоже помог деньгами.

Впрочем, ладно. Быть может, Блок действительно был так светел мыслью, великодушен и добр. Жаль, что умер рано. Жаль, что умер.

6 января 2012 года

Несёшь народу иль с народом?

В бумажной памяти страниц книги "Так говорил Заратустра" Фридриха Ницше хорошо сохранилась до наших дней сцена, в которой главный герой, спускаясь с гор к людям, встречает старца. Старец спрашивает, куда идет Заратустра, и слышит в ответ, что тот идет к людям, чтобы принести им истину. Старец, обдуманный и проницательный, говорит: "Не давай им ничего! Лучше возьми с плечей их часть ноши и неси вместе с ними - они будут тебе благодарны."

Думаю, разница между поэтом-одиначкой и поэтом народным в том, что первый несет народу свою истину, слово своё и саму поэзию, а второй несет с народом его тяготы, переживания, лишения. Многие осудят поэта-одиначку и отщепенца от общей юдоли, но мне он ближе: не хочу я нести с народом грехи его и мрак сознания. Народ темен, несмотря на завышенное образование, а от Блока, Мандельштама и Бродского мне светлее. Хотя б немного.

10 января 2013 года

Отменить Бога

Никак не хочет уменьшиться рослое число людей, утверждающих, что истины нет. Правда, этим они лишь хотят оправдаться за то, что истины нет ни в них, ни с ними. При этом унизили или оскорбили любого низвергателя правд, как он тут же заорет всем своим униженным существом, что обидчики его - негодяи, и поступают они не по правде. Человек тем самым признает существование лжи. Согласно восточным индийским мудростям, присутствие одной стороны медали обязывает присутствовать и вторую: есть ложь - есть истина. Но ведь так тяжело и мучительно, скучно расслабленному заботой близких человеку отчитываться всё время перед какой-то истиной, читай, Богом. Проще отменить Его. До следующей беды...

12 января 2013 года

КНИГА ПРОЗЫ

Ценитель блатного Орфея

В чуть неоконченном декабре, перед самым Новым годом пришлось мне оказаться в рейсовом автобусе, бегущем по снежной дороге в деревню, имя которой я сохраняю в тайне: оно ничего не меняет.

Рядом со мной резво уселся старик, принявший алкогольный удар на грудь, и пока остававшийся после него в состоянии стоять на ногах. Музыка водитель не включил, а старику хотелось веселья. Заметив у меня наушники от плеера, дедуля начал сумбурный диалог.

- Что там такое? Музыка?

- Музыка, - ответил я.

- Дай ухо, - потянулся он за наушником.

Зная, что таким людям важна не сама просьба, а её выполнение, я, чуть помедлив, протянул ему наушники.

- Держите, послушайте.

- А чё там? Блатняк?

- Там рок.

- А, я такое даже не слушаю! - брезгливо отмахнулся дед.

- Не сомневаюсь, - произнес я с внутренним смехом, глядя на ценителя охрипшего в России блатного Орфея.

20 января 2013 года

Слабость быть Человеком

Есть в нашей никем, кроме её величества глупости, до сих пор не объятый стране распространенная особенность восприятия: вежливый труслив и слаб, а грубый, само собой, храбр и силен. Наблюдения показывают, что этой гнусности восприятия подвержены если не все, то очень многие любезные сограждане.

Редкий думающий человек, счастливый мыслью "от осознания, так сказать, и просветленья" бренности сущего, ограниченности и малости человека в мире и пред миром, космосом, жалкой дремучести и тьмы сознания людей вокруг, взглядывает на них умным взором с жалостью насквозь и вежливо просит продавца, прохожего, кондуктора. В следующее мгновение это редко думающее существо смотрит на нашего редкого думающего человека с брезгливым презрением и видит в нем слабака, червя, раздавленного ступней тяжелой поступи истории. Наш герой просыпается и, взяв себя в руки, с достоинством, скрытым ехидством и агрессией продолжает разговор, упрекнув себя в слабости быть Человеком...

28 января 2013 года

КНИГА ПРОЗЫ

Как государство заботилось, чтоб Анна Каренина не...

Государство наше заботится не только о нас, но, в первую очередь, о нашем прошлом (и своём будущем). Самыми видными и размахисто известными людьми прошлых эпох российской истории были и до сих пор есть литературные герои. Правительство делает всё, чтоб не повторить их, героев, современниками.

Только собрался Герасим Му-му топить, как остановил его сотрудник ГИБДД за переход лесной тропинки не по "зебре". После штрафа Герасим и сам хотел пойти ко дну вслед за любимой собакой, но не тут-то было! Спутник ГЛОНАСС засек подозрительные перемещения Герасима в лесу, на что мгновенно среагировало МЧС и лично Сергей Шойгу, не доверивший спасение утопающих и спасение пламенно любимой Родины от утопающих никому. Две дивизии приехали для занятия огневых позиций и создания линии глубокой обороны на опушке леса.

Из окна вагона скоростного поезда "САПСАН" арестованный Герасим видел барыню, стоявшую возле самого полотна. То пыталась броситься под поезд Анна Каренина. Герасим видел, что она не успела.

Духовный вандализм жизни как сочинителя

Нет, жизнь, конечно, великий сочинитель, но мне её сочинения не по душе, не по уму, не по нраву.

Ходишь по улицам - все проспекты насквозь в бульварном чтиве из баб и мужиков бульварного, витринного вкуса, вкуса к жизни, а точнее, безвкусицы абсолютной, безотносительной.

Бывало, смотрела моя юность на старшую сестру и дивилась силе духа её и чистоте, но юность прошла напрочь, навсегда, и жизнь успела сочинить из сестры отверившую во всё, не способную ни к борьбе за чистую идею, ни к самой идее бабу, давно до брезгливости опротивевшую мне.

Странный драматург эта жизнь: даже в самой красивой пьесе судеб и характеров изгадит финал напрочь. Этаким духовный вандализм. Обидно.

Хорошо, что есть ещё редчайшие шедевры человеческих душ, в которые приятно вчитываться снова и снова, от слова к слову, от встречи к встрече. Спасибо им...

1 марта 2013 года

КНИГА ПРОЗЫ

Объяснение с жизнью

Общение с миром вокруг, с жизнью у всех происходит по-разному. Кто-то, не стесняясь её близости, хамит ей, жизни, в лицо, пытаюсь расчислить себе путь в светлое будущее активной работой локтями. Другие поступают хитрей и ловко обманывают жизнь на рынке, на работе, дома. Наконец, есть третья, скромная размерами и численностью, группа людей, которые пытаются объяснить жизнь и объясниться с ней.

Надо сказать, что принадлежать к третьей группе в России сейчас считается неприличным: народ не одобряет. Быть может, в России так было всегда. Правда, постаревшие поколения утверждают, что нет, не всегда, по крайней мере, не так отчётливо и ярко было неприятие. Но не будем об этом: нас интересует настоящее, ещё недавно бывшее будущим. О нём.

Несколько раз попадалось мне в газете вакансий объявление, глумливо замечавшее: ««философам» не беспокоить». По-моему, яркий пример «почтительного» отношения коммерции к любомудрию.

Обидно за пытливые умы мудрецов, хотя у неприятия бытовой жизнью философии есть свои в меру объективные причины. Как часто умный человек, наслаждаясь своими мысленными ходами, играми смыслов, четким лезвием логики, уходит в своём сознании так далеко от народа (во всех смыслах), что иногда не сразу находит адекватный ответ на внезапный вопрос соседа по вагону метро, салону автобуса или случайного прохожего. Народ презрительно комментирует таких увлечённых философов: «мечтатель, витающий в облаках», «тормоз», «лох». Далее ряд эпитетов зависит от уровня образования и воспитанности.

Конечно, некоторая неадекватность не порадует работодателя, а потому стереотип «философ» в народном замутнённом тёмном сознании силен, устойчив, крепок.

Но настоящий, подлинный мученик мысли, счастливый разрешением своих вопросов, не может удовлетвориться миром обывателей, миром «быдла»: ему здесь скучно. И он рвётся из него: в монастырь, в маргинальные течения, в социальное одиночество. Правда, нужда и голод всё время возвращают его в народ: на работу, к людям. Некоторые следуют примеру древнегреческих киников и превращаются в попрошайек.

Глядя на все эти мытарства, спрашиваешь у себя: «Надо ли? Зачем?» Для большинства сограждан очевидно слово «нет» в ответе. Но не столь очевидно оно для тех, кто испытал счастье внутренней духовной свободы. Тех, кто ощутил счастье «мыслимости мира», о которой говорил ещё Ницше.

КНИГА ПРОЗЫ

Критика огнём

Литературная критика - искусство острого слова в поисках правды. Правды если не жизненной, то художественной. Баталии критиков жестоки, слова их статей громкими пощёчинами ложатся на души писателей, ими обсуждаемых, или падают дружеской ладонью на плечо, похлопывая по нему в знак уважительного приветствия.

Но не все люди на Земле владеют словом, подобно критикам, а критиковать любят не меньше. И у них получается, правда, другими выразительными средствами.

К примеру, в небольшом городке, где я живу, принято сжигать занявший хорошее место магазин. Намёк ли это хозяину постройки или прямой грубый текст, сложно сказать, но такая критика огнём имеет большой успех. Подумать только, к чему приводит народное косноязычие!..

19 марта 2013 года

Чувак Че и суши

Возвращаясь с выставки фотографий одичавшей, а точнее, ещё не приручённой природы, знакомая мне поэтесса купила суши, вкус которых мной до сих пор не изведен. Сырые морепродукты и хитрые японские соусы меня несколько не устраивали эстетически, и я опасался за здоровье знакомой, беззаветно влюблённой в это блюдо.

Спускаясь в метро на эскалаторе, она долго рассказывала про свою сумку с покрасневшим портретом Че Гевары. Глядя на пакет суши и указывая на Че, я поинтересовался: «А чувак одобряет?» По её словам, Чувак, действительно одобряет. Че мы уважаем. И без его одобрения порой, действительно, не обойтись.

23 марта 2013 года

Несуетно закапывая жизнь

Разговор получился плохо: садовод был занят землёй, банками, рассадой, и ему со всей этой благодатью, видимо, было значительно интересней, чем со мной и моими трудными словами. В ленивом ходе разговора садовод беззастенчиво поведал, что земелька его вместе с посевами - это настоящее, а всё остальное - суета сует.

Незадолго до этого я по некой глупости указал, что в старости хотел бы походить на титана культуры, мудрости и знаний, вроде Дмитрия Сергеевича

КНИГА ПРОЗЫ

Лихачёва. Видимо, и этот человек, сеявший «разумное, доброе, вечное», посвятил жизнь суете. А что тогда посеял наш огородный герой? Я думал над этим, глядя, как он несуетно закапывает время, это лето и жизнь. Успех в труде!..

Старик живёт слишком долго

Дом писателя обедал. Двери кабинетов были заперты, замкнуты напроочь. Сопровождаемый шарканьем своих старческих ступней старик появился в холле второго этажа и спросил меня, где тут главный. Я не освоил бюрократических премудростей, поэтому, потыкавшись во все двери, перенаправил вопрос старика появившейся сотруднице. Старика пришлось подождать.

Когда, обменявшись несколькими короткими деловыми фразами, он продолжил разговор более развёрнуто, я приготовился к быстро воспетому панегирику. Впрочем, старик оказался человеком судьбы удивляющей, редкой и редко печальной. Он прошёл войну. Прошёл по ней достойно, так, что она, пройдясь по нему, не вытоптала в нём светлого, гуманного, человеческого. Работал в образовании, издал несколько книг. Состоял в Союзе писателей Украины. 15 лет назад дети перевезли его в Питер. Он живёт в кладовке, по его словам. Он ждёт, когда ему дадут квартиру. Ведь ему приходят открытки, подписанные президентом, а значит, «он меня знает».

Увы, старик живёт слишком долго для обновлённой родины...

29 марта 2013 года

Хватка за вечность

Жизнь получается разнo. Моя в том числе. Доводилось мне по сей причине встречаться и знакомиться с разной работой, в основном, представлявшей неквалифицированный труд.

Не скажу, что знакомство всегда было приятным. Да и дружба с работой не всегда завязывалась, но опыт был важен. Смешно восхвалять себя, раздающего листовки. Но здесь не о восхвалении напыщенном речь — о другом.

Я заметил, как скованный, рвущийся дрожью с мороза организм, психологически борющийся с раздражением на проходящую брезгливо мимо обывательскую массу, зачастую плюющую тебе под ноги, приобретает какую-то исступлённую способность к сопротивлению, отторжению агрессивной реальности. В сознании, охваченном злостью мук холода, боли и усталости, проясняется особенно чётко и ярко твоя главная мысль, то, о чём ты. Ты

КНИГА ПРОЗЫ

стараешься не забыть главное, самое важное, самую суть. Хватаешься за вечность, высекаешь свою личность, ощущаешь себя отрешённо счастливым, закончив работу. Ибо счастье - быть, сохраниться, остаться. Продолжиться во времени. Счастье преодоления, пред которым падает ниц сонмище глупых мелочных затей, вопросов, ценностей, так неужённо рвущихся взять тебя в плотное кольцо своего обывательского окруженья.

2 апреля 2013 года

Кухонный главред жизни

Жизнь требует правки. С этим трудно спорить. Многие рослые таланты и великие умы прошлого выговаривали, выписывали, пропевали это желание. Некоторые, отчаявшись найти слушателей, пропивали это желание долгими нудными запоями.

Но не каждый ум разрастается до таких неприличных размеров и становится великим. Однако скромный ум, в силу своей ограниченности, не подозревает об этом, и амбиций у него хоть отбавляй. Обладатели такого мыслящего органа нередко, точнее, почти всегда, идут в кухонные, офисные и прочие подобные редакторы жизни.

Видит этакой редактор человека непохожего, не влезающего в узкие рамки его собственных представлений о человеке, позаимствованных когда-то у дворовых учителей жизни, и, сопя и брызжа раздольно гневливой слюной, цокает языком с осуждением, возмущается.

Конечно, не стоят такие редакторы внимания, но как часто им нет-нет да и удаётся внести правки в нашу жизнь. Жизнь, авторами которой пытаются они стать. И так всё время мы должны защищать своё авторское право!

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Казань литературная

Метафора – как учил нас Аристотель – признак таланта. И открывается подборка стихами одного из самых метафоричных поэтов, которых я знаю, Тимура Алдошина. Стихи его настолько «плотные», насыщенные эмоциями и смыслами, что на фоне общей расслабленности современного поэтического поля кажутся концентратами некоего поэтического вещества. Здесь предметы живут и чувствуют как люди, а люди предстают почти мифологическими существами, способными есть облака ложкой и браться с орлами. Особое качество поэта Алдошина – быть разным. Будь то подборка или даже целая книга, она никогда не производит впечатления монотонного нескончаемого монолога, от которого хочется поскорее отделаться, словно от унылого и надоевшего гостя. Они интересны – в самом прямом значении этого слова, то есть возбуждают в читателе интерес и желание вникнуть, разобраться, перечитать, распробовать вкусы и оттенки алдошинской поэтической речи.

У Эдуарда Учарова также свой, отличный от других голос. Его стихи дают нам взгляд на вещи с неожиданного ракурса, неуловимо меняют геометрию пространства – бытового и сакрального, перемешивая, по сути, одно с другим. Это поэзия «с двойным дном», сундучок, внутри которого еще один, а может быть, и еще... Яркие детали не теряются в контексте, а выстраиваются ступеньками, не отпуская внимания читателя. И, хотя стихи Эдуарда, в общем-то, совсем не веселого мироощущения, суммарный их эффект неожиданно оказывается вполне жизнеутверждающим.

В представленных стихотворениях Филиппа Пираева слова «судьба», «вечный», «смерть», «Бог», «бездна», «небо» (хочется поставить и т.д. – хотя, конечно, этот ряд так просто не экстраполируешь), кажется, встречаются слишком часто для такой маленькой стиховой территории, но это почему-то не раздражает. Есть ощущение «подглядывания» за процессом поэтического осмысления мира. То есть автор проговаривает все как бы сам с собою, сам себе, и поэтому не возникает излишней высокопарности и патетичности. Здесь даже эмоции даны не в чистом виде, а словно бы пропущенные уже через фильтр мысли. И за местоимением «ты» угадывается обращение к себе самому, или, может быть, к тому в себе, что принято называть душой...

Галина Булатова, напротив, эмоциональна, ее взгляд обращен вовне – она тянется к миру: к винограду и виноделу, к бобрам, котам и прочей живности, населяющей мир и легко проникающей в стихи. Она приглашает нас поучаствовать, разделить с ней грусть или нежность, возмущение или радость.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

С нею тепло. И ничего, что платья не современные, ничего, что рот – не рот, а уста, да и те напрасные... все это живое, а живое не может выйти из моды.

Почему-то я воспринимаю Наиля Ишмухаметова как экспериментатора. Хотя вроде бы и пишет он во вполне традиционном ключе, но при этом делает попытки (иногда блестящие, иногда не очень удачные, но всегда – необычные) соединить какие-то несоединимые, на первый взгляд, вещи. В этих вот стихах Наиль называет античного Харона словно соседа по лестничной клетке – Харон абы, а знаменитого «коня в пальто» заставляет в это самое пальто немножко влюбиться...

Алексей Остудин давно уже известен далеко за пределами Казани. Его поэзия увлекательна, как игра. Это роскошный калейдоскоп из слов-стеклышек, в каждом новом стихотворении составляющих свежий замысловатый узор, моментальный слепок быта и бытия, красок и образов, сведенных, сдруженных волею автора.

И вот еще о чем я подумала, когда писала: разве не удивительно – мы с авторами этой подборки живем в одном городе, хорошо знакомы, но удовольствием услышать их «вживую» - всех сразу, и прочесть сегодня их стихи я обязана тольяттинскому альманаху «Графит» и Сергею Сумину, который онный альманах в Казань привозил... Это, наверное, потому, что стоит появиться в пределах хотя бы виртуальной досягаемости от пишущих равнодушному, яркому и увлеченному человеку, как тут же он и его проект становятся аттрактором, привлекая к себе всё талантливое, создавая новое пространство общения и творчества. И это здорово!

Алена Каримова, поэт, критик (Казань)

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Тимур Алдошин

Родился в 1961 году в Казани. Лауреат литературной премии имени А. М. Горького. Публиковался в журналах: «Новая Юность», «Октябрь», «Казанский альманах» и др.; антологии «Нестолличная литература».

Утро. Женщина всё решила,
осознав себя самоё.
И стиральна ревёт машина,
как взлетающий самолёт.

Трап убрать – как выносят трупы,
как мешок на помойку, как
облажавшуюся труппу
ярый хохот голодных клак!

Всё кончается. Есть границы
у любой беспросветной мглы.
Так расклёвывают птицы
сикхской башни нагое «мы».

Так проходит мирская слава.
Так, отжавшись, лежит бельё.
Так, раздевшись, стоит дубрава,
осознав себя самоё.

«Облака? Да мы их ели!» –
говорил, придя с войны,
в битой пулями шинели,
из болгарской стороны.

Позади – всё горы, горы,
путь к Софии был далёк...
Позади – всё горе, горе
спать спокойно не даёт.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Так и мы вернулись голы:
грудь в крестах, а голова —
там, где незабываемый говор,
дальней Родины слова.

В басурманском злом эфире,
льды Коцитовы круша,
ищет дух своей Софии,
ищет Родины душа.

Но из ангельской столицы,
где Свобода и Господь,
заставляет приземлиться
гирей каторжною плоть.

Вечно будет жечь, как пламя,
память солнцем у виска —
как братались мы с орлами,
ложкой ели облака.

Все предметы в квартире скосились в Ту Сторону, Где Ты:
полки рвутся к тебе, как объятые Зовом полки;
даже платья в шкафу, от тоски, что тобой не надеты,
пустотой рукавов вторят тёплым изгибам руки.

И вода, для тебя так умевшая ласково литься,
сносит краны в отчаянье: что, мол, кого-то жалеть?
Так же рушится люстра, на чьи-то ненужные лица
не имея желаний, их освещая, смотреть.

Дом, покинутый смыслом, трепещет, как стрелка компаса,
ищет полюса в мире, где ты королевой зимы
затворилась в дворце... И уходит, как Стэнли в пампасы,
чтоб найти Ливингстона, душа, потерявшая «Мы».

То вдруг щёлкнет замок, то буфетная стенка, то чайник
прокряхтит стариковски: «Оставила...» Нет тишины
в напряжённом, как жилы, орущем, надсадном молчанье
мёртвой радиоточки перед окончаньем войны.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Ночь, табак, мозги и кофе:
текст кропаю заказной.
И, стесняясь, в полупрофиль
музы стали предо мной.

Стушевались деликатно;
знают, что не их черёд:
безлюбовное стаккато
пианолой разум бьёт.

Понимают: чтобы вольно
в небесах душе порхать —
надо иногда издольно
чужду барщину пахать.

Девы милые, простите:
заработаю кусок —
и опять, ваш верный витязь,
стану строен и высок.

И забудется душою
(не оставивши следа?),
преступленье небольшое
неизящного труда.

Мир велик и тяжёл —
ни понять, ни поднять...
Неба ласковый шёлк
так легко целовать!

Ну и пусть он велик,
неподъёмен душой —
небом брошенный блик,
что ломоть небольшой,

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

даст сегодня прожить
голубку-сизарю!
А про завтра тужить –
самому подарю

предстоящему дню:
нам довольно сего!
Никого не виню,
не прошу ничего.

Что положено, даст
от небесной еды
нежно-блещущий наст
в хлебных крошках звезды.

Эдуард Учаров

Родился в Тольятти в 1978 году. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Стихи публиковались в газете «Литературная Россия»; журналах: «Дружба Народов», «День и Ночь», «Современная Поэзия» и других. Победитель Турнира Поэтов Литературной Универсиады в Казани 2013. Автор книг стихов «Подворотня», Краснодар, 2011 и «SOSстояние весомости», Казань, 2012.

Самара: бункер Сталина

В землю, как в масло, на час уходи,
звякая лезвием взора,
и под конец рукоятью груди
не ощущая упора.

Слыша, как глохнет скрипучий вопрос
при пересчёте ступеней:
этот ли воздух просвечен насквозь
мглою декабрьских бдений?

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Этот ли бог за зелёным сукном
мог раздражаться эдиктом?
Глубже и глубже, как сумрачный гном,
в шахту сомненья входи ты.

Вдруг понимая, что в списке наград
нужен таланту не букер,
а бесконечный и внутренний ад –
голову давящий бункер.

Чтобы, когда побоявшись остыть,
в поисках вечного солнца,
за драпировку заглядывал ты –
и не увидел оконца.

Кесарь

Колодезная рябь –
на хруст, как всхлип ребёнка,
пелёнка рвётся тонко
о льдинку ноября,

где огненный сазан,
набухнув пухлой брюквой,
мелькнёт нелепой буквой,
плывя реке в казан.

Раз так заведено –
в круги проплыть от камня,
что в небо гулко канул,
ударившись о дно.

Моря спадают ниц,
к луне отходят воды,
и кесарь время водит
по лону рожениц.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Аменхотеп Иванович

За артефактом Мемнона на питерском листе
Аменхотеп Иванович загадочно блестел.

Молчанием взбешённого, но мудрого леща
Он расползался буквами, по клеточкам треща.

Он волновался волнами наждачными Невы,
Сопел, жестикулировал и разве что не выл.

И грудью синь взрезая - как сердцем на ухаб,
Багровыми подтёками рассвета набухал.

А в это время в сладости омытых кровью фикс
Всё клячил взгляды каверзно озябший утром сфинкс.

Идол

Над капищем развеется зола,
Придут на смену боги постоянства,
Аллах отменит жертвенное пьянство,
И канет жрец в нарубленный салат.

Послышится едва заметный скрип
Уключин лодки в серых водах талых,
Сознание погаснет в ритуалах,
Пока паромщик в церкви не охрип.

Качнётся берег, жизнь проговорив.
По отблеску божественной идеи
Плывут обратно волнами недели,
О разум разбиваясь в брызги рифм.

Мы вечно снимся миру: ты и я,
Безвременьем невинно обожжены.
Кольцо на пальце – наша протяжённость,
А спящий камень – форма бытия.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Обломов. Вариации.

Действенная тоска – штрих к моему портрету,
Грифельный скрип по аспидному сланцу.
Если выведет кривая, то я приеду
Нищим принцем с князьком-оборванцем.
Вырвусь из грязи, это нехитрое дело,

Друга представлю – немецкий мой кореш,
Кровь разгоняет, дабы не очень густела.
Кстати, чем нас с Андрюхой покормишь?

Есть некий план: «Бельведерского Аполлона»
Охолодить Корреджовой «Ночью».
Как ты считаешь, хватит пивного баллона
Туфли испачкать римскою почвой?

Грум запрягает праздничный выход трамвая,
День ест от солнца последнюю дольку.
Три остановки, но до конечного рая
Всё не доеду, милая Ольга.

Филипп Пираев

Родился в Тбилиси в 1965 году, окончил грузинский государственный институт физкультуры по специальности «тренер по шахматам». С 1992 года живёт в Казани. Член редколлегии «Казанского альманаха», автор русского текста гимна Республики Татарстан. Сотрудник национальной библиотеки РТ. Публиковался в республиканских и российских изданиях.

* * *

Тимуру Алдошину

Приснился небу странный сон,
где рыбы, выбравшись на сушу,
оделись в шкуры и виссон
и научили мыслить души.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Приснилась душам круговерть
интриг, побоищ и болезней,
в конце которой дура смерть
зияла гнилозубой бездной.

Тогда приснился людям Бог,
понятливый и воздающий,
включивший в бездне маячок
для возжелавших вечных кущей.

А Богу снились времена,
когда, забыв о сие нелепом,
потомки рыб всплывут со дна,
шагнут в любовь и станут – небом.

Колесо смерти

Белкой ловкой –
на ободья, смелей!
Прочь страховку:
это цирк дю Солей;
это – снова
терапия толпе
жгучим соло
о борьбе и судьбе.

Жизнь по кругу –
не из праздничных путь.
Но науку
Галилея забудь:
если что-то
и кружит небеса –
это взлёты
твоего колеса.

Не по прутьям
каждый шаг – по сердцам! –
чтоб всей грудью,
сняв повязку с лица

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

и в софиты,
словно в вечность, смеясь,
пить молитвы
сотен преданных глаз.

Но, повязан
слепотою мирской,
тщится разум:
для чего и в какой
страшной смете
день за днём множишь ты
близость смерти
на восторг высоты.

* * *

Моросит, целый день моросит —
быть, наверное, морю грибов...
Не проси ты меня, не проси
рассказать красоту и любовь.

Не разматывай речью клубок
бессловесных и тайных начал;
если б даже постичь их я мог —
всё равно, будто рыба, молчал.

Потому как мудрейший ответ
на любой в этом мире вопрос —
пузырьки уплывающих лет,
запах прели и вздохи берёз;

потому, что светлее дождя
нам никто не наплачет о тех,
кто, в сиянье покоя уйдя,
позабыли и слёзы, и смех.

Жизнь возникнуть решила не зря
в глубине, первозданно немой —
чтобы сущему смыслы даря,
не взболтнуть их себе же самой;

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

но реликтовым помнить чутьём,
что, окончив скитанья свои,
мы когда-нибудь вновь обретём
тишину красоты и любви

А слова — это только транзит,
просто штрих на четвёртой оси...
Моросит, целый день моросит.
Не проси ты меня, не проси.

Имя

У героя порвались кеды,
у героя кончились пули.
А они — всё идут по следу,
вот и холм уже обогнули.

Всё быстрее тяжёлые лапы,
то ли смех в ушах, то ли скрежет.
И проснуться давно пора бы —
да коренья за ноги держат.

И хрустят: «мы знакомству рады
и надеемся, что — взаимно.
Нас бояться, поверь, не надо,
но поведай своё нам имя —

чтоб укрыть мы его могли бы
от проклятья и приворота;
ещё скажешь, дружок, спасибо,
как проснёшься и вспомнишь, кто ты»...

На часах — полвторого ночи,
на экране — бои без правил.
А припомнить себя нет мочи —
будто имя во сне оставил.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Только грезится, как сквозь веки –
на неделе ведь было дело:
за спиной скрежетал коллега,
и соседка подстричь хотела.

И сидишь, мозг спинной сутуля,
бутерброд запивая бредом.
А над шкафом – дыра от пули,
и совсем износились кеды...

Галина Булатова

Родилась в городе Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Работала в системе детских и школьных библиотек города Тольятти. В настоящее время живёт в Казани. Автор книги стихов «Философия розы», редактор-составитель коллективных и персональных поэтических сборников, среди которых «Пульс» (М., 2010, 2011), «Nota bene» (Краснодар, 2012), «Юбилейная книга Клубочка» (Краснодар, 2013).

Раифа

1.
Условным тяготясь, без времени бродить
Вкруг храмов, их снаружи постигая,
С открытой головой, без шарфа на груди,
Там радость не смиренная – другая.
Там, кроме, что в тебе, других запретов нет –
В душе вместить или заснять на фото –
Не камень из голгоф, а камни храма вне,
Не преподобных, а других, за входом.

И там, на берегу, лягушка и бобёр,
И с ними кот откроются пришельцам,
Доверчиво молча; а кто вперёд забрёл,
Раифского ногой касаясь шельфа,
И лодку отцепив от мощного ствола,
Людскую суету на берег бросил, –
Как скульптор, высекал прозрачные слова
Размеренным размахиваньем вёсел...

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

2.

И отражала гладь монашеское лицо,
Рождались купола из красной пены.
Рубите же, слова, о дне Святых Отцов,
В Синае и Раифе избитых,
О варварстве людей и совести времён,
О колоколе, храмовой святыне:
Со звонницы упав, он, вживе погребён,
В пятьсот пудов стелет и поныне.

И будь Софийский храм, будь Троицкий собор,
Грузинской Божьей Матери будь церковь,
Будь стены и врата, будь самый дальний двор, —
Во всяком камне оживает сердце.
Услышав звон ли, стон, как странно заболеть
Обителью Святого Филарета.
...А озеру блестеть, и церковкам белеть
На взлёте вёсел в середине лета.

Винодел

Набросив гибких рук лассо
На ширь угодий,
В низины с выющейся лозой
Они уходят.

Богат земельный твой надел
В предместье рая,
Где терпеливый винодел
Ждёт урожая.

Когда под солнцем виноград
Нальётся соком,
Тискал горячим будет рад
Творец высокий.

И неустанна, и легка
Под прессом пытка,
Тверда до первого глотка
Его напитка.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Вылилось фонтановое лето

По кленово-огненному следу
Путь в невозвратимое готов.
Вылилось фонтановое лето
В бронзовые чашечки цветов.

Туфли отошли, не в моде платья...
Задрожат напрасные уста –
Ровно разжимаются объятия,
Будто отпускает высота.

И не пошатнётся мирозданье,
И ничто свой не нарушит ход.
Башенку над пасмурной Казанью
Покидает птица-вертолёт.

Наиль Ишмухаметов

Родился в 1964 году в городе Магнитогорске. В 1987 году окончил Магнитогорский горно-металлургический институт им. Г.И. Носова по специальности инженер-электрик. В 1994 году переехал на постоянное место жительства в г. Казань. С 2012 года и по настоящее время работает в редакции молодёжного литературно-художественного журнала «Идель».

Лесов таинственная синь...
Небес пронзительная рань...
Кувшинки трепетная инь...
Упругий камышовый янь
В протухшем до зубов болоте
Шуршит кувшинке о полёте,
И всходит солнце на амвон,
Блажат лягушки соловьями –
Венчанью не помеха вонь,
Влюблённый и в помойной яме
Нарует райскую берлогу.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Любви везде у нас дорога,
Везде шалаш и шапито...
И даже конь в своё пальто,
Мне кажется, влюблён немного...

Она была большая, как перина,
И мягкая, как царская подушка,
Красива, как Алфёрова Ирина,
А кожа – шелковистой покрывала.
И крышу, и фундамент посрывала
Моих фантазий верная подружка.
Её глаза, её большие груди,
И губы, изучающие тело,
Наверное, до смерти хрен забудешь,
Как сильно бы порою ни хотелось...
Мечты пускай останутся мечтами.
Туризм с пропиской смешивать не гоже...
И пусть жена – ни талии, ни к(р)ожи,
Не поменяю ни за что местами
Супругу и ночную одалиску.
Каким бы ни был чокнутым калекой,
И что бы ни писал о ней, далёкой,
Мне не прожить и дня без той, что близко...

чем тише в доме, тем тревожней на душе,
надежда – в коме, тело ватное – в туше,
могилки грядок, пугал ветхие кресты,
отцветших радуг чёрно-белые мосты,
и дым из печки вьётся мертвенно-белёс,
над зыбью речки скрип разохшихся колёс,
не то, уключиной скрипя, Харон-абы
везёт пахучие сосновые гробы...
на белом свете тишина, читай, беда –
взрослеют дети, улетают кто куда...

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Алексей Остудин

Родился в Казани в 1962 году. Закончил физико-математическую школу № 131. В 1980-е годы Алексей учился в Литературном институте имени Горького в Москве, организатор трёх Форумов современной поэзии. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Сетевая поэзия», «Смена», «Студенческий меридиан», «Урал», «ШО», альманахе «Истоки» и др.

«Смена-2М»

Гуляет ветер с гвоздиком в зубах,
заехав в пыль - материализуется.
А ты затвором щёлкай, впопыхах,
и юзай память, выскочив на улицу,

где пополам ломается трамвай.
Запутавшись в траве, дрожит и сердится
безухий заяц, ты его поймай
и накорми своим карманным зеркальцем...

Ах, милая, спасибо за бубнёж,
за тех, кому бессмертием потрафили,
когда вернёшься с фронта и найдёшь
молочный зуб и эти фотографии.

Липки

Куст сирени примеряет позы, что сулят спасенье от жары.
Рвут клеёнку воздуха стрекозы, в шапках-невидимках - комары.
Утопают в солнечных опилках облаков берёзовых дрова.
Юные поэты дружат в Липках и токуют, как тетерева.

Дания из города Казани - резкая, как ивовая плеть,
водит воспалёнными глазами, чтобы мир в стихах запечатлеть.
Никому особо не мешая, разберёмся ночью с Данией
в том, что есть поэзия большая, сколько слёз и боли до неё.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Да, не мне теперь, слегка за тридцать, стаи разводить летящих муз.
Пусть на шее света не боится след любви, похожий на укус!
Потянусь к последней сигарете, утопая в неге и броне....
Мир несправедлив, и на рассвете девушка забудет обо мне.

Родина

По всем статьям, конечно, ненормальные,
мы плавил в кустах за райсоветом
пластмассовые банки из-под «мальвы» и
пекли в столовых ложках амулеты.

Какой светильник разума историю
изрешетил свинцом из самопала?
Девчонки разбежались - пятки в стороны -
спасаясь от сошедших с пьедестала.

Потряхивая драгами, старатели
профукали царя, просрали Фета.
Так тупо разгибает пальцы матери
ребёнок, добираясь до конфеты.

Гремят на стыках ночи сны порожние.
Достойна Достоевского финала
жизнь - перечень упущенных возможностей -
прощальные записки из подвала.

Мы наберёмся сил из прошлой слабости:
не пил Распутин, Сталин не курил бы...
Освободит вино от лишней сладости
одна давящая - Сцилла и Карибы.

Но если бы не мокли в этом хересе
на корточках, как зеки на перроне,
до старости катались бы на велисе,
пугая шампиньоны на газоне.

ГОРОДА НА ВОЛГЕ (КАЗАНЬ)

Звёздная болезнь

Щёки высохшей краской заляпаны -
впору дать стрекача с кинопроб.
Галстук Бродского, шляпа Шаляпина,
нафталин - вот и весь гардероб.

Ищем в кадре пропавшие вещи мы,
режиссёр - в хрустале, иже с ним.
Ослепительных молний затрещины
объезжаем путём тормозным.

Ну а в Каннах: мулатки в испарине,
и похлопать кого по плечу -
как шнурок из ботинка Гагарина
по ковровой дорожке скачу.

До небес многоярусной ясности
мы сегодня дотянемся, нет?
Стань подружкой моей безопасности,
безотказной в последний момент!

В ФОКУСЕ

Первый фестиваль поэзии Поволжья

5-6 октября 2013 года в городе Тольятти прошел Первый фестиваль поэзии Поволжья. В нем принимали участие поэты из 11 городов России. Программа фестиваля предлагала широкий спектр мероприятий: выступления поэтов, встречи с читателями, мастер-классы, выступления прозаиков, лекции, перформансы, презентации журналов и книг, выставки.

Во время мероприятий работала выставка альманахов, журналов, книжных серий литературных проектов, прочих изданий. Большинство гостей и участников литературного фестиваля - жители Средней Волги. Мы предлагаем Вашему вниманию ряд высказываний участников и зрителей фестиваля, найденных нами в газетах, журналах, на блогах и сайтах.

Редколлегия альманаха «Графит»

Мероприятия первого фестивального дня с полудня и до позднего вечера проводились в библиотечно-сервисном центре Комсомольского района (библиотека № 13 на ул. Чайкиной, 71а). На второй день участники переместились в Автозаводский район – Литературную гостиную библиотеки Автограда.

Помимо тольяттинцев, в фестивальных мероприятиях приняли участие гости из Казани, Саратова, Нижнего Новгорода, Самары, Чебоксар, Москвы, Сызрани, Уфы, Димитровграда. Самых же участников фестиваля некоторые бытовые неудобства ничуть не смущали. Насыщенная программа с лихвой компенсировала все временные неудобства. Помимо индивидуальных поэтических выступлений участников, зрители послушали блестящую лекцию самарца Георгия Квантришвили «Пять поэтов Ставрополя-Волжского», приняли участие в презентации литературных журналов Поволжья «Волга» (Саратов), «Белый человек» (Самара), «Гипертекст», «Персонаж» (Уфа), «Графит» (Тольятти). Помимо этого – были музыкальные выступления, показ поэтического видеоарта, открытие выставки графики и презентации авторских книг. Второй день был отмечен презентацией журналов, а также проведением круглого стола на тему «Судьбы поэзии в эпоху медиа».

Вячеслав Смирнов (Тольятти) сайт [tltgorod](http://tltgorod.ru)

В ФОКУСЕ

В минувшие выходные съездили на литературный фестиваль в Тольятти. Я второй раз за несколько месяцев в этом городе, однако еще нашлось, что посмотреть и главное, с кем пообщаться! Ведь на этот, пусть небольшой, фест съехались замечательные поэты и редакторы разных изданий. Много говорили и о визуальной поэзии, смотрели ролики Яниса Грантса, Поэта без усов и других. Я как представитель фестиваля видеоарта, проходящего в Уфе, предложила поучаствовать в нем.

Стихи Ольги Левиной будут опубликованы в "Казанском альманахе" в числе других участников фестиваля, книга Игоря Савельева "Терешкова летит на Марс" и журнал "Персонаж" подарены Библиотеке Автограда, теперь их может почитать любой житель Тольятти. Спасибо организатору и его добровольным помощникам за все!

Кристина Абрамичева (Уфа) куратор, блоггер

Основная идея поэтического фестиваля: привлечение молодых людей к поэзии и развитие их творческих талантов. Мне кажется, организаторам удалось это сделать: так как залы библиотек за два дня работы фестиваля посетили 25 молодых поэтов, которые заинтересованно слушали стихотворения своих коллег. Несколько человек все-таки осмелились поделиться с гостями фестиваля своими произведениями. Юные поэты поделились своими произведениями с гостями фестиваля. Забавно было наблюдать тот факт, что поэты читали свои стихотворения с помощью мобильного устройства или планшета. Это еще раз доказывает, что современная поэзия напрямую связана с медиа.

После знакомства с авторами Поволжья любители прекрасного смогли подкрепиться не только духовной пищей, но и настоящей: горячим чаем и сладостями. Во время кофе-брейка организаторы открыли выставку графики жительницы Тольятти Марии Тарадовой.

Анна Соколова, газета «Площадь Свободы» (Тольятти)

В ФОКУСЕ

На прошедших выходных, 5-6 октября, в Тольятти прошел Первый фестиваль поэзии Поволжья. Не сказать, что он прошел на уровне, но радует то, что он вообще состоялся. Как говорится, первый блин комом. Наверное, с того момента, как с нами не стало Вадима Леванова, который из года в год тащил на себе такого монстра, как "Майские чтения", это первая попытка организовать что-то подобное.

Сергей Сумин, не богатый в общем-то человек, после того, как побывал на литературных фестивалях в других городах Поволжья, загорелся идеей провести нечто подобное и в родном Тольятти. Идею он вынашивал около года, если не двух. И вот решился. Мне кажется, такое доброе начинание заслуживает только похвалы.

Валерий Трубин, блоггер (Тольятти)

Поэтические выступления первого дня фестиваля продолжились рассказом о пяти поэтах Ставрополя-Волжского, причем автор рассказа, самарский поэт Георгий Квантришвили сопровождал своё вполне театральное выступление песней, исполненной с чувством и знанием дела, под бурные аплодисменты зрителей; не менее эмоциональными были выступления Кристины Абрамичевой и Ольги Левиной из Уфы, которые рассказали, как издавать литературно-критический журнал независимо ни от чего – денег (есть собственная зарплата), отсутствия читателей (оказывается, только видимое), и вообще интереса к литературным событиям (девушки положили на алтарь буквально всё, чтобы этот интерес появился, защищая его грудью – пусть не своей, а фотомодели, не суть важно).

Удивительно, но, оказывается, даже потенциальные читатели литературно - критических журналов нуждаются в том, чтобы их сначала немного развлекли (парадоксы восприятия читающей аудитории – неизученное поле для исследований), во всяком случае, цифра тиража журнала «Гипертекст» – 1000 экземпляров свидетельствует в пользу новаторских стратегий. Что и говорить – этот рассказ просто «мыс доброй надежды» и лишнее свидетельство того, что разговоры о «конце литературы» и «нечитающем поколении» ведутся людьми, не обладающими спортивным азартом к жизни.

На этой жизнеутверждающей волне особой нотой прозвучало выступление заведующего отделом поэзии литературного журнала «Волга», поэта и

В ФОКУСЕ

прозаика Алексея Александрова, рассказавшего парадоксальную историю о закрытии журнала после получения им Букеровской премии, и попытках его возрождения, начиная с нулевых и вплоть до 2008 года, когда «Волга», с появлением частного издателя, вновь вернулась к читателям.

Ольга Соколова, сайт «Словолга» (Самара)

Первый день фестиваля был очень насыщенным. Поэты читали свои произведения, обменивались мнениями с коллегами и слушателями. Большое впечатление на всех произвела лекция краеведа Георгия Квантришвили «Пять поэтов Ставрополя-Волжского». Не менее успешно прошли презентации литературных журналов и альманахов «Волга» (Саратов), «Гипертекст» и «Персонаж» (Уфа), «Белый человек» (Самара), «Графит» (Тольятти). Второй день фестиваля открылся авторскими читками. Зрители познакомились с самыми разными поэтическими направлениями и тем самым получили прекрасную возможность углубить свое представление о современной поэзии. Состоялась презентация журналов «Черные дыры букв» (Самара), «Василиск» (Саратов) и «Казанский альманах» (Казань).

Завершающим этапом фестиваля стал круглый стол на тему «Судьбы поэзии в эпоху медиа», на котором обсуждались актуальные вопросы литературы. Например, как «заманить» молодёжь на литературные фестивали? Мнения звучали неоднозначные, но в одном участники круглого стола были единодушны: чтобы привлечь внимание молодёжи к поэзии и литературе, нужен неординарный подход и нестандартные решения. Содержания уже мало - литература движется к синтезу искусств. Надо меняться, чтобы молодёжи было интересно соприкасаться с прекрасным.

Хочется поблагодарить организаторов за такое насыщенное и увлекательное литературное мероприятие. Будем надеяться, что в следующем году состоится второй фестиваль поэзии Поволжья, где будет еще больше участников и гостей.

Елена Рыбкина, Татьяна Диулина газета «Волжский университет» (Тольятти)

В ФОКУСЕ

Официально фестиваль начинает дуэт, исполняющий абстрактно-шумовую музыку. Около 20 минут – и музеехранилище книг пало.

Лекция Георгия Квантришвили была напряженнее и содержательнее иных поэтических выступлений.

После первого моего выступления подошёл Андрей Антипенко и молча протянул открытую руку.

Как же я далёк от панк-музыки! Однако панкам близок Ульвен, а мне близок Ульвен...

Дмитрий Воробьев, поэт (Чебоксары)

Кстати, презентация журналов Поволжья также была в программе фестиваля. Помимо саратовского «Василиска», были представлены журналы «Чёрные дыры букв» (Самара), «Белый человек» (Самара), «Казанский альманах» (Казань) и журнал «Графит» (Тольятти).

После небольшого перерыва и стола-фуршета поэты вновь читали стихи. Помимо вышеупомянутых авторов, у микрофона побывали Эдуард Учаров (Казань), Вячеслав Лобанов, Сергей Пиденко, Сергей, Айвенго, Лада Дождь (все – Тольятти), Дмитрий Воробьев (Чебоксары) и др.

Несколько тёплых слов хочется сказать о хозяйке Литературной гостиной Александре Владимировне Кишкурно, библиотекаре и писателе. Она поблагодарила участников за подаренные библиотеке Автограда книги – «Философия розы» Галины Булатовой и «SOСостояние весомости» Эдуарда Учарова, высоко оценила профессионализм журналов «Казанский альманах» и «Чёрные дыры букв». Очень гостеприимный, душевный человек Александра Владимировна, приятный в общении, чуткий.

Также сюрпризом для меня была встреча с Валентиной Николаевной Тарасенко, бывшей коллегой по библиотечному цеху в Тольятти, а ныне руководителем студии творческого чтения «Юный журналист».

Галина Булатова, поэт (Казань)

В ФОКУСЕ

На поэтических вечерах прошла презентация нескольких литературных журналов, издающихся в Поволжье. Так, самарский филолог Андрей Косицын представил публике третий номер литературного журнала «Черные дыры букв». А авторы этого издания, студентки СГАУ Екатерина Соколова и Татьяна Андреева, прочитали свои поэтические опыты, в которых чувствовалось заметное влияние Бродского. Журнал «Черные дыры букв» содержит не только поэтическую и переводческую рубрики, но и философскую - «Задворки мысли». С одним из эссе, опубликованных в журнале, познакомились участники и гости фестиваля - отрывок из произведения Анны Жигаловой прочитала одна из организаторов фестиваля. К чтению своих стихов под сопровождение музыки (рока и джаза) прибегает и самарский поэт Константин Латыфич. Правда, музыкантов среди участников форума не было. Так что автор просто продекламировал публике отрывки из своей новой поэтической книги. Называется она «Письмена Междуречья». Книга будет напечатана в начале 2014 года в московском издательстве «Русский Гулливер».

Вадим Карасев, газета «Волжская коммуна» (Самара)

ПОСТСКРИПТУМ

Анна Голубкова

Обманчивая простота Василия Розанова

Внешне тексты Василия Васильевича Розанова производят впечатление простых и очень понятных, так что многим кажется, будто можно просто взять ручку и листок бумаги, записать все, что придет в голову, и вот уже сразу получится «Уединенное». Нет, наверное, ни одного более или менее значительного писателя конца XX века, кто не пробовал бы сделать подобное. И тем не менее второго Розанова так и не появилось. В чем же тут причина? Конечно в том, что эта стилистическая легкость обманчива. Абсолютная искренность и открытость вовсе не означают простоты и понятности. Стремление высказать все как можно полнее только запутывает дело, потому что Розанов постоянно менялся. И если в сам момент записи Василий Васильевич был вполне искренен, то это не значит, что он все время испытывал одно и то же. Розанов развивался в течение всей своей жизни, и потому, не восстановив логику этого развития, невозможно понять его произведения в их целостности и полноте.

Интересно, что сам Розанов достаточно хорошо представлял эти этапы своей внутренней эволюции. Например, в «Мимолетном» 1914 года он писал (цитата дается в значительном сокращении): «В Симбирске (II и III классы) в Нижнем (IV-VIII кл.) – отчаянный нигилизм, позитивизм, матерьялизм. Ненависть к начальству, любовь к “простецкому” и народу, любовь к Некрасову, жажда озорства, “вреда аристократам” и какого-то неясного переворота. Все будет по-другому. В университете первые посещения сходок и поразивший на них галдеж <...> Делаюсь консерватором. Читаю “Леса” Печерского (чрезвычайное впечатление). Открытие (философское) целесообразности и сейчас за этим – вера в Бога (подробнее об этом в книге о Страхове). Все учительство я уже был народником, русским, “с Сусаниным”, ненависть в университете к Некрасову – была наибольшая. <...> Примыкаю к декадентам (знакомство через Перцова). Встреча со Шперком (славянофил-декадент). Запутанность семьи. Ненависть к церкви. <...> Примыкаю, полупассивно, к революции. “Ничего особенного”. “Но ведь и в чиновниках что же особенного”. День за днем – сутки прочь. Болезнь мамы. Удар. Нужда церкви и все теперешнее. Религия гроба. Ужас гроба. “Все темно”. “Ничего не вижу”. Не понимаю ничего». Чтение в хронологическом порядке статей Розанова, посвященных какому-то одному писателю, позволяет выстроить

ПОСТСКРИПТУМ

вполне определенные закономерности, во многом совпадающие с этой авторской самооценкой.

В формировании мировоззрения Розанова, которое в том числе отразилось и на его литературной концепции, можно достаточно четко выделить позитивистский, консервативный и декадентский периоды. К первому периоду относится обучение в гимназии (1868-1878), которое у Розанова несколько затянулось – он окончил гимназию в 22 года уже вполне сложившимся человеком. В это время Розанов увлекался статьями Белинского, зачитывался Чернышевским, Добролюбовым и Николаем Некрасовым. Читал он также книги философов-позитивистов К. Фогта, Я. Молешотта, Г.Т. Бокля, Д.У. Дрепера, Д.Г. Льюиса, Д.С. Милля. Наиболее понравившиеся произведения («Литературные мечтания» Белинского, «Физиологические письма» Фогта, «Физиологию обыденной жизни» Льюиса) Розанов конспектировал. В круг его чтения входили и социалисты П.Ж. Прудон, Ф. Лассаль, Н.П. Флеровский (автор книги «К положению рабочего класса в России»). Несмотря на то, что в дальнейшем Розанов посвятил много времени и сил борьбе с «наследством 60-70-х годов», следы этого наследства так или иначе все равно обнаруживаются практически во всех его произведениях. Например, понимание места и роли литературы сформировалось у него еще в позитивистский период и в дальнейшем почти не менялось.

К консервативному этапу относятся учеба в университете (1878-1882), жизнь в провинции (1882-1893) и первые годы, проведенные в Петербурге. Именно в период учебы в университете в мировоззрении Розанова произошел перелом, связанный в первую очередь с чтением романов и публицистики Достоевского. Также в это время он увлекся поэзией Лермонтова, с восторгом прочел Библию, стал изучать труды славянофилов – А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Н.Н. Страхова, закончил и опубликовал за свой счет философский труд «О понимании» (1886), вступил в переписку с Н.Н. Страховым, С.А. Рачинским и К.Н. Леонтьевым. При активной помощи Страхова Розанов делает первые шаги на поприще журналистики. Его статьи этого периода в основном посвящены достаточно сложным философским вопросам. Они выстроены безупречно с точки зрения формальной логики: любая статья имеет посылку, доказательство и вывод, никаких противоречий в них нет, каждая мысль четко формулируется и проговаривается до конца.

И все-таки рамки консервативного направления оказались для Розанова слишком узкими. Еще в 1889 году он писал Страхову: «...все мы, религиозные искатели, в сущности, еретики, т.е. ужасающе неортодоксальны». Декадентский этап начинается со сближения с П.П. Перцовым и знакомства в начале 1897 года с кружком Мережковских, занятых поисками нового религиозного

ПОСТСКРИПТУМ

сознания. В этот период статьи Розанова как раз и приобретают те черты обрывочности, алогичности, интуитивного и эмоционального постижения предмета, которые в будущем станут считаться неотъемлемыми характеристиками его стиля мышления. Как видим, мировоззрение Розанова уже само по себе развивалось по достаточно сложной траектории. Однако есть еще одна особенность, которая совершенно запутывает и читателей и исследователей: Розанов никогда полностью не отказывался от своих прежних взглядов, которые продолжали существовать у него в скрытом виде. Более того, они могли в некоторые периоды актуализироваться и определять общий тон написанных в это время статей. Так после начала революции в 1905 году на первый план снова ненадолго выходят позитивистские воззрения Розанова, а в 1910-х годах наоборот оживает его консерватизм.

Кроме хронологического принципа, при изучении трудов Розанова важен еще и принцип аксиологический, то есть выявление и анализ основных ценностей, представленных в его произведениях. В настоящее время существует несколько различных трактовок ценности как философской категории. В рассуждениях Розанова категория ценности прямо не используется, однако ключевые понятия его философии оказываются близки ценностям в понимании Г. Риккерта: они объективны, существуют в особом идеальном пространстве, имеют абсолютное значение, не изменяются со временем. Отношение Розанова к той или иной ценности может меняться, однако ее значение как опорной точки его философской системы всегда остается неизменным. То же самое относится и к литературной критике, которая, и это следует особо подчеркнуть, является неотъемлемой частью всей философии Розанова. Он может по-разному оценивать творчество того или иного писателя, но точки формирования этой оценки (то есть ценности) всегда остаются одними и теми же: это индивидуальность, религиозное начало, семья, теория пола, стихия/движение, жизнь/быт, слово/литература.

Главная ценность, по Розанову, это индивидуальность. В письме Страхову (август 1890 г.) он признавался: «Если к чему я никогда не питал ни интереса, ни любви – то это к историческому человечеству и какому бы то ни было его благу. Человека, лицо – всегда любил, человечество, да и вообще всех, кого не знаю, – никогда». Личность Розанов воспринимает как некую целостность, полное воплощение заложенных в человеке потенциальных возможностей. Именно отношение к человеческой личности является основным критерием оценки литературного произведения.

С точки зрения этого критерия наиболее высокого положения в литературной иерархии заслуживает Пушкин, который ничего не навязывает личности, и наиболее низкого – Гоголь, который своими произведениями

ПОСТСКРИПТУМ

изменил мироощущение не только отдельных людей, но и всего русского общества. Не только для литературной критики, но и для всей философской системы Розанова необыкновенно важным является религиозное начало, которое в некоторых случаях оказывается очень близким жизни/быту и розановской теории пола. Религиозное начало теснейшим образом связано с понятием личности, хотя и никогда с ним не отождествляется. Только в религии открывается истинное значение личности, и только религия рассматривает личность как безусловную целостность. «Ни история, ни философия или точные науки не имеют в себе и тени той общности и цельности представления, какое есть в религии», – пишет Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891). Однозначно религиозным поэтом для Розанова является Лермонтов, а вот религиозное значение Пушкина и Гоголя воспринимается им по-разному: в одном контексте Розанов подчеркивает присутствие в их творчестве трансцендентного и иррационального, в другом – отрицает. Во втором случае Пушкин становится исключительно земным поэтом, которому недоступна область высшего созерцания, а Гоголь выступает в роли богоборца, полностью отрицающего духовную сущность человека.

Со второй половины 1890-х гг. не менее важное место в системе ценностей Розанова занимают теория пола и вопросы семьи и брака. Теория пола присутствует абсолютно во всех литературных концепциях Розанова. Он по-своему интерпретирует семейную историю Пушкина, отыскивает связанные с половой символикой языческие мотивы в произведениях Лермонтова и Гоголя, приписывает особый мистический смысл отношениям Тургенева и Виардо, с сожалением отмечает отсутствие подлинного чувства в современной ему поэзии. Если раньше образцовым поэтом и писателем для Розанова был Пушкин, то теперь на первый план выходит Лермонтов. Также изменяется отношение Розанова к Гоголю, творчество которого он находит полностью соответствующим своим новым идеям. Одновременно меняется содержание понятий «стихия» и «стихийное», которые из отрицательных переходят в разряд однозначно положительных. Стихийными художниками оказываются Гоголь и Лермонтов, и именно они в этот период возглавляют розановскую литературную иерархию. Синонимом «стихии» у Розанова является «движение», что позволяет ему сопоставить развитие русской литературы со своим философским взглядом на историю.

Еще одной несомненной ценностью для Розанова является жизнь, которую он иногда отождествляет с бытом. Понятия мертвенности и безжизненности являются основными в его первой интерпретации творчества Гоголя, в этом же Розанов впоследствии упрекнет Брюсова и декадентов. Однако отсутствие быта в произведениях Тургенева Розанов считает оправданным, поскольку писатель

ПОСТСКРИПТУМ

поставил себе задачей изображение идеальной любви. Весьма сложны у Розанова отношения жизни и литературы, которая тоже является ценностью. По его мнению, совместить жизнь и литературу невозможно, и в этом противостоянии Розанов принимает сторону жизни: «Нужна вовсе не “великая литература”, а великая и полезная жизнь» («Уединенное»). И в то же время он не может не восхищаться эстетическим совершенством произведений русских классиков. Вероятно, именно из особой чувствительности к слову и представлений о громадных возможностях его влияния на душу человека и происходят те завышенные требования, которые Розанов предъявляет к русской литературе.

Ведь слово, по его мнению, способно полностью изменить действительность. Как, например, это сделали произведения Гоголя, который навязал русскому обществу свое видение реальности и тем самым направил в совершенно другую сторону ход его развития. Обычно считается, что в своей эссеистике Розанов стремился преодолеть литературу и соединить ее с жизнью. Однако обращение к ранним его статьям о литературе показывает, что жизнь и литература для Розанова изначально едины, и он, наоборот, стремился к их разделению, отдавая жизни предпочтение перед литературой. В данном случае главным критерием оценки становится словесное мастерство писателя. И снова литературную иерархию Розанова возглавляет Гоголь, «словечки» которого оказались неодолимыми, изменив весь ход русской истории.

Кроме семи основных, в литературной критике Розанова в качестве дополнительной ценности присутствует также народность художественного произведения. Однако ее можно обнаружить далеко не во всех критических статьях Розанова. В основном он рассуждает о народности применительно к творчеству Пушкина, Некрасова и некоторых представителей современного ему литературного процесса. Поэзия Пушкина, по мнению Розанова, народна в силу его всемирной отзывчивости, которая является национальной русской чертой.

Однако по сравнению с творчеством Некрасова, который использовал элементы фольклора, произведения Пушкина несут на себе отпечаток чужой «барской» культуры. В то же время при сопоставлении с декадентами Пушкин оказывается все же народным поэтом. Одно и то же произведение («Сказка о царе Салтане») в зависимости от контекста интерпретируется то как сочинение барина, «погружающего себя в народность», то как истинное выражение духа русского народа. Видимое противоречие объясняется различными трактовками понятия «народность». Первая, более широкая, определяет его как выражение духа нации, вторая, более узкая, означает включение в творчество элементов фольклора. Изменение смысла определения в зависимости от контекста

ПОСТСКРИПТУМ

свидетельствует о том, что в системе ценностей Розанова понятие народности было важным, но ключевого положения не занимало. Нужно также отметить, что все творчество Пушкина в отдельных случаях рассматривается Розановым как самостоятельная ценность.

Представление о литературе у Розанова изначально было системным, что доказывает обращение к его первой книге «О понимании» (1886), в которой Розановым были разработаны основополагающие понятия его эстетики и поэтики. Впоследствии часть этих понятий Розанов пересмотрел, а от некоторых из них вообще отказался, однако концепция литературы у Розанова на протяжении всего его творческого пути продолжала сохранять форму системы. Общие границы этой системы и обнаруживаются при помощи двух подходов – хронологического и аксиологического. Оба эти принципа обеспечивают системность подхода к изучению произведений Розанова, более того, они дают возможность выявить в его якобы хаотическом и амбивалентном творчестве вполне определенные закономерности. Распространенное мнение о принципиальной непознаваемости Розанова можно объяснить тем, что он становится популярным примерно в начале 1900-х годов, то есть именно в декадентский период.

Соответственно основные статьи о нем и рецензии на его книги были написаны современниками, не видевшими и не понимавшими особенностей этого развития. Для них Розанов существовал как бы синхронно со всеми своими очевидными на поверхностный взгляд противоречиями. И эта ситуация была невольно воспроизведена в 1995 году при издании двухтомника «В.В. Розанов: Pro et contra», где были перепечатаны прижизненные рецензии на его произведения. Оценки начала XX века были восприняты в конце XX века совершенно некритически. Именно оттуда, на наш взгляд, и перекочевали в современную научную литературу мифы об амбивалентности Розанова и его принципиальной непознаваемости. На самом же деле Розанов – это на редкость сложный автор. Его видимая простота обманчива. Но это не значит, что нам не нужно пытаться понять логику мышления Розанова, тем более что многие из поднятых им вопросов остаются актуальными и в начале XXI века.

ПОСТСКРИПТУМ

Летом 1913 г. В. В. Розанов отдыхал вместе с семьей в Бессарабии, в имении Е. И. Апостолопуло — Сахарна. Записи этого года составили книгу, получившую название «Сахарна» и разделенную писателем на три части: «Перед Сахарной», «Сахарна», «После Сахарны». По тону, характеру, манере книга непосредственно примыкает к «Уединенному» (1912) и «Опавшим листьям» (1913, короб 2-й — 1915). Предлагаем читателям альманаха фрагменты произведения.

Василий Розанов

Перед Сахарной

В-я привезла на Рождество две двойки, по немецкому и арифметике. Ее встретили сухо и почти не разговариваем. Она опешила. Заглядывает в глаза, улыбается виновно и заискивающе, но мы не обращаем внимания. Однако, когда прошли дни, — ее впустили в комнату к Шуре, куда собрались две курсистки, она сама (Шура [1]) и все детишки.

Я что-то копался. Когда вошли в кабинет и сказали: «Идите к нам, папочка: как весело». Скучая, что оторвали, — я, однако, вошел.

На полу — «подножках» и табуретках — разместились, кроме трех больших — все маленькие: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя. Все были в ажитации, и, когда я тихо сел, — почти не заметили.

Играли «В свои мнения». Эти «мнения» составляли определения вещей, имя коих писалось на бумажке.

Меня поразили многие из мнений, и, когда все кончилось, — я захватил бумажки и здесь воспроизвожу их.

Вопрос: Что такое цветы?

«Цветы одушевляют человека, когда он бывает угнетен чем-нибудь и освежают его душу» (Вася).

«Цветы да еще дети одни украшают землю» (Вера).

«Дыхание красы».

«Цветок есть последняя отрада человека, посаженный в землю около гробовой доски» (Варя).

«Цветы — внешняя улыбка природы, их запах — тайное признание ее» (курсистка),

«Цветы — это песнь природы» (Наташа [2]).

«Без цветов мир стал бы мертвее самой смерти» (Шура).

ПОСТСКРИПТУМ

(Вторично заданная та же тема, или второе мнение при первом же задании):

«Цветы — покорное создание, которых каждый смертный может сорвать и растоптать» (Вася).

«Цветы — это маленькие и нежные создания Бога, которые остались как печальные воспоминания о Рае» (Вера).

«Цветы, как люди, — горды, нежны».

«Цветы — в природе — милые, светлые, разноцветные. В своих чашечках они скрывают мечты... своим благоуханием они сдувают муки и тягость. — Цветы в душной комнате. Скучно, серо... Вьются нежные цветы у пыльного окна. Подходишь. И встают золотые воспоминания о чем-то далеком» (по-видимому, Таня).

Вопрос: Что такое ум?

«Ум — очень трудно определить тому, кто его имеет; для тех же, кто его не имеет, ум — святое счастье и богатство» (курсистка).

«Вечно „Горе от ума“» (Шура).

«Ум — это счастье несчастливых» (Наташа).

«Ум — руль» (Таня)

Вопрос: Что есть высший героизм?

«Самоотверженно к себе, радостно умереть за ближнего и даже за самого низкого преступника» (Надя или Вася).

«Героизм есть высшая отвага и стремление к великому делу» (Варя).

«Высший героизм есть самоотречение. Только тот сможет создать великое и прекрасное, только тот может, как герой, отпечатлеть своей рукой на истории и в измученных душах людей, кто скажет: я для всех, но не для себя. Это есть истинный герой человечества» (Вера).

«Жажда сгореть в любви» (Таня). «Высший героизм — стереть свое лицо» (Шура). «Героизм — ни один раз в жизни не солгать» (Наташа). «Героизм есть лишь вспышка, но не огонь» (курсистка). «Истинный героизм заключается в силе любви, заставляющей забыть свое мучительное я» (вторичное — Тани).

«Высший героизм — сказать про себя самое смешное и низкое» (вторичное Шуры).

«Героизм есть необыкновенная жизнь человека, иногда незаметная, а иногда заметная» (по-видимому, — по почерку — Вася или Надя).

«Как мы можем спрашивать, что такое героизм, когда вся жизнь Христа есть высший подвиг героизма» (судя по почерку, кажется. Вера).

Вопрос: Что? труднее всего на свете?

«Всего труднее в жизни полюбить ненавидящего тебя» (курсистка).

ПОСТСКРИПТУМ

«Труднее всего в жизни побороть себя» (курсистка). «Прожить без любви» (Наташа). «Забыть себя» (Шура).

«Самое трудное — сказать в старости то, что говорил в молодости» (по-видимому, Вера).

«Сохранить юность» (по-видимому, курсистка). «Верить и прожить честно, без фальшивых прикрас» (Таня).

«Труднее всего в жизни — просто, без затей ее прожить» (по-видимому, курсистка вторично).

«Труднее всего в жизни забыть о себе» (Шура вторично).

«Самое трудное — стать выше своих страданий» (Вера).

«Труднее всего переживать предсмертный час, если был грешен» (Вася, — sic!).

«Труднее всего в жизни переживать муки» (Вася вторично). «Труднее всего в жизни пойти выпить молоко и лечь спать» (Пучок — Надя).

Смеялись больше всего последнему. Дивились больше всего Васе. Он был по пояс мне, совсем маленький. Пораженный, я его отвел в сторону (после игры) и спросил: «Разве ты думал о смертном часе?»

«Думал». — «Ну, это мне тяжело умирать так, а ты?»- «Нет, папа. Какие у тебя грехи? Если тебе захочется согрешить, то ты удержишься». — Прыснув со смеху и замирая в страхе, я пошел и рассказал Шуру «своего Ваську».

Но... потеряны листки с «любовью».

— «Что такое любовь?». Ответили разное. Но Варя — вся проказа вне этого «наказанного» Рождества — поспешила утешить родителей и успокоить общество:

«Любовь существует для пользы отечества».

Этому-то больше всего мы и смеялись тогда.

* * *

Еврей находит «отечество» во всяком месте, в котором живет, и в каждом деле, у которого становится. Он въязвляется, вырастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободой) и с силою, как родной.

Он в высшей степени не чужой везде, со всеми. Общее предположение, что евреи ведь чужие, - верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до «единокровности», со всеми.

Отсюда проистекают некоторые мелочи, например знаменитое «жидовское нахальство», которого сами евреи не замечают и даже не понимают, о чем мы

ПОСТСКРИПТУМ

говорим. Нас поражает и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют, «как мы»; а они и чувствуют себя, «как мы», и так говорят и ведут себя. Отсюда (отчасти) побои, и - то, что евреи так этого не понимают. (в клинике около мамы).

* * *

Когда идет добро от священника и когда идет добро от мирского человека, и собственные «измерения добра» в одном и другом случае одинаковы, — т. е. равны: доброе слово здесь и там, утешение здесь и там, милостыня здесь и там, - то есть разница какая-то в благоухании. Добро священника благоуханнее добра светского человека.

Отчего это? Явно чувствую. Чувствую не потому, что я «таких убеждений». Не ум чувствует, а нос чувствует.

(припомнился разговор с одним добрым батей).

Эх, попы. Поправьтесь! — и спасете Русь.

* * *

Мне не нужна «русская женщина» (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива. Волосы гладенькие, не густые. Пробор посередине, и кожа в проборе белая, благородная.

Вся миловидна. Не велика, не мала. Одета скромно, но без постного. В лице улыбка. Руки, ноги не утомляются.

Раз в году округляется.

(иду от Пр. Гор.).

* * *

«Три-три-три Фру-фру-фру Иги-иги-иги Угу-угу-угу».

Это хорошо. После «Синтетической философии» в одиннадцати томах Герберта Спенсера — это очень хорошо.

(Статья о футуристах Рог-Рогачевского с примерами из их поэзии).

А не верят люди в Бога, Судьбу и Руку. Но Он дерет за ухо не только верующих, но и не верующих в Него.

ПОСТСКРИПТУМ

* * *

Теперь стою в банке, перевод или что, — смотрю по сторонам: где тут международный плут, с его «печатью на лице», которого бы ловил Шерлок Холмс.

(Начитавшись Ш.-Хол.) Перевожу последнюю уплату за монеты Осману Нурри-бею в Константинополь.

* * *

Много можно приобрести богатством: но больше - ласковостью.
(мудрость евреев).

* * *

Как поправить грех грехом — тема революции.
(на извозчике).

И поправляющий грех горше поправляемого.

Как хорошо, что эта Дункан своими бедрами послала все к черту, всех этих Чернышевских и Добролюбовых. Раньше, впрочем, послали их туда же Брюсов и Белый (Андрей Белый).

О, закрой свои бледные ноги [5].

Это было великолепно. Поползли на четвереньках, а потом вверх ногами. И тщетно вопияли Лесевичи и Михайловские:

— Где наш позитивизм? Где наш позитивизм!!! Позитивизм и мог быть разрушен только через «вверх ногами».

На эмалевой стене Там есть свет чудных латаний.

Дивно. Сам Бог послал. Ничего другого и не надо было. Только этим «кувырканием» в течение десяти лет и можно было прогнать «дурной сон» литературы.

* * *

За попа, даже и выпивающего, я трех кадетов не возьму. Только злой поп [6] (поп А-бов) — невыносим. Он хуже всякого человека. В нем этот яд становится хуже, проклятее, смраднее, стрельчатее яда во всяком другом человеке.

Отчего это? Тоже — тайна. «И взяв кусок с блюда и обмакнув в соль — подал ему» [7]. И всякий исповедник Христа, если он зол, — увеличивается в зле на всю величину Христа и становится Иудой.

ПОСТСКРИПТУМ

* * *

Греки — «отец»; и римляне тоже — «отец». Даже сухопарый чиновник — и он «отец». Одна «жидова» — Вечная Мать. Отсюда проистекает их могущество и значительность.
(идя из клиники).

* * *

Что истинно интересно?
Своя судьба.
Своя душа.
Свой характер.
Свои тайны («сокровенное души»). С кем хотел бы быть?
С Богом. Еще с кем?
С тем, кого истинно любишь. Таков за всю жизнь один-два.

* * *

...Скука, холод и гранит.
Что это, стихотворение Пушкина?
— Нет, это каноническое право. «Кормчая», Суворов, Красножен, Сильченков, еще кто-то, многие. Как говорится где-то в Библии: «Взойди на башню и посмотри, не идет ли это на помощь осажденным войско?» — Посланный вернулся и сказал: «О нет, — это идет стадо скота и подымает пыль».

* * *

Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа!
«Как ты, пачкунья, смеешь это думать?»
— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.
«И лукавая? и скрытная? обманная?»
— Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа.
«Весь запутанный? Скверный?»
— Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.
(Бреду ночью из редакции, 3-й час ночи. Кругом проститутки.)

ПОСТСКРИПТУМ

* * *

Собственно, есть одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать, это книга его собственной жизни. И, собственно, есть одна книга, которая для него по-настоящему поучительна, - это книга его личной жизни.

Она одна ему открыта вполне, и - ему одному. Собственно, это и есть то новое, совершенно новое в мире, ни на что чужое не похожее, что он может прочитать, узнать. Его личная жизнь - единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается для своей жизни, и его жизнь есть дар Божий земле. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке Земля (планета) получает себе подарок. Но «подарок» этот исполнен внутренними письменами. Вот прочесть-то их и уразуметь и составляет обязанность всякого человека. И если он добр к людям, расположен к ним, если «у корыта (мир) мы все щенята», - то без церемоний и ужимок, без стыда и застенчивости, без кокетничанья скромностью, он должен сказать «пороссятам у корыта»: «Братья мои, вот что написано в этой книге. Вникните все и читайте меня. Может, кому понадобится. Может, иной утешится через меня в себе. И „третий добрый молодец“ позабавится, — без зла, а с добрым смехом. Ибо злым смехом ни над каким человеком нельзя смеяться».

Поэтому «У един.», собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. «Все прочее не существенно», — и все прочее, что он мог написать или сказать, лишь частью верно; «верное» там не в его власти, не в его знаниях.

МИР-ЧУЖБИНА

Елена Карева

От частного к общему

Николай Боков: Зона ответа. На Восток от Парижа

*...Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви...
Б. Пастернак*

1.Вместо предисловия. «Книги, о которых никто не сможет узнать»,

- написал Николай Боков в своем Живом Журнале. «И не какие-нибудь средневековые, в глубине библиотек недоступных, а в самых обыкновенных книжных магазинах... Как эта "Метанойя. Физические явления мистицизма" Эме Мишеля. Исследование эрудита, какими нам, скорее всего, уже не стать, читавшего по-латыни и по-гречески, как мы с вами, еще по-французски, пораженный многими вещами бесспорными - и желавший их ввести в сегодняшнее обращение культуры, плоской донельзя... Современный ученый, пытавшийся проникнуть в мистику (трагедию) папы Урбана 8-го, того, который согласился на осуждение Галилея (в глупых современных словарях Лярус и др. пишут "осудил") - но который "через дырочку в стене" видел левитации монаха Джузеппе да Копертино... И "был распят" между "научным" и "чудесным", как нам невозможно себе представить... Я цитировал Эме Мишеля в "Зоне ответа", но это не произвело никакого действия в момент появления моей книги... "Непроницаемость культуры" поразительна... Как некий мешок, куда стучится "другое", но контакт невозможен... И какое счастье быть "вне мешка" с его стадионами и залами криков и аплодисментов... (Церковь, конечно, в мешке, а мистики - вне... добавлю для ясности... религия заключенным, а вера свободным, это понятно... надеюсь...)»

Многие ли узнали о появлении двухтомника «Зона ответа. На Восток от Парижа»? Во всяком случае, в конце 2009 г. второй том («Зона ответа») попал в короткий список финалистов IV открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу», в номинации «лучшее художественное произведение». Сколько прочитали, да и возможно ли исчерпывающее прочтение такой книги – чтобы раз и навсегда усвоить ее содержание и с чистой совестью вернуть на книжную полку? Думаю, вряд ли. Ее содержание – мысль, в ее зарождении, становлении и развитии; многие мысли и ассоциации, то связанные сюжетом, то образующие сюжет, связующие до конца не соединимое – материальный мир и мир идей, - обретающее подвижное равновесие лишь в человеческом сердце.

МИР-ЧУЖБИНА

Книга ведет диалог с читателем, два тома книги вступают в диалог друг с другом. Этому способствует двойственная природа текста, начинающаяся с двойственной природы его предмета – человеческой мысли (а также, если быть последовательными, средства выражения – слова), – в итоге приводящая к жанровой неопределенности. Что перед нами: философский трактат, или художественное произведение, или автобиографическая проза)?

Два в одном, и выбор русла, в котором пойдут рассуждения о прочитанном, зависит от взгляда. Посмотрим с более близкой точки зрения – литературной, не забывая, впрочем, об условности деления. Кроме того, и структура первого тома подсказывает этот путь.

2. «А сначала была Марбургская школа»

«Немного неясно, почему Пастернак – так он рассказывает – скрыл от Когена, что он возвращается в Москву писать стихи, что он от философии начинает отдаляться*». И, таким образом: назад, к Пастернаку. Или вперед, какая разница. Ретроспективный взгляд интересен возможностью произвольного выбора точки отсчета. В нашем случае – Марбургская школа, что означает: философия и Пастернак. Марбург расположен в центре первого тома, вокруг него вращается вселенная «Зоны ответа», творец которой – автор – вольно или невольно оказался участником мистерии «путь Пастернака: философия или поэзия», тем самым обрекая себя на мучительное преодоление ее последствий – впечатляет даже в печатном выражении: 530 страниц. Оказалось, чаемая серебряным веком теургия реально меняет жизнь, но не остается безнаказанной. Возможно, эксперимент был не совсем добровольным, не исключено, что Марбург сам притягивает обладающие необходимым сродством души, поглощает их, подобно черной дыре, чтобы вернуть другой вселенной перерожденными. Представляется так: кто-то, чувствуя его притяжение, решается и говорит: да. Начинается путешествие сродни христианскому подвигу повторения Крестного хода, сначала произвольно (по причине личного интереса и склонности), затем в силу природы вещей – по мере погружения в процесс.

Но только описанное в «Зоне ответа» путешествие за истиной имело противоположную направленность по сравнению с исходным пастернаковским маршрутом. Путь Бокова начинается в конечной точке пути Пастернака – точке выбора между философией, или «мудростью мира сего», и любовью/верой. Для Пастернака Марбург стал точкой невозврата на пути от философии к любви, трактуемой как универсальное творческое начало, что обусловило его выбор: любовь/(и)искусство. Приятие «всесильного бога» благодаря

МИР-ЧУЖБИНА

творческой способности, которой наделен человек. Философия уступила любви как пути познания – что составляет сущность христианства. В этом Пастернак увидел истину, согласующуюся с собственным восприятием вещей. И наиболее адекватный способ выражения любви – в искусстве. «*Только* искусство, твердя на протяжении веков о любви, *не поступает* в распоряжение инстинкта для пополнения средств, затрудняющих чувство» (Б.Пастернак, «Охранная грамота», курсив Б.П.)

Пастернак, написавший: «Конец философии, то есть какой бы то ни было мысли о ней. Как и соседям в купе, ей придется считаться с тем, что всякая любовь есть переход в новую веру» и «Искусство реалистично как деятельность и символично как факт» - сыграл в переиздании Марбургской истории роль Когена. Здесь переключаются регистры. Любовь и философия, преподанные автором «Охранной грамоты» и усвоенные автором «Зоны ответа», уступили вере.

От философии – через любовь – к творчеству – вот путь автора «Охранной грамоты». От философии и творчества – через любовь и страдания – к вере – вот путь автора «Зоны ответа».

... Интересна, кстати, трансформация заключительного тезиса этих рассуждений. Пастернак продолжает: «Нравственности учит вкус, вкусу же учит сила». Поскольку под «силой», как видно в контексте «Охранной грамоты», Пастернак понимал «Дантову движущую силу», другую ипостась любви, хотя и не сказал об этом прямо – но текст говорит сам за себя, – очевидна христианская сущность максимы. Опуская вторую половину высказывания и перенеся оставшееся в другой контекст, Иосиф Бродский получил свою интерпретацию известной концепции примата эстетики над этикой.

Интересно то, что мировоззренческие пути современников Бродского и Бокова относительно Пастернака расходятся почти диаметрально, представляя собой соответственно отрицание и полемическую переработку. Впрочем, в искусстве главное – художественный результат, тем более в поэзии, которая самым фактом своего существования может опровергать концепции, декларируемые автором.

В центральном произведении первого том, в повести «Обращение» фамилии Пастернака и Бродского соседствуют: «Пастернак умер в 60-м.

«Доктора Живаго» я держал в руках и читал в 64-м. Книгу, изданную за границей, в Милане, по-русски! Тайно перевезенную француженкой! <...>

Прочитать и вернуть книгу?

А друзья? А многие-многие – мне не известные другие?

Да очень просто: перепечатаем на машинке!

МИР-ЧУЖБИНА

Маленький опыт уже был: перепечатали же стенограмму суда над поэтом Иосифом Бродским, сосланным за тунеядство (он умрет в 96-м нобелевским лауреатом). И еще письмо двух священников Патриарху».

Хронологически приведенный отрывок относится к юности автора, но уже в нем соседствуют основные темы, прослеживающиеся в его дальнейшей судьбе: самиздат, эмиграция (Бродский) и письмо Патриарху - как символ духовного и общественного делания.

В отличие от героя «Охранной грамоты», герой «Обращения» держит путь из литературы в философию, и через нее – также через разочарование в ней – к любви/вере, с преобладанием чисто метафизической составляющей, поскольку возможность ее преломления в сфере искусства для него если не совсем исчерпана, то не согласуется с его восприятием вещей. Он как бы продолжает путь героя «Охранной грамоты», возвращаясь, и снова выступая вперед, за золотым руном, или – используя слово из более подходящего словаря, – за драгоценным жемчугом истины.

Сравнение путей позволяет произвести сопоставление эпох, в которые написаны оба произведения, и увидеть часть извилистой, с отступлениями, траектории основных свойственных им духовных поисков. Заодно, распространяя этот результат на многие прошедшие эпохи, представить масштаб бесконечных вылазок человеческого ума в темноту окружающего мира ради попыток ее осветить и бесконечных возвращений в лоно основного русла философии.

Показывая свой мистический опыт в развитии, автор, пожалуй, пишет не дневник и не философский трактат – без оглядки на формально-логическую и историческую последовательность он создает синтетический, художественно достоверный образ личности на этом пути. Он отстраненно смотрит на текст – так же, как и на свой собственный опыт, делая последний материалом для первого, и оба – предметом обсуждения, в ходе которого он пытается понять особенности и найти границы своего «я» и внешнего мира, а также исследовать их взаимное влияние. Коротко это может быть выражено словами Мандельштама: «я и садовник, я же и цветок...»

Вот что говорит читателю книга.

А что хотел сказать автор, находящийся внутри текста?

3. «Да это просто скандал!» Том первый, «Зона ответа»

«...я хотел бы найти книгу-друга. Меня окружали иные: чарующие, гипнотизирующие, подчиняющие, магического реализма: феодалы, ищущие крепостных себе в услуженье. Нет, не находится книги-опоры: книги-дома.

МИР-ЧУЖБИНА

Придется ее написать. Книгу-помощника. Не слишком много говорить – и думать – о себе, чтобы не получилось зеркальной галереи. Чтобы не населить собою – другого. И не слишком мало, чтобы не потерять чувства доверия и доверчивости. Пусть будет ясно, что говорят о настоящем опыте человеческой жизни, оплаченном кровью или, по крайней мере, слезами. Часами, ночами отчаяния перед непонятностью жизни, вернее, смерти. Опыте недавнем, описанном точно, почти как в протоколе, слегка сжато, как в резюме. Отмечая даты по календарю и время по будильнику». («Обращение», гл. II, Незнакомый голос).

Но для того, чтобы такую книгу написать, сначала нужно суметь прочитать другую – книгу своей жизни. Об этом и говорит автор, в качестве примера показывая нам свой путь к пониманию необходимости этого, и чего ему стоило проникновение в ее смысл.

«В юности, изучая философию, я думал, что все уже написано в книгах. Еще я не знал, что в книги переписывают то, что сумели прочитать и понять в книге жизни.

И не со всякого места книгу жизни можно читать! Не при всяком свете события начинают проступать числа и слова!

Оказывается, смысл и свет – самые яркие – при униженном и беспомощном состоянии читателя. Родитель, везущий в кресле ребенка-инвалида, например. Нищий с протянутой рукой. Уволенный на пенсию генерал. Знаменитость, фамилию которой все чаще переспрашивают.

Все то, что хоть отдаленно напоминает Голгофу.

Несчастье встало стеной, и ничего нельзя сделать.

Эти состояния моего ближнего не очаровывают, и мой ближний останется самим собой. Ему не нужно распускать павлиньего хвоста талантов и возможностей. А жалостливые могут жалеть – не опасаясь, что их сочувствие будет отвергнуто.

Вот когда началась философия, думаю я, садясь с дочерью в вагон метро. Она тут же попадает в центр внимания: «Что-то не так с этим ребенком...»

На лицах начинают проступать родившиеся мысли и сердечное отношение к случаю. И даже обобщения.

Вот какие мы, вот какой я, - думаю я, глядя в зеркало человеческих лиц.

Да это подарок неба – такая возможность взглянуть и увидеть».

Свет мой зеркальце, скажи... Иногда говорит, иногда становится непроницаемым; и не только человеческие лица, весь мир может обернуться зеркальной ловушкой, беспощадно отражающей падающие лучи и множащей отражения. Зависит от взгляда. «Зона ответа» говорит о том, что диктат жизни преодолим, что другой взгляд и другой опыт возможны.

МИР-ЧУЖБИНА

Автор рассказывает о многом: о символах и подобию на примере событий своей жизни, в духе приводимой им цитаты из Дуинских элегий Рильке: «Не думай, будто судьба – что-то большее, чем речения (das Dichte) детства». О скрытых процессах, протекающих в современности, об истории христианской Европы – почти уже Атлантиды, утонувшей в океане современной культуры. Но еще жива память о том, что «Нынешняя Западная Европа – результат и этап развития государственности и церкви/религии. Несмотря на «обмирщение», она очень привязана к христианской морали и не отвергает ее; состояние дел хорошо выражено в том, что главные церковные праздники – нерабочие дни для всех, хотя в церковь в этот день идут не знаю, сколько процентов». О двойственности природы человека – мыслящего существа, «зажатого между Евангелием и реальностью».

Что очевидно не для всех. Но те, для кого чтение книги жизни – занятие если не рядовое, то знакомое, найдут в «Зоне ответа» созвучия своим наблюдениям и мыслям; найдут, безусловно, и новое для себя, поскольку в своей журнальной записи автор скромничает, конечно, говоря об эрудите, «какими нам, скорее всего, уже не стать». Начать с того, что в 1969 году Николай Боков окончил философский факультет МГУ (можно посмотреть страничку автора на сайте университета). Его ранние произведения, написанные до эмиграции из Советского Союза в 1975 году, выходили в самиздате, некоторые в то же время издавались за границей, анонимно или под псевдонимом: «Смута новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова» (La Tête de Lénine, Ed.R.Laffont, Paris), повести «Город Солнца», «Никто» (Ed. Denoël, Paris; John Calder, London), «Страды Оmozолелова», «Смех после полуночи»; пьесы «Чудеса химии», «Наташа и Пивоваров».

На материале этой классики самиздата написана докторская диссертация «Творчество Николая Бокова» Манюэля Пенэна, (2010, Franc-tireur USA, на французском языке). Эмигрировав, Николай Боков был журналистом газеты «Русская Мысль», а также издавал в Париже журнал «Ковчег». В 1979 вышел сборник избранной прозы «Бестселлер и другое», в 1983 в Цюрихе – роман «Чужеземец» (Der Fremdling, Diogenes Verlag, в переводе на немецкий). И если бы события развивались последовательно в заданном направлении, жизненный и литературный путь Николая Бокова был бы вполне типичным для писателя-диссидента, представителя третьей волны эмиграции из СССР. Но в 1982 году случилось то самое «но». Принимая различные формы, исходя из индивидуальных особенностей личности и судьбы, это «но» приводит обычно у разных, казалось бы, людей к сходному результату: выходу из колеи обыденного сознания. Некоторые этим ограничиваются; другие, радикально

МИР-ЧУЖБИНА

настроенные, в корне меняют свой образ жизни. Николай Боков принадлежит ко второй категории, и именно описание опыта, редкого в своей цельности и последовательности воплощения, вместе с его параллельным анализом, в котором раскрывается эволюция самосознания и мировоззрения автора, поднимает текст до уровня свидетельства если не об Истине, то, по крайней мере, современной жизни в ее свете. Для этого пришлось отказаться от всего: привычной социальной среды, крыши над головой, деловых и даже дружеских связей, прошлого и будущего, литературы, наконец. Это был период полной переоценки ценностей, медитативных размышлений и работы над текстом Библии во время пеших странствий по Европе, жизни на улицах Парижа и, наконец, в пещере в его окрестностях. Полученный опыт оказался и материалом, и формообразующей силой, а может быть, и автором, пишущим книгу в человеческой душе и налагающим на нее обязательство воплотить написанное в печатном слове. Что казалось практически невероятным в тех обстоятельствах ежедневной борьбы за выживание, когда самым надежным и подчас единственным доступным местом хранения информации была голова.

«Пропажа одежды меня не смущала. Ни спального мешка, ни пленки (еще в первом варианте 2х3 м, не вполне комфортабельном). Ни консервов, ни бутылки с оливковым маслом.

Но вот несколько книг и конспекты, а самое главное – мои записки и Библия. И не простая: это был экземпляр, читавшийся уже восемь лет, изученный, испещренный ссылками, пометками и объяснениями учителей Церкви и всех попавшихся комментаторов, с переводом ключевых слов и фраз на иврит и на греческий. Такую Библию в Средние века называли глозой. Причем глоза была составлена мною, я знал ее до последней йоты. Освоенность материала достигла того состояния, когда она хочет вылиться, принять вид книги. <...>

Неужели пропала работа стольких лет?..

Если да, то какой смысл во всем этом?

В аскетике подобное событие называется *dépouillement*, буквально обдирание, ощипывание. Богу нужен человек голый: от успехов в обществе, от собственности разного рода, в том числе литературной. Голый от привязанностей. Нет мистика, который не говорил бы, что лишение всего – или почти всего, вплоть до здоровья и жизни, – знак особого благоволения Бога. Знак того, что Он хочет приблизить к Себе... <...>

Из бессмысленности разрушения – а что бьет нас сильнее бессмысленности? – начал проступать смысл события, еще, впрочем, не убеждавший, но уже позволявший вздохнуть. Не все кончено. Наоборот, так и надо! Может быть, и работа, произведенная шоком, больше и важнее изучения

МИР-ЧУЖБИНА

текста, даже священного. И вдруг снова пронзала острая боль: пропало нечто большее, чем многолетний труд! Сломано выросшее растение, погибло чудесное дерево, под сенью которого я укрывался от обстоятельств и одиночества...» («На улице Парижа»)

«Зона ответа» написана человеком, жаждущим общения, обращающимся к Творцу. Но она поднимает и вопрос: готов ли человек к такому общению – на пути к которому приходится расставаться со многими иллюзиями, которые повседневная жизнь даже не подвергает сомнению. Всегда есть что-то такое, чего не знаешь даже об очень близко коснувшихся тебя вещах.

«Спустя время, когда я погрузился в необъятное море старых книг и авторов, мне попался рассказ об обычае древних христиан поститься три дня перед вступлением в брак. И молиться.

В XX веке я нечаянно проверил на себе то, что знали в IV-м».

Результаты проверки:

«Я плачу из-за унижения, небывалого, никогда такого не испытанного: великая любовь оказалась чуть выше желания поесть. Чуть больше сэндвича.

Мы выдержали наши четыре дня, это правда, но с великой страстью любви, воспетой и пропетой поэтами, вспучившей до небес искусство, - с нею сравнялось другое – оказалось не меньше – желание наполнить желудок.

Грандиозное здание рушилось.

Оно возводилось десятилетиями: от первых робких взглядов на девочку-соседку в детском саду и торопливых ласк до великих романов, конкурсов, театров...

Оно возводилось веками! Пирамида культурного достояния уже закрыла мне солнце и небо!

И вот оседала пыль рухнувшей постройки и высохших лавровых венков.

Любовь мужчины и женщины – великая вещь. Грандиозная. Но и сэндвич, оказывается, тоже! Если он и не перетянул чашку весов, то встал, тем не менее, вровень.

Оказалось – и это-то самое унижительное – и песнь любви, и вкусный сэндвич – арии из одной и той же оперы, явления одного порядка, и это ясно теперь, когда мудрость положила их на одни и те же весы».

Оказывается, знание, добытое аскетом, не отличается от знания циника; только знаки у них разные. Какие только пути к знанию герой «Зоны ответа» не проверил на себе – от повседневного опыта до мистического, – чтобы с полным правом заключить:

«Вот как нужно философствовать: построив теорию, например, в общих чертах и даже в деталях, ее нужно вновь продумать в крайних ситуациях а)

МИР-ЧУЖБИНА

жажды, б) холода, в) голода, г) пола – если до последнего дойдет дело, обычно эта проблема не возникает без решения первых трех.

Как ни странно, понятия в крайних ситуациях иные, чем в состоянии комфорта! Дважды два всегда четыре, для сытого и голодного, а вот такие понятия, как «Бог», «благо», «зло», такие важные для жизни человека, - разные!

Да это просто скандал!»

А еще - спокойная непреложность факта, своего рода ответ тому самому «сардоническому уму» новейшей эпохи, о котором говорил Бродский. Более того, герой «Зоны ответа» просто живет без оглядки на «сардонический ум», выводя его тем самым за скобки существования

Фактическая сторона книги впечатляюще разнообразна. Например, упражнения из христианской духовной практики - многие ли вообще знают об их существовании? Упражнение Св. Михаила, которое герой книги повторяет в трудной жизненной ситуации, сам того не подозревая, пока сестра Доминика из монастыря бенедиктинок не расскажет ему об этом позднее; или упражнение Ап. Павла: «предание себя смерти» (2 Кор 1,9) – на дороге из Бари, где хранятся останки святителя Николая Чудотворца, небесного покровителя автора. Практически вся Европа – в поисках истины, а также на пути в Святую землю - исхожена автором, и подробные описания этих путешествий встречаются тут и там на страницах «Зоны ответа». Практически готовые туристические маршруты: читатель получает исчерпывающую информацию культурно-исторического плана - когда был построен тот или иной монастырь, чем прославился местный святой, чьей кисти принадлежит тот или иной лик святого, Распятия или Богоматери. И светского плана, разумеется, тоже. И не без терапевтических доз иронии. «Рассвет застал меня в городочке Аи. Он известен в России как марка шампанского (где-то мелькнула в каких-то стихах)», - читаем в начале рассказа под названием «Девяностый псалом».

Одна устойчивая ассоциация появляется по ходу чтения первого тома, в контексте путешествий: что живое философское богословие Н. Бокова сродни Павлову: походы, труды о хлебе насущном (*сбор винограда*, например), и проповеди, только не устные, а собранные в книги. Проскальзывает и что-то вроде: «Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену...?» (1 Кор 9;5) – в «Тетради отшельника» (Soliloquium). Но, в отличие от Апостола Павла, скорбей по плоти не боится философ Боков. За разговорами о философии и богоискательстве не будем забывать о его писательской сущности, а «скорби по плоти» – немалая часть предмета литературы – если не вся, целиком. И, если заглянуть за пределы двухтомника, мы увидим продолжение литературной судьбы Николая Бокова: стихотворный сборник «Текстотворения», «Цельсий и Смерть», «Пик Доротеи»... Опыт аскезы, пережитый в попытке преодоления

МИР-ЧУЖБИНА

«буквы» ради «Духа», стал этапом на пути обретения нового равновесия и примирения с миром. Ни литература, ни философия не ушли из жизни с вступлением в «зону ответа» - нет, они остались, только, - выражаясь словами другого поэта, - этого мало...

«Простите мне такой импрессионизм. Он ведь хорош в живописи Клода Моне (хотя я предпочитаю Марке), а не в этой книге очерков жизни, где я собираю случаи, когда Провидение писало мною словно пером. Может быть, и сейчас оно мною пишет, если уж быть до конца верующим. И ставит мной кляксы».

Но перо это, выточенное жизнью, – из *мыслящего тростника* – «Вот мое место и профессия: мыслящее перо. Кто-то мной пишет, а я стараюсь понять. Вы понимаете?»

Вы понимаете? – «... нужно искать не формулы вопроса и ответа, а зоны. Не точки, а область, куда можно войти со многих сторон, и в ней побыть, ожидая».

4. На Восток от Парижа (т. 2)

Далеко на Восток от Парижа, в прошлом, осталось все, что обусловило философское и богоискательское путешествие первой книги, и вектор событий второй книги направлен в сторону советского побережья Балтийского моря. Цельность повестей, составивших вторую книгу, обусловлена все теми же сквозящими в ткани повествования экзистенциальными вопросами любви и веры, жизни и смерти, дольней и горней справедливости, но «крайние ситуации» жажды, холода, голода и пола отсутствуют, что способствует плавному и последовательному изложению событий, которые вполне укладываются в рамки обычного течения жизни. Второй том написан преимущественно в духе классического европейского романа, и это приятное чтение, не в последнюю очередь благодаря изысканной простоте прекрасного русского языка, который автору удалось сохранить в эмиграции, в условиях отсутствия беспрецедентного давления на речь, присущей современной российской действительности. А отчасти благодаря тому, что присутствующая и в них изрядная доля философии и богоискательства облечена в законченную художественную форму. Чаще всего, любовной истории, ведь «все движется любовью», – эти слова вполне могут быть начертаны на гербе Николая Бокова и его лирического героя, выступающих в поход за истиной и, как следствие, вступающих в сражение за чистоту и неподвзятость человеческой мысли.

(Но замечу в скобках: именно романа в миниатюре, поскольку автор не полностью использует потенциал сюжета, подчиняя его своей цели).

МИР-ЧУЖБИНА

Мысли и чувства, вызвавшие к жизни произведения второго тома и как будто прошедшие сквозь горнило страстей первого, уже не похожи на раскаленные «кляксы» расплавленного металла. Неукротенная энергия душевной бури здесь претворена в ровное горение творческой воли. Первый том остается за кадром второго; но его присутствие ощутимо. Поэтому остается не так много сказать. Ведь «писатели пишут почти одно и то же, хотя названия своим произведениям дают разные», - как сказано в начале «Побега в окрестности Реймса».

Никуда не делась философия, только маскируется, принимая вид истории любви, истории сублимации любви, истории разоблачения имитации любви, детектива и даже социальной сатиры («Проза миллениум, или рукопись, найденная в строительном мусоре»).

Впрочем, почему «даже»? Николаю Бокову вообще свойственно стремление выявлять скрытые пружины поступков человека разумного – не только как индивидуума, но и как социального существа. После взаимоотношений человека и Бога, взаимоотношения человека и общества – второй по важности вопрос, стоящий перед автором книги. Причем, если отношения индивидуума и демократического государства (не лишенного недостатков, но все равно представляющегося автору наиболее приемлемой на данном этапе формой регулирования отношений человека и общества) имеют явно выраженный иронический оттенок, то взаимоотношения индивидуума и тоталитарного государства окрашены исключительно в трагические тона.

Точнее, поскольку тоталитарное государство вступать в диалог с личностью не желает, о взаимоотношениях здесь речь не идет, так что говорить в этом случае, с точки зрения автора, можно только о противостоянии и о попытке личности сохранить свою духовную и физическую целостность. Об этом повествует заключительная повесть – «Обед на побережье Балтийского моря». Конечная точка ретроспекции двухтомника и, одновременно, поминальная молитва.

Ее стилистика напоминает черно-белые (точнее это можно назвать оттенками серого) советские фильмы про разведчиков/шпионов, снимавшиеся чаще всего в советской Прибалтике и Москве. Контраст между этими географическими и культурными средами способствует резкой поляризации изображения, а, кстати сказать, одной из характерных черт прозы Николая Бокова является ее изобразительная образность. Вообще, «Обед на побережье Балтийского моря» (спящий, подобно ростку в зерне, в «Совпадениях» из «Зоны ответа») - самое поляризованное среди произведений второго тома. И монологичное, причем монологичность – это и средство для, и плата за достижение идейной выразительности текста (под монологичностью я понимаю

МИР-ЧУЖБИНА

эффект, производимый любой предельной – идеологической, метафизической, – поляризованностью).

Добро и зло (персонифицированное в «людях в темных пальто», или просто в «людях в штатском») здесь выступают без грима, при ярком свете солнца или настольной лампы, отбрасывая резкие тени, без полутонов. Главное в повести – не генеалогия, не сущность рассматриваемых явлений (в противоположность произведениям первого тома), а их воздействие на судьбы людей. Что поднимает ее на уровень античной трагедии; с точки зрения которой человеческая жизнь – всегда трагедия, возвышенная или низменная, в зависимости от того, какую форму ей сумеет придать человек.

Если искомый и обретенный Бог первого тома есть Любовь; то земная любовь – бог второго тома. «Вы обожествляете женщин», - сказала среди прочего сестра Доминика герою еще первой книги.

5. «... любясь круговой панорамой страстей»

Перефразируя автора, секрет достоверности художественной реконструкции, почти эффект присутствия, возникающий при чтении двухтомника, состоит в том, «...чтобы помещать себя в центр события. Не в центр бытия, вы понимаете, события, тогда ваше наблюдение будет циркулярным.

Вы останетесь для всех незаметным, любясь круговой панорамой страстей». С той разницей, что взгляд автора во втором томе обращен уже не непосредственно к Источнику Света, а пытается отыскать крупинцы рассеянного света внизу, на земле.

От этого оба тома, будучи поставлены рядом, производят впечатление как будто написанных двумя разными людьми: человеком духовным и человеком душевным. И рассматриваемый эффект наводит на мысль о концептуальности замысла. «Тело хочет противного духу, дух хочет противного телу»; двойственность, данная человеку в ощущениях, заложена в человеческой природе, но как минимум не надо пытаться игнорировать любую одну из ее частей.

Сопоставление неизбежно, оно – часть конструкции и призвано подчеркнуть сложность как внешней, так и внутренней вселенной человека. В данном же случае мы имеем дело с уникальным опытом жизни в двух ипостасях одной и той же личности, или, лучше сказать, на двух уровнях познания, виртуозно воплощенным в художественном произведении. Эта книга родилась из пристального изучения – практически медитации – событий одной

МИР-ЧУЖБИНА

человеческой жизни с оглядкой на другие, родственные по духу. «Прошлое – как кусок янтаря, прекрасный, теплый обломок, в котором застыли события.

Их можно рассматривать, поворачивая и так, и этак, и на свет». Главное – чтобы не угас в душе источник света.

*если не указано иначе, цитаты приводятся по изданию: Н. Боков, «Зона ответа» (1 т.), «На Восток от Парижа» (2 т.), изд-во «Дятловы горы», Н.-Новгород, 2008

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Владимир Теселкин, Дитрих Хейллер, Кристина Шибер, «Триумфальное чувство потери», изд-во «Офорт», Самара, 2012, 163 стр.

Листая это концептуальное литературно-художественное издание (иллюстрации К. Цибер), невольно вспоминаешь известную мысль Анны Ахматовой о том, что парижская живопись съела французскую поэзию, и, разглядывая иллюстрации, почти начинаешь верить, что и в России такое временами случается тоже. Всякое приходит в голову, например: «Россия, Лета, Лорелея», - а из глубин подсознания тут же всплывает что-то вроде: «Ницше, Вагнер - нет, Раммштайн». Все мастерски перепутано, язык исковеркан – то ли плохой русский, то ли ломаный немецкий (возможно, плохой перевод; возможно, с души); да не все ли равно, если смесь рождает ощущение того самого ужаса и тления, триумф которых и призвано являть данное произведение.

«Видишь ли, он устал на столетней войне.// Он себя рисовал черной тушью на белой бумаге. // Но вино пролилось, и безумие было в вине, // То, что истиной красит закатного воинства стяги».

Журнал «Казань», №4/2013

Номер открывает материал О. Балтусовой «Священная война за наследие: пессимизм мысли и оптимизм воли» о прошедшем в марте минувшего года в Петербурге семинаре по вопросам сохранения культурного, в том числе архитектурного, наследия. Речь идет о «священной войне» энтузиастов и активистов градозащитного движения за сохранение исторических зон российских городов. Статья служит отличным подтверждением первой же мысли, появляющейся при взгляде на журнал – столица Татарстана не зря слышет одним из старинных культурных российских центров. Уровень журнала говорит сам за себя – все его уровни: публицистический, полиграфический, уровень представленных авторов и произведений.

Сравнение со столичным «Нашим наследием» (с поправкой на региональный статус) не кажется надуманным. Прекрасные репродукции картин казанских художников и очерки об их творчестве и творческих судьбах (Г. Рахматуллин о В. Попове, художнике-фронтовике, до настоящего времени полном творческих идей, Г. Рамазанова и А. Сираиева об эмалях Л. Гриценко, А. Мирханова о картинах С. Жеймовой), исследование истории, стоящей за антикварным альбомом зарисовок старой Казани, или автобиографии кадрового

КНИГА ЗА КНИГОЙ

офицера Красной Армии Зията Имамутдинова с комментариями его дочери Р. Кострулиной, материалы о фотовыставках (Н. Москалев), о знаменитом дирижере Ф. Мансурове (Р. Галеева, Н. Хайруллина), об оркестре народных инструментов Казанской консерватории, публикации казанских поэтов (Г. Булатова, Э. Учаров, Ф. Пираев) и прозаиков (Р. Бухараев, предисловие Л. Григорьевой, И. Стругова-Неверова, М. Сальтина) – невозможно перечислить все. Любой город мог бы гордиться журналом подобного уровня. К сожалению, города можно перечислить по пальцам. Казани – зачет.

Фигль-Мигль. «Волки и медведи», Либус-Пресс, Санкт-Петербург, 2013.

Фигля-Мигля приятно читать – у этого автора есть стиль, и даже не один, т.е. данный автор – стилист, мастерски владеющий нужными ему для развития повествования стилями письма, разными, но отчетливо авторскими, поскольку при всем разнообразии их объединяет неповторимая и узнаваемая эlegantность. Невыразительность стиля тоже своего рода стиль, как, например, у Пелевина или Пастернака (образца «Доктора Живаго»). В подобных случаях содержание если не оправдывает такового положения дел, то, по крайней мере, скрадывает его в глазах заинтересованных лиц. Но все-таки приятно, читая роман, наслаждаться не только сюжетом и процессом разгадывания таящихся в нем намеков, но также изяществом изложения.

Перефразируя известную французскую поговорку, можно сказать, что характер героя у Фигля-Мигля максимально реализуется стилистически в передаче как его внутреннего мира, так и внешних проявлений, в том числе речевой манере. Интонация и построение фразы каждого персонажа выразительны до того, что портретны, и в качестве ответа одному из рецензентов, вменившему Фиглю-Миглю в вину непроработанность характеров у героев его прозы, можно привести следующий отрывок из романа: «В деревне не раз видели хорошо разглядели Сахарка, но было мало пользы от описаний, которые Молодой пытался то выбить, то выменять. «Аспид, аспид попущенный», - терпеливо твердила деревня, словно само слово «аспид» было картинкой и даже фотографией, которую они протягивали любопытствующему. Рост, вес, возраст, цвет глаз и волос, особые приметы – предполагалось, что всё в ней заключено, и чего же больше?

Такие уточнения, как «тёмный» или «блондин», «молодой» или «в возрасте», только извращали смысл, как пририсованные на фото усы. Игнатка зашёл с другой стороны, но опять неправильной, и как описание мужиков было для нас нечитаемо лаконичным, так он погубил портрет поэтическими излишествами, в завитках и штриховке которых стали неразличимы черты

КНИГА ЗА КНИГОЙ

модели. Собственно говоря, это был портрет души, та аллегория, которую никак не соотнести с реальными ушами и носом. И мы слушали, мало желая знать, как выглядит душа убийцы, недоумевая и пытаясь увидеть там, где нам предлагали понимать». Другими словами, решение вопроса о характере литературного героя зависит от требований, предъявляемых конкретным читателем, но надо признать, что автор имеет преимущественное право преследовать свои цели, особенно, если текст убедительно доказывает, что они достигнуты. Персонажи, действующие на страницах романа, более чем типичны - архетипичны. Например, Фиговидец – персонифицированный образ интеллигента, Канцлер («Коля», чье отчество, кажется, должно было бы звучать не «Павлович», а «Аполлонович») – идеологизированной власти, Илья Николаевич, в камуфляже традиционных ценностей, представляет партию власти денег, и т.д. (не будем отбирать у читателя возможность самому разгадать все загадки).

«Волки и медведи» - продолжение романа «Щастье», - и обложка нам услужливо подсказывает: культового. Но более важно другое: несомненная принадлежность обоих текстов к *петербургскому тексту русской литературы*, главная цель которого - или, согласно В.Н. Топорову, «максимальная смысловая установка (идея) - путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром». Причем, принадлежность эта осознанная, направленность ее полемически-продуктивная, направленная на развитие темы, в перспективе которого видится уточнение смысла этих самых «истины и добра».

«Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращать в тени прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей», - написал Андрей Белый в своем «Петербурге». Петербург же, пока о нем писались стихи, романы и повести, не пребывал неизменным; то есть, может, на большой метафизической глубине и пребывал, но на поверхности происходило всякое, а в «Волках и медведях» читатель имеет дело и вовсе с отдаленными последствиями, когда исторические и метафизические аспекты то ли окончательно разделились, то ли окончательно перепутались. Привидения, вышедшие из первой книги, шагнули далеко вперед и обрели подобие жизни, подобно тому, как обрел ее на страницах романа весь тот морок, который на протяжении двух веков усердно наколдовывали великие русские писатели. Что, разумеется, не исключает злободневности в духе Гоголя и Гофмана, которые сразу вспоминаются не только в связи с приведенной цитатой из А. Белого, но и по ходу чтения романа.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Изначально имперский Петербург, описанный Фиглем-Миглем, переживает очередной упадок империи (ибо предыдущие ничему не научили), постдинастический период, период окончательной диссоциации того, что когда-то было народом, и образования относительно устойчивых ассоциаций на основе сходства жизненного уклада, если под ним понимать способ добычи хлеба насущного в виде средств к существованию (денег). Натурально, после Армагеддона, который, как мы помним из первой книги («Щастье»), был вчера. Причем этот процесс имеет и территориальное выражение, учитывающее исторически сложившуюся географию города, между районами которого теперь расположены блокпосты.

Отчасти это напоминает *Петербург Достоевского* в трактовке В. Пелевина («т»), но акценты «Волков и Медведей» несколько иные, связанные не столько с издевками над теургической концепцией применительно к литературе, сколько с построением модели, в которой прошлое, настоящее и будущее представляли бы перед читателем одновременно, наглядно и во всей своей убийственной красе. Кстати, убойная сила искусства в лице объединенной *писательская* группировки (ОПГ) – тоже одна из реальных сил, действующих в романе, и неслучайно ее действие пришлось испытать на себе именно Фиговидцу в ознаменование вечного конфликта традиции со стихийной силой, ее изначально породившей.

« - Да ладно, какое тут зверье?

- Как это какое? Волки и медведи.

Фиговидец действительно был из Города, пусть и с В.О.; у него действительно было кое-что наследственное. Он рос там, где маленькие мальчики спрашивают: "Мама, а кто там, за рекой?" - и слышат в ответ: "Никого, котик. Волки и медведи". И потом они уходят с набережной, торопятся, взявшись за руки, домой к обеду и, когда мальчики вырастают, самые разные мысли приходят им в умную голову, но мамин голос всё звучит отдалённо, надёжно и внятно.

Когда мы возвращались на бивак, уже стемнело. Но снег и в темноте остался белым. Казалось даже, что-то подсвечивает его изнутри упорными огнями. Я присматривался, и мне блазило, что я вижу голубоватое пламя преисподней».

Елена Карева

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«Гипертекст». Критический журнал. Уфа, 2011, №15.

Ради чего читается литературная критика? Ну не ради же глумливого удовольствия посмотреть, как очередного литературного выскочку раскатывают по камешку? Нет? Хотя кто-то же должен назвать бездаря бездарем и убожество убожеством, но так, чтобы это не напоминало перепалку Остапа Бендера с отцом Федором. А хотя бы так, как это делают Мария Кучумова и Марта Антоничева по поводу уфимских плодovitых графоманов.

Или, может, это быстрый способ определиться, на что стоит обратить внимание в современной литературе, чтобы не упустить лучшее из свеженаписанного, а на что не стоит тратить время, даже если по этому поводу сотрясаются ЖЖ, «Эхо Москвы» и Лента.ру? По крайней мере, когда я, откровенно сказать, в пику Айгуль Усмановой попробовал прочесть повесть лауреата премии «Дебют-2010» А. Хасавова «Смысл», то понял, насколько благодарны должны быть этому критику те, кто ограничился прочтением её статьи и не стал испытывать судьбу и терять время, разыскивая и читая эту вещь.

Или это порыв творческого мазохизма: интересно, а как бы этот вполне опытный патологоанатом, пардон, критик расчленил хладные трупы моих рассказов? Я бы, пожалуй, рискнул лечь под аналитический скальпель Любви Карауц после знакомства с её вдумчивым и точным «вскрытием» литературного альманаха «Шестое чувство», представившего 44 авторов из четырех литературных объединений Уфы.

Но, как отмечал М. Веллер, «самое прекрасное в эстетике – любого оппонента можно объявить дураком». И все эти рассуждения о достоинствах и недостатках того ли, иного ли произведения – вполне субъективны, сколь бы высокопрофессионально не выглядела аргументация.

Наверное, главное, что привлекло меня в «Гипертексте», - профессионально состоятельное и жизненно заинтересованное обсуждение реалий культурного пространства людьми, живущими в нем, создающими его и неотъемлемыми от него. Благодаря им в этом конкретном, вполне региональном пространстве, как в кусочке голографического кристалла, угадывается общее пространство если и не всей страны, то уж Поволжья и Урала наверняка.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Игорь Савельев. «Терешкова летит на Марс». Роман. Москва, Эксмо, 2012. 224 с. Тираж 3100 экз.

Новая литература – это далеко не всегда весть о новой жизни. Иногда – это сигнал о том, что все входит в прежнее русло, период вывертов и экспериментов заканчивается. И в новых условиях люди ведут себя по-старому. Несмотря на «Лексусы», скайпы, гаджеты, гранты и строителей со свежим маникюром, неприкаянный юноша, как 20, 50 и 100 лет назад, расстается с любимой и страдает, и делает глупости, и пытается найти себя. И не находит. И все это написано хорошим образным русским языком. Что ещё надо для оптимистичного вывода – русская литература жива.

И есть о чем подумать, читая эту повесть. (Все же на роман эта история не тянет.)

И есть о чем задуматься, отложив книгу по прочтении.

Можно жить мечтой, например, как Терешкова мечтала слететь на Марс, не обращая внимания, что мечта твоя не входит в планы тех, от кого зависит её исполнение. И потратить жизнь зря.

А можно поступить ещё хуже – испугаться, что твоя мечта неосуществима. И разменять свою жизнь на никому не нужные и неинтересные – в первую очередь тебе самому – компромиссы. И тоже потратить жизнь зря.

А можно поменять свою мечту на конвертируемую ныне валюту: амбиции, концептуальные проекты, vip-клиентов, успех. И читатель из тех, кто покупает книги, издаваемые тиражом в три тысячи экземпляров, будет читать, гадая, когда же стошнит, наконец, героя на этом взлете или он адаптируется?

И дочитав, вряд ли разочаруется. Ибо есть язык. Ибо есть стиль. Ибо есть сюжет, наконец. Вполне традиционный для русской литературы. «Лишний человек в двадцать первом веке». В нашем веке. Неудачник. Лузер. Из которого может выйти Человек, поскольку нет готовности мириться с несовершенством своим и мира. Из которого Человек может уйти, поскольку существуют вещи, которые нельзя себе прощать, даже если живешь в двадцать первом веке.

Пожалуй, восклицать, потрясая книгой: новый Гоголь явился! - не приходится. Но и вздохнуть: сколько можно писать одно и то же? - нет причины. Если выйдет новая книга Игоря Савельева - постараюсь найти и прочитать.

Если катастрофа уже случилась, какая разница, как потом вертит тела и какие-нибудь – в ледяной испарине – дюралюминиевые обломки...

...Это все жизнь мстит ему, потому что нельзя предавать мечты. Он не стал кем хотел, побоялся амбиций, целей, и вот результат, он – никто... Оглянуться не на что. А что впереди?

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Алексей Александров. «Не покидая своих мультфильмов». Нью-Йорк, Ailuros Publishing, 2013. 74 стр.

Эта книга поначалу похожа на морской берег, усыпанный разноцветными камушками. Каждый, кто желает, может подобрать себе камешек по вкусу. Или даже целую пригоршню. Останется возможность размышлять об изысках природы, перебирая на досуге разнообразной формы и цвета безделушки, и грустная память о морском побережье, оставшемся в прошлом. Но большинство пройдет мимо - для них эти кусочки гранита, ракушечника и песчаника так и останутся безделушками.

Вроде и нет ничего вятного, и оторваться от чтения не можешь, пока не перелистнешь последнюю страницу.

Человеку терпеливому, быть может, это все великолепное разнообразие покажется достойным более пристального взгляда. Всмотрись, то есть вчитаешься и – вдруг! – как ежику в тумане, откроется цельная картинка. И ещё. И ещё...

Обилие явных и скрытых цитатных образов вроде бы настраивает воспринять это, как некий всплеск постмодернизма. Но здесь не стеб, не издевка – грустная ирония, временами густо замешанная на своеобразной ностальгии. Не по советской действительности - по нашему романтическому восприятию жизни. Невозможному в нынешней реальности, где даже юнкеру Шмидту из позапрошлого века пришла пора застрелиться наконец.

Такие стихи, наверное, мог бы писать грустный клоун Леонид Енгибаров, доживи он до наших дней. И каждый образ, намек, цитата – кусочек мозаики, которую нет смысла складывать, ибо прошлого не вернуть, а настоящее – абсурдно, как ни сочетай камешки друг с другом. Остается только снова и снова перебирать их, все глубже и глубже уходя в себя и все больше и больше постигая пропитанность своей памяти и жизни тем невозвратным первичным морским рассолом, из которого вышла вся наша действительность.

Вооружившись словарем, / Они зашли в такие джунгли, / В такие лабиринты мысли, / Что если б мы их не прочли, / Они б вовек не отыскались.

«Волга». Литературный журнал. 2013. N 5-6. Саратов.

Современный литературный журнал часто напоминает коллекцию мод, где изделия не имеют никакого отношения к человеческой жизни, а собраны с идеей отличаться от всего, чем человек живет.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Литература теряет свою ориентированность на читателя, ныне это некий экспериментальный цех, где автор прикидывает, что бы такое изобрести, чтобы со смыслом не париться, но было впечатление крутости.

"Круто!"- подумал я, вчитываясь в стихи Алексея Колчева, открывающие журнал, а перейдя к работам Андрея Черкасова, решил: стихи, записанные на ходу, на ходу и читаться должны, а лучше в общественном транспорте в часы пик – все равно ничего связного и осмысленного в такой обстановке не прочитать.

К счастью, литературная анатомичка быстро кончилась и началась, собственно, современная русская литература. Иногда, правда, с явной демонстрацией, откуда ноги растут, на что не поскупился Станислав Шуляк (Роман с чертовщиной). Чертовщины-то напихано! И классической, к ней еще, правда, по сюжету надо пробиваться, и воландовской, с шутками-прибаутками, и бытовой, человеческой, с пьяной похотью и толченым стеклом в супе.

Временами так и чувствуется восхищение автора собой: во как я могу! Хотя ушки Михаила Афанасьевича (а может, совсем и не ушки) торчат отовсюду.

Поэтическая подборка Михаила Дынкина вселяет надежду: у кого-то еще осталось осознание того, что поэзия имеет некоторое отношение к человеку.

Заир Асим из Алматы - временами кажется, что живая русская литература осталась в национальных и временных окраинах бывшего Союза. Люди помоложе и поцентральной больше озабочены фокусами, эквилибристикой, экспериментами. И из всей человеческой речи им только и остается что-то вроде: "никого уже не жалко!" Их поэзия часто напоминает осколки ледяного зеркала Снежной королевы. Но Заиру нет и тридцати, а цельность образной картины есть.

Если бы во всем журнале были только записки Михаила Бару "Замок с музыкой", номер можно было бы считать удавшимся. Таким легким, живым сочным языком, фантастическим сплавом любви и иронии написать панораму русской провинции - дорогого стоит. Из-за одного этого автора журнал можно полюбить.

Рассказы Дм. Филиппова "Галерная улица" и С. Соловьева "Анна" необъяснимо симметричны роману Шуляка. Эдакая смысловая и сюжетная антитеза, метафизичная взаимоотраженность вещества и антивещества: жесткая корявая источенная могильными червями бесовщина коммунальной сутолоки в "Квартире № 9" Шуляка, и прозрачная поэтичная мелодраматичность не встречи ли, несовпадения ли, на самой грани мыльной оперы, но не переходящая эту грань, в рассказах. Стилистая речевая гладь одного рассказа дополняется и компенсируется сумеречным сбивчивым косноязычием второго. И кажется

КНИГА ЗА КНИГОЙ

вдруг, разрешишь не встреча в первом рассказе телесериально благостным финалом, за финальными титрами проявилось бы то мучительное несовпадение, которое терзает героя и читателя во втором.

И дальше целительным и горьким потоком стихи Сергея Калашникова и ароматное разнотравье поэтического луга "Три стихотворенья", где свободно разместились еще пять поэтов.

И, проштудировав жестковатый и пристрастно-внимательный раздел критики, вдруг ловишь себя на мысли: не вернуться ли к началу номера и перечитать все заново? И не можешь отказать себе в этом удовольствии...

*И ничем не залечить разрыв. / Воздух открывается, как дом. /
Силы собираю, чтоб потом /промолчать, о чем хотел сказать.*
Заир Асим.

Сергей Пиденко

«Казанский альманах», № 10. Казань, Татар. кн. изд-во, 2013. – 231 с.: с фотогр. и илл.

«Казанский альманах» – явление по нынешним временам редкое: это толстое цветное литературно-художественное и культурно-просветительское издание, выпускающееся при правительственной поддержке в рамках республиканской госпрограммы по сохранению, изучению и развитию государственных и других языков Республики Татарстан. Впервые явивший себя читателям в 2006 году, альманах к выходу своего десятого номера накопил немало традиций, лучшими из которых являются добротность во всем – от идеи до выбора шрифта, многофокусность взгляда – под историческим, критическим, философским, краеведческим углами зрения, ориентация на культуру родного края, теснейшее взаимодействие-сотрудничество литературы и изобразительного искусства.

В юбилейном выпуске «Казанский альманах» решается на своеобразный эксперимент, пытаясь объединить всё своё многостраничное пространство и привычное разнообразие рубрик и форм общей концепцией – размышлениями о «литературе и псевдолитературе, писателе и имитаторе».

Заявляет тему, как своеобразный эпиграф, известное стихотворение Бориса Пастернака «Быть знаменитым некрасиво», а продолжает – слово от редколлегии. Это попытка объяснить и обосновать появление новой рубрики – анкеты – в альманахе, одновременно перекинув мостик от классики к современной действительности. И пусть разговор этот получился несколько

КНИГА ЗА КНИГОЙ

наивным (к чему оправдывать один из лучших материалов номера?), но сама идея, безусловно, хороша. Очень уж на месте и к месту такой вот живой, прямой диалог редактора с читателем.

Анкета, содержащая четыре вопроса в продолжение темы, была задумана как сквозная тема, та нить, что прошьет весь толстый сборник. Это несомненная удача редакции, и здесь можно попенять лишь на то, что пять авторов, высказавшихся в этой рубрике, – ах, как это мало!

Развивают тему ироническая рубрика Васи Татарского «На злобу дня» и зубастое эссе Ильи Пустоватого «Рожденные в сети», а завершает – рассуждение «на заданную тему» Аллы Глебовой. Активно помогают и художники неожиданными вкраплениями-кариатурами. И, поданная в таком контексте, подборка литературных, художественных и исторических материалов начинает восприниматься уже в качестве иллюстраций, подтверждающих или опровергающих мысли авторов и читателей вокруг поставленных вопросов. А порассуждать здесь есть о чем, поскольку представленные тексты весьма и весьма разнятся, и даже внутри иной стихотворной подборки порой хотелось бы провести «генеральную уборку», одно выбросив совсем, зато другое, напротив, начистив до блеска...

Основа жизни – мера: / сегодня пить и петь / а завтра скуке серой / нести себя под плеть (Тимур Алдошин)

Татьяна Бочкарь

Тарас Прохасько, «НепрОстые», пер. с украинского, Москва, 2009 г. 336с.

Давно хотел прочесть роман Тараса Прохасько, много о нем слышал. И вот книга у меня. Конечно, сравнения критиков с книгами Маркеса оправданны, но больше – с Павичем. Этот необычный роман писателя-биолога требует полной сосредоточенности и внимания. Сложная структура: обрывки воспоминаний, событий, пейзажей, фотографий. Каждый абзац, а порой и предложение, – законченное высказывание, с одной стороны самодостаточное, с другой добавляющее штрих к общей картине.

Сначала непросто воспринимать роман «НепрОстые» из-за специфической формы: ощущение будто скользишь над текстом, мистически ветвящимся. Читая, увлекаешься, погружаешься в мир Галиции. Здесь живут Непростые – следящие за людьми чародеи, и удивительная семья – Франциск и Себастьян и Анна, муж и жена, отец и дочь. Читатель наблюдает полное взаимное дополнение мужчины и женщины.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Герои представляют собой образы, сотканные из самых разнообразных черт, обыденных и магических. Франциск снимал анимационные фильмы и основал город Яливец, пропитанный джином курорт. Себастьян воевал в Африке, он отличный стрелок, в Яливце он работает в баре, где слушает и рассказывает истории, приобщаясь к искусству баильника. Когда приходит время, бар перемещается в автобус, колесящий с завсегдатаями по стране. Анны могут перевоплощаться в зверей, слышать голоса растений, видят себя в картинах Босха во сне. Растаманы - наемные убийцы, исследователь-орнитолог, старик Бэда на броневике - органично сосуществуют в окрестностях Карпатских гор.

Одна цитата: «Нужно по-настоящему любить места, чтобы они любили тебя». Чтобы так писать, нужно не просто любить то место, в котором обитаешь, нужно глубоко увязнуть корнями в земле, охватить как можно больше пространства, смешаться с ее химией и биологией, широко раскинув при этом крону в небесах. Недаром по образованию автор - биолог.

Прохасько – талантливый писатель, и описывает он сакральную географию украинских Карпат. Топонимики при этом вполне достаточно для сюжета, ведь местность иногда бывает загадочнее любой интриги.

После третьего сна Франциск пошёл на высокий мост и рассказал НепрОстым про Босха.

Алдошин Тимур. «Собака на дереве». Казань, 2013г. 112 с.

В книге Тимура Алдошина есть одна явная героиня... Нет, это не Женщина, не Дева, не Незнакомка! Это – Метафора. Эта дама вполне органично устроилась здесь, гуляя по страницам и перелетая от стихотворения к стихотворению. Лейтмотивы – сон, женщина, литература,мышь, дерево, но главная героиня - все же метафора. Вот автор пишет: «Нас окружают образы вещей»... Именно, именно – образы, перефразируя известную фразу, можно было бы сказать, нас мучают не сами вещи, а наше представление о них, то есть стихи! И это для книги неопровержимо - она мучает загадками, задает вопросы, дает ответы-фантомы.

Лучшие тексты трудно вато выделить, но для меня это: «Если мальчик родится у дерева», «Вслед Стоппарду», «Полине», «Снег впитывает нас, как буквы промокашка», «Голос голод все едино» и другие. При внимательном прочтении становится ясно, что алдошинская игра-поэзия довольно культурологична, мелькают имена и фамилии: Стоппард, Шекспир, Библия, Маяковский, Тютчев, Андерсен, А.Тарковский и т.д. Метафорична и поэзия, и

КНИГА ЗА КНИГОЙ

сама жизнь, по сути, жизнь сама есть метаморфоза, то есть метафора - все превращается во все без всякой лишней ужимки.

Но и культура, и страдание, и радость поэта – неподдельны!! Тимур Алдошин - большой поэт, и книга «Собака на дереве» лишь бросает несколько монет в уже хорошо известную шляпу! Вперед же. На дерево, за собакой-поэзией!!

На улицах лежит мороз, как тать / что ношу взял впервые не по силе / и жалко бросить, и не может встать / и бросил бы, да словно подкосили.

Учаров Эдуард. «Подворотня», Казань, 2013 г. 68 с.

Книга стихов казанского поэта Эдуарда Учарова «Подворотня» - это подарок автора самому себе на 35-летие. Подарок, как теперь понимаешь, не только себе, но и друзьям, знакомым, случайным читателям. Как сказано в предисловии, в книгу вошли как новые, так и некоторые ранние произведения. Итак, что же это за стихи?

Трудно сказать... Читать книгу Учарова легко, скользя по строкам, не получается... Многие задерживает дыхание, заставляет оглянуться, всматриваясь во внутренности внутреннего двора, в «подворотню»... Очевидно, что мир поэта - многомерный, смутный, эмоциональный... Непривычный ритм, метафорические образы, резкость и контрастность стихов... Но в целом всё-таки, если говорить об ориентирах (осознанных или нет), то это Мандельштам, Н.Рубцов, Ю.Кузнецов, может быть, кто-то из метаметафористов. При всем этом изобретательные стихотворения Учарова, нагруженные метафорами и непростыми образами, - достаточно традиционны по форме.

Учаров занимается обновлением классической формы русского стиха. Почти всегда точно, всегда ярко и убедительно, и поиск автора – по-настоящему интересен. Пожелаем казанскому поэту новых стихотворений и новых книг!

В игольное ушко Вселенной/ Кометы вдевается след/ Стежками сшивая мгновенно/ Чернеющих дыр эполет.

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Александров Алексей. Поэт. Родился в 1968 году в г. Александрове Владимирской области. Закончил Саратовский университет, работает инженером. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», в антологиях «Нестоличная литература», «Черным по белому» и др.. Живет в Саратове.

Беляков Александр. Родился в 1962 году. Окончил математический факультет Ярославского университета (1984). Начал печататься с 1988 году, в 1992 году выпустил первую книгу стихов. Автор пяти книг, публикаций в журналах "Знамя", "Дружба народов", "Воздух" и др. Живет в Ярославле.

Боков Николай. Родился в 1945 году в Москве. Поэт, прозаик, член франц. ПЕН-клуба, лауреат премии Дельмас Франц. Академии. С 1970 году публиковался в эмигрантских журналах «Грани», «Посев», газете «Русская мысль»; издавал журнал «Ковчег», работал журнале «La Vie» (Париж; до 2002). Автор 10 книг. Многочисленные публикации. Живет в Париже.

Бочкарь Татьяна. Родилась в 1971 году. 10 лет проработала на «Тольяттикаучуке». Окончила ТГУ по специальности «филология». Работает корректором в информационном центре. Живет в Тольятти.

Голубкова Анна. Родилась в 1973 году в Твери, окончила исторический факультет ТвГУ, филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук (2006, диссертация «Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова»). Статьи и рецензии публиковались в научных сборниках, в журналах «Октябрь», «Знамя» и «Энтелехия» и др. Живет в Москве.

Дубовик Олеся. Родилась в 1990 году в городе Тольятти. В 2008 году поступила в университет ПВГУС. С 2011 года является членом союза художников «Солярис», участвует в выставках. Живет в Тольятти.

Воробьёв Дмитрий. Родился в 1979 году, живет в Чебоксарах. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей, сборниках «Топос» и «Trictras».

Гнатовский Вадим. Поэт, прозаик, художник. Родился в 1970 году. Окончил Саратовское художественное училище. Работал художником-оформителем, журналистом, инженером на НТЦ ВАЗа. Автор двух романов «Прекрасная Бризель»(2002г.) и «Хоспис»(2005г.), рассказов и стихов. Живет в Тольятти.

АВТОРЫ

Грудев Сергей. Родился в 1973 году в Тольятти. Учился в Самарской государственной академии культуры и искусств. Публиковался как поэт в местных изданиях. Живет в Тольятти.

Денисова Любовь. Поэт. Родилась в 1986 году. По образованию – психолог. Живет в Тольятти. Публиковалась в сборниках и альманахе «Графит».

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Ненашев Роман. Родился 1976 года в Борском, Самарской области. Учился в Самарской Гуманитарной Академии, потом переехал в Москву, несколько лет жил в Праге. Выпускник литинститута. Живет в Самаре.

Оносова Оксана. Прозаик, редактор. По профессии библиотекарь. Печаталась в самиздате. Живет в Тольятти.

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах, а также в самиздате. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликован в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга», «Город» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. В 2012 году вышла книга «Слова и мёд». Живет в Тольятти.

Чердаков Василий. Родился в 1962 году. Поэт. Окончил техникум. Стихи печатались в периодических изданиях Самарской области. Живет в Сызрани.

Уткин Сергей. Поэт, прозаик. Родился в 1987 году в городе Шарья Костромской области. Там же закончил школу с серебряной медалью. Учился в Санкт-Петербурге в Балтийском государственном техническом университете.

Шустрова Елена. Поэт. Родилась 1977 году. Образование – педагогический факультет ТГУ. Живёт и работает в г. Тольятти.